

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

На правах рукописи

Иванова Раиса Алексеевна

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЙ КОММУНИКАЦИИ

Специальность 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор Шоркин А.Д.

Симферополь – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Базовые интенции и концепты современных исследований коммуникации	16
1.1. Коммуникация как предмет философско-антропологического анализа	16
1.2. Экспликация ключевых исследовательских концептов.....	26
ГЛАВА 2. ИмPLICITная структура коммуникативного процесса	70
2.1. Предпосылки коммуникации	70
2.2. Условия коммуникации	77
2.3. Сущностные признаки коммуникативного процесса.....	89
ГЛАВА 3. Полнота коммуникации как исследовательская диспозиция	101
3.1. Параметры полноты коммуникации	101
3.2. Насыщенная и усеченная коммуникация	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	144
ПРИЛОЖЕНИЯ	156

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Коммуникация всегда была формой существования человеческой культуры, но современное общество становится обществом «тотальной коммуникации»¹. «Коммуникативный тоталитаризм» монополизирует сферу информационной трансмиссии, редуцируя понимание коммуникации к пространству для общения. Однако, несмотря на усиление значения коммуникации во всех сферах человеческой жизни и ее изучение с разных сторон в великом множестве исследований, судя по всему, ничего не изменило в характере человеческих взаимоотношений. При этом сложилась ситуация стремительного и недостаточно рефлекслируемого роста знания о коммуникации.

В обществе тотальной коммуникации наблюдается дисбаланс количества информации и ее качества, избыточности взаимодействий и дефицит общения, а социальный мир, можно сказать, пульсирует конфликтами по самым разным поводам. Люди воюют не только за доступ к ресурсам, источником и глубинной основой войны зачастую является непонимание. Человек изначально использовал свои первые трудовые орудия – рубило и огонь – также и для того, чтобы поедать себе подобных², и факт того, что человечество еще не подверглось самоуничтожению, может вызывать удивление. Однако следует констатировать и другую сторону нашей взаимной агрессии: параллельно техническому прогрессу продуцировались социальные и гуманитарные инновации и, прежде всего, происходило развитие коммуникации, обусловленной разумной ответственностью человека.

Коммуникация интересует представителей разных наук. Ее изучают филологи, лингвисты, культурологи, психологи, педагоги, экономисты, социологи и другие представители социогуманитарного знания. Она становится предметом

¹ Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.

² Лоренц К. Так называемое зло / К. Лоренц, пер. с нем. А. И. Федорова. М.: Культурная революция, 2008. 616 с.

исследования естественных и технических наук – биологии, физиологии и др. Технические дисциплины изучают коммуникацию как символическую систему, посредством которой осуществляется передача информации, а кибернетика интересуется тем, как эффективно управлять передаваемой информацией. В контексте риторики изучаются навыки эффективной публичной коммуникации, журналистами разрабатываются методики распространения информации и стратегии PR. Лингвисты исследуют вербальную коммуникацию, психологов интересуют индивидуальные и групповые психофизиологические аспекты межчеловеческого взаимодействия. Социологи видят в коммуникации социально обусловленную интеракцию. Так мы становимся свидетелями воплощения в жизнь отличительной черты постмодерна – стремления к расслаиванию и декомпозиции всего того, что на самом деле является целостным и настоящим, реальным. Реальность коммуникации описывается множеством одинаково легитимных теоретических языков и в итоге предстает как нечто незавершенное, мозаичное и полемичное, причем такое плохо связанное множество описаний принято воспринимать в качестве нормального. Частнонаучные программы исследований коммуникации остаются ее разрозненными и порой фрагментарными отображениями, а общенаучная картина антропологической реальности остается не всегда ясным предметом полемики, в которой каждый исследователь, как нам представляется, говорит на своем языке.

Множество различных научных подходов к одному и тому же объекту не всегда способствует коммуникации представителей разных научно-исследовательских кластеров. В итоге, в области исследований коммуникации сложно обнаружить общий порядок, а методологический потенциал междисциплинарного подхода, объединяющего гуманитарный и естественнонаучный, здесь, по нашему мнению, используется недостаточно. Нет общего языка и среди участников гуманитарного дискурса о коммуникации, а разница их языков и фокусировки рефлексии, расплывчатость представлений о цели коммуникации, зачастую выражающаяся не вполне ясным понятием «успех», на наш взгляд, никак не способствуют успеху самих исследований.

Назрела необходимость рассмотрения коммуникации в качестве культурно-антропологической универсалии, что вполне и не без оснований может вызвать к жизни и даже институционализировать коммуникативистику, понимаемую в широком смысле как особое направление социокультурных и гуманитарных исследований.

В 1920 гг. был опубликован трактат М. Шелера «Положение человека в космосе», в котором был введен термин «философская антропология» с целью объединить различные образы человека в рамках единого философского дискурса, снять напряжение безразличия, возникшее между главными подходами к пониманию человека. «У нас есть естественнонаучная, философская и теологическая антропологии, которым нет друг до друга никакого дела, единой же идеи человека у нас нет»³ - писал М. Шелер. В современных терминах замысел Шелера мог бы быть назван «проектом междисциплинарного исследования»⁴. Сегодня по причине «коммуникативного поворота» в философии в целом и в философской антропологии в частности, в таком проекте нуждается основной модус существования человека – коммуникативный. В случае игнорирования этой нужды нам придется довольствоваться частичными локальными зарисовками отдельных и изолированных коммуникативных проблем⁵.

Поиск нужных универсалий коммуникации является прерогативой философии. Задачей философа является как поиск междисциплинарных «сквозных» инвариантных смыслов и значений в коммуникации, так и определение тех «точек сборки», к которым эти смыслы и значения привязываются. По причине отсутствия методологического и предметного единства в теоретических исследованиях коммуникации, мы не можем остановиться на одном определении коммуникации как адекватном самой коммуникативной реальности – рассуждать о коммуникации с помощью строгих

³ Шелер М. Положение человека в космосе / Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 133 с.

⁴ Говорунов А.В. Философская антропология – возвращение проекта/ А.В. Говорунов // Международный журнал исследований культуры, Антропологический поворот. 2014. № 2 (15). С. 12–20.

⁵ Carey J. Communication as Culture. 1989, 241 p.

понятий пока трудно. Скорее можно говорить об определенном роде устойчивых интуициях «коммуникативного вообще» и об исследовательских концептах, которые можно эксплицировать из результатов исследований. Это нужно для того, чтобы далее надеяться посредством аналитических усилий выйти на нечто большее, чем коммуникативный концепт – на инвариантные характеристики коммуникации, на ее идею как воплощение высшей степени совершенства. В нашей работе роль такой идеи будет выполнять понятие полноты коммуникации, а главной задачей будет определение ее параметров.

Замысел настоящей работы, таким образом, состоит в том, чтобы, во-первых, упорядочить имеющиеся разработки коммуникации выделением основных исследовательских подходов и ключевых концептов. Во-вторых, отследить связность смысловых коннотаций этих концептов и эксплицировать структуру, имплицитно поддерживающую авторские стандарты коммуникативного процесса, принятые разными авторами. Понятия, к которым неявно стягиваются смысловые коннотации концептов, в этой структуре являются точками сборки, «узлами» изнаночной стороны ткани осуществляемого дискурса о коммуникации, ее предпосылками, условиями и атрибутами. И, в-третьих, отыскать параметры полноты коммуникации как закономерного следствия ее предпосылок, условий и атрибутов.

Сообразно этой цели на первом этапе мы изучаем исследования на предмет наличия в них концептуальных интуиций, далее, на втором этапе, мы стягиваем обнаруженный хаос концептуальных интуиций в упорядочивающие понятийные «узлы», и, наконец, на третьем этапе мы анализируем эти значения с позиций коммуникативной полноты.

Степень разработанности темы. Интерес к проблеме коммуникации возник одновременно с философской мыслью. Межчеловеческое взаимодействие в качестве ключевой темы занимает прочную позицию в ряду философских трудов, начиная с изысканий древнегреческих философов. В христианской философии эта проблема рассматривается с позиции личностных взаимоотношений Бога и человека.

Интерес к изучению коммуникации отражен в многочисленных российских и зарубежных исследованиях. Среди классиков философии XVIII–XIX вв., уделявших внимание проблеме общения, можно назвать Ф. Шлейермахера, И.Г. Фихте, С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, В.С. Соловьева, В. Дильтея. Понятие «коммуникация» появилось сравнительно недавно, но корни современного его понимания – в работах Дж. Локка, Джона Милля, Чарльза Кули или Эдварда Тайлера и датируются XVII–XIX веками.

Находящаяся в фокусе данного исследования аналитика коммуникации предпринимается с первой половины двадцатого века. В XX–XXI вв. весомый вклад в разработку философско-антропологических аспектов проблематики коммуникации внесли исследователи информационно-функционалистского направления: К. Шеннон и У. Уивер, Р. Якобсон и М. Маклюэн⁶ создали и развили линейную модель коммуникации как процесса передачи, получения и обработки информации. Последователи семиотического подхода (У. Эко, Ж. П. Бодрийяр, П. Грайс, Т. Дейк, Ж. Лакофф⁷) сформировали понимание коммуникации как циркуляции кодов и смыслов в социальном пространстве. Исследователи бихевиористской направленности И. Гоффман, Т. Ньюкомб, Р. Гроотендорст⁸ рассмотрели коммуникацию как процесс взаимовлияния индивидов. Феноменологи А. Шютц, Г. Шпет, М. Бубер, К. Ясперс, П. Рикёр, Э. Гильдебрандт⁹ внедрили в исследовательский оборот понимание коммуникации как экзистенциального отношения друг к другу в процессе

⁶ Шеннон К. Современные достижения теории связи // Информационное общество / К. Шеннон. Под ред. А. Лактионова. М., 2004. 509 с.; Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975. 467 с.; McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964, 396 p.; 92. Grice H. P. Logic and conversation. In: «Syntax and semantics», v. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y., Academic Press, 1975, p. 41–58;

⁷ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. 432 с.; Baudrillard Jean. Ecstasy of Communication. The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture. Ed. H. Foster. Port Townsend: Bay Press, 1983. p. 126–133; Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Дейк БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ: Корпус гуманитарных дисциплин, 2000. 308 с.; Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем (Metaphors We Live By) / Дж. Лакофф (George Lakoff), М. Джонсон (Mark Jonson). М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

⁸ Goffman E. Interaction Ritual. N. Y.: Doubleday, 1967, 270 p; Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии/ А.В. Назарчук. М.: Прогресс — Традиция, 2009. 320 с.; Eemeren F.H., Grootendorst R. Speech acts in argumentative discussions. Dordrecht etc., 1987, 574 p.

⁹ Шютц А. Некоторые структуры жизненного мира // Личность. Культура. Общество. 2007. № 2 (36). С. 52–68; Шпет Г. Г. Герменевтика и её проблемы / Г. Г. Шпет. — М.: Контекст, 1989. 816 с; Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с; Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. М.: Медиум, 1995. 405 с; Гильдебрандт Д. Метафизика коммуникации. Исследование сущности и ценности общественных отношений / Д. Гильдебрандт, пер. с нем. А.И. Смирнова. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. 384 с.

непосредственного контакта. Представители критической традиции (Ю. Хабермас, К. Апель, Н. Луман¹⁰) сфокусировались на подлинности коммуникации с Другим и на ее искажении социальными системами. Среди российских авторов, внесших свой вклад в исследование коммуникации, можно выделить работы Г. Шпета, С. Франка, Ю. Лотмана, М. Бахтина и А. Пятигорского¹¹, а также работы современных отечественных исследователей Аванесова С.С., Иванову О.Э., Клягина С.В., Клюканова И.Э., Черникову В.Е.¹²

Можно отметить формирование методологически перспективного направления исследований коммуникации в рамках философско-текстологического подхода крымскими философами. Они исследуют отличие философского анализа коммуникации от ее аналитики любого другого типа, изучают механизм воплощения смысла в текст и его извлечение в процессе интерпретации¹³. Ими подмечен экзистенциальный эффект коммуникации, в свете которого важно не содержание общения, а его форма как никогда не исчерпывающее себя «стояние друг с другом»¹⁴.

Вышеприведенная выборка анализируемых нами исследований осуществлена по следующим основаниям:

1. Совокупность высказанных исследователями идей репрезентативна в том смысле, что она образует «ядро» формирующейся теории коммуникации и является основанием для ее дальнейшего развития.

¹⁰ Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. Пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2008. 417 с; Апель К.О. Дискурс і відповідальність: проблема переходу до пост конвенціональної моралі / Пер.з нім. В. Купліна / К.О. Апель. К: Дух і Літера, 2009. 430 с; Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.

¹¹ Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы / Г.Г. Шпет послесл. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1996. 192 с; Франк С.Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. М.: Республика, 1992. 510 с; Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. / Ю.М. Лотман. М.: Научный совет по комплексной программе «Кибернетика». Предварительная публикация, 1977. 550 с; Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. / М.М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1986. 543 с; Пятигорский А.М. Избранные труды / А.М. Пятигорский. М., 1996. 592 с.

¹² Аванесов, С. С. Антропологический тупик //Человек.RU : альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2015. № 10. С. 33–45; Иванова О.Э. Проблема смысла в коммуникации: парадигмальный подход. Челябинск: ЧГПУ, 2014, 273 с.; Клягин С.В., Шитунова О.Д. Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2017, 222 с.; Клюканов И.Э., Султанова М.А. Коммуникативный универсум. М.: РОСПЭН, 2010, 256 с.; Черникова В.Е. Антропологическое измерение коммуникации в условиях информатизации общества. Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, № 3, 2016, с. 50-59

¹³ Рыскельдиева, Л.Т. Текст и коммуникация (философские размышления): монография / Л.Т. Рыскельдиева, Ю.М. Коротченко, О.А. Шапиро, О.В. Зарапин. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2018. С.137

¹⁴ Рыскельдиева, Л. Т. Очерки по философии культуры и общества / Науч. ред. Рыскельдиева Л. Т. Симферополь : ДИАЙПИ, 2012. 263 с.

2. Рассмотренные нами труды входят в число наиболее цитируемых работ по тематике исследования.

3. Интенсивное изучение коммуникации началось приблизительно в 1918 году и длится по сей день. Пик интенсивности приходится на 1960–2000 годы. На протяжении этого периода в среднем каждые два года появлялась заметная работа, вносящая коррективы или уточнения в компендиум уже имеющихся коммуникативных исследований. Распределение во времени коммуникативных исследований не случайно – ими сопровождаются события, имеющие глубокие последствия для человечества, что обнаруживает их социокультурную детерминированность. Факт детерминации исследовательских поисков социокультурными условиями надежно установлен многими исследователями, среди которых – Дж. Агасси, Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд, П. Полани, К. Хюбнер и другие. Представленные в выборке исследования встроены в социокультурный бэкграунд последнего столетия¹⁵.

Существует и продолжает появляться множество значимых работ, посвященных коммуникации, растет количество и разнообразие ее интерпретаций. Тем не менее, теории коммуникации как четко определенной области знания пока нет. Существуют некоторые определяющие область указатели, например, работы по истории коммуникативных исследований (Р. Крейг, К. Дженсен, П. Симонсон, Дж. Пек¹⁶ и другие), а также коллективные работы – учебники, энциклопедии, антологии (МакГрау-Хилл, Миллер К., Холмс Д., Назарчук А.В., Шарков Ф.И., Гавра Д., Яковлев И.П.¹⁷). Впрочем, такая исследовательская активность характерна, прежде всего, для западных

¹⁵ Иванова Р.А. Социокультурные детерминанты современной теории коммуникации // Идеи и Идеалы. 2017. №3. Т.2. С. 81-93.

¹⁶ Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания / Р.Т. Крейг // Компаративистика III, СПб: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. 2003. С. 72—126; Jensen A. Interpersonal Communication. Oxford University Press, 2011, 402 p; Simonson P, Peck J. Handbook on Communication History, 2013, 491 p.

¹⁷ McGrawHill. Communication Works!, Student Edition, McGraw-Hill Education, 2001, 396 p; Miller J. An introduction to speech communication. Bobbs-Merrill, 1972, 102 p; Holmes D. Communication theory: media, technology and society, 2008, 255 p; Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии/ А.В. Назарчук. М.: Прогресс — Традиция, 2009. 320 с; Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации: Учебник / Ф. И. Шарков. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. 592 с; Гавра Д. Основы теории коммуникации / Д. Гавра. Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2011. 288 с; Яковлев И.П. Основы теории коммуникации. Учебное пособие / И.П. Яковлев. СПб.: Институт управления и экономики, 2001. 230 с.

академических кругов. На постсоветском пространстве и, в частности, в России, кроме издания учебников по теории коммуникации, порой имеющих обзорный характер, исследуются частные, специальные темы, такие как межличностные отношения или медиа-эффекты.

Р. Крейг¹⁸ справедливо отмечает, что в книгах и статьях по теории коммуникации редко упоминаются другие авторы, работающие в этой же отрасли знания, исключение составляют узкоспециализированные работы (междисциплинарные исследования, выполненные в рамках научных школ). За пределами этих небольших групп между теоретиками коммуникации не возникает ни соглашений, ни расхождений, они фактически игнорируют друг друга. Метафорически метко выразился шведский теоретик коммуникации М. Розенгрэн¹⁹: «Область коммуникации выглядит так, как будто разделена на несколько изолированных лягушачьих прудов – между ними не слышно дружеского кваканья, очень мало продуктивного общения, мало случаев успешного перекрестного оплодотворения». Не удивительно, что первый из авторов вопрошает, почему так мало теорий коммуникации, а второй возмущается их слишком большим количеством.

Дж. Андерсон²⁰ проанализировал содержание семи учебников по теории коммуникации и выделил 249 различных «теорий», 195 из которых упоминались лишь в одном из семи учебников. То есть, только 22% теорий были упомянуты более чем в одном учебнике, и всего 18 из 249 (7%) были включены более чем в три книги. По данным американских исследователей Ф. Данса и К. Ларсона, в работах американских коммуникативистов насчитывается 126 определений коммуникации²¹. Подобные факты свидетельствуют о давней и деструктивной рассогласованности исследований коммуникации.

Объект исследования – исследования коммуникации.

¹⁸ Крейг, Р.Т. Теория коммуникации как область знания / Р.Т. Крейг // Компаративистика III, СПб: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований, 2003. С. 72—126.

¹⁹ Rosengren K.E. From Field to Frog Ponds. Journal of communication. 1993. 43(3), p. 6-17;

²⁰ Anderson J.A. Communication theory: Epistemological foundations. New York: Guilford Press, 1996, p.173

²¹ McKeon R. The Freedom to Read: Perspective and Programm, 1957, p.116.

Предмет исследования – концептуальное отображение коммуникативного процесса в исследованиях коммуникации.

Цель исследования состоит в экспликации ключевых концептов современных исследований коммуникации и поиске конститутивных свойств коммуникации посредством упорядочивания выявленных концептов.

Концептуализация отвечает требованию научной целесообразности (использование исследовательских концептов стремится к воссозданию образа реальности). В каждом из проанализированных исследований содержится определенная модель реальной коммуникации, что позволяет нам осуществить методологический переход от заключений о свойствах коммуникативных концептов к выводам о характеристиках непосредственно коммуникативного процесса, используя тексты исследователей коммуникации в качестве инструмента познания коммуникации.

Сформулированная цель требует решения следующих исследовательских **задач**:

1. аналитического рассмотрения исследовательского ландшафта, выделения основных подходов в области исследований коммуникации;
2. экспликации концептов из современных исследований коммуникации;
3. упорядочения имеющихся разработок коммуникации посредством выделения основных исследовательских подходов и ключевых концептов;
4. отслеживания связности смысловых коннотаций этих концептов, выявления структуры, имплицитно поддерживающей модели коммуникативного процесса;
5. поиска параметров полноты коммуникации.

Гипотеза исследования: эксплицированные исследовательские концепты стягиваются к нескольким понятийным узлам: к предпосылкам коммуникации, ее условиям, атрибутам и критериям коммуникативной полноты.

В качестве **методологической основы** исследования применяется структурно-функциональный подход, позволивший раскрыть объект и предмет исследования в их полноте, выявить их структурные аспекты.

Решение конкретных задач, сформулированных в работе, осуществляется также на основе таких методов как:

1. *Герменевтический метод*, применение которого привело к поиску ключевых концептов коммуникативных исследований к результату;
2. *Метод гносеологической экспликации*, позволивший осуществить концептуальную селекцию и дальнейшую концептуализацию исследований коммуникации;
3. *Идеографический метод*, посредством которого были выявлены условия, лежащие в основе существования определенных концептуальных доминант;
4. *Структурно-функциональный анализ*, использование которого сделало возможным выделение структурных компонентов коммуникативного процесса в контексте коммуникативных исследований;
5. *Критический метод*, позволивший проанализировать позитивные и негативные стороны коммуникативных признаков;
6. *Компаративистский метод*, при помощи которого удалось обозначить элементы коммуникативной структуры и признаки коммуникации, а также соотнести результаты применения критического метода с результатами использования структурно-функционального анализа

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Осуществлено концептуальное упорядочивание современных исследований коммуникации.
2. Предложена концептуальная структура коммуникативного процесса, релевантная результатам современных исследований коммуникации.
3. Выявлена конститутивная исследовательская диспозиция — полнота коммуникации.
4. Разработаны параметры коммуникативной полноты, по степени соответствия которым коммуникация может быть насыщенной или усеченной.

С учетом общих теоретических результатов и новизны исследования **на защиту выносятся следующие основные положения:**

1. Разница языков описания порождает неупорядоченное множество концептов исследований коммуникации, их смысловые коннотации связываются немногими понятийными узлами, составляющими имплицитную структуру коммуникации.

2. Содержание каждого из понятийных узлов структуры коммуникации относится либо к предпосылке, либо к условию, либо является конститутивной характеристикой коммуникативного процесса. Эти элементы являются опорными точками построения структуры коммуникативного процесса.

3. Предпосылками коммуникативного процесса являются субъектность, мотивация и язык. Под субъектностью подразумевается наличие субъектов коммуникации, под мотивацией – их устремленность к контакту, под языком – система знаков, обеспечивающая коммуникативный обмен. Условиями коммуникативного процесса являются общность кодов (совпадения в системе обеспечивающих коммуникацию знаков, позволяющие субъектам взаимодействовать), нормы (деонтический аспект коммуникации), эмоции (коммуникативно значимые субъективные реакции коммуникантов) и инструменты (средства, позволяющие осуществлять коммуникацию). Существенными характеристиками коммуникативного процесса выступают упорядоченность как внутренняя устойчивая организация составляющих коммуникативный процесс элементов, изменчивость как разнообразие признаков коммуникации в пределах сохранения ее видовых отличий, информационная трансмиссия как передача информации коммуникантами и взаимность этого обмена.

4. Коммуникации присуще диспозиционное измерение, идея, конституирующая любое исследование коммуникации – степень полноты. Если коммуникативная полнота есть и это подтверждается ее параметрами, тогда идея получает эталонное воплощение. Либо коммуникативная полнота не достигнута и это фиксируют ее параметры, тогда возможны многие варианты ее усечения, вплоть до отсутствия. Без идеи полноты коммуникативные модели теряют практическую значимость.

5. Параметры коммуникативной полноты: интенсивность коммуникативного процесса (частота и продолжительность контактов, а также сила и направленность обмена), вовлеченность в процесс (ориентация на поддержание коммуникации), коммуникативная компетентность (навыки взаимодействия, управления процессом, способность к преодолению коммуникативных трудностей) и доверие. Коммуникация насыщена, если достигает оптимального значения по этим параметрам.

6. О предельной коммуникативной насыщенности можно говорить при условии, что ее предпосылки, условия и атрибуты систематически работают на поддержание и воспроизводство коммуникации. В действительности такое случается редко – человек пребывает преимущественно в состоянии усеченной по какому-либо признаку коммуникации. Такая коммуникация характеризуется рядом произвольных по локализации в коммуникативном процессе, а также не привязанных ко времени и длительности своего появления признаков – так называемых «мерцающих» признаков. Таким образом, дисфункции имеют место на всех уровнях устройства процесса коммуникации: как на уровне предпосылок и условий, так и на уровне атрибутов и взаимодействия диспозиционных параметров. В зависимости от того, какая комбинация элементов имеет в своем составе «мерцающее» звено, предварительно можно выделить минимум девять типов усеченной коммуникации: инфантильную, алчную, химеричную, манипулирующую, развенчивающую, блиц-коммуникацию, ускользящую, транс-онтическую и десубъективирующую.

Теоретическая значимость. В работе описаны философско-антропологические параметры одной из основных констант человеческого бытия, что позволяет преодолеть фрагментарность в отношении к одному из ключевых его модусов – коммуникации, а это способствует более глубокому пониманию его сущностных характеристик.

Практическая значимость. Обнаруженные в ходе исследования параметры позволяют проводить диагностику актуального состояния коммуникативного процесса, определяя степень его насыщенности, на основании которой впоследствии

могут разрабатывать стратегии, направленные на максимизацию полноты осуществляемой коммуникации. Материалы диссертации, её отдельные положения могут быть использованы в рамках формирования учебных курсов.

Апробация диссертации. Полученные в ходе исследования результаты и выводы прошли апробацию посредством представления на научно-практических конференциях: I научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского» (Симферополь, 2015), Международных Таврических чтениях «Анахарсис» (Судак, 2015; 2016; 2017), II научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского» (Симферополь, 2016), Международной онлайн конференции «Высшее образование в 21 веке» (Симферополь, 2017), Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку» (Ростов-на-Дону, 2018).

Основное содержание диссертации отражено в девяти научных публикациях, в том числе в трех статьях из перечня изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, содержащего 146 источников (из них 30% – иностранные) и двух приложений. Совокупный объем диссертации составляет 164 страницы.

ГЛАВА 1. БАЗОВЫЕ ИНТЕНЦИИ И КОНЦЕПТЫ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОММУНИКАЦИИ

1.1. Коммуникация как предмет философско-антропологического анализа

Социокультурная жизнь в XX–XXI веках сопровождается быстрыми и основательными переменами. Вследствие активизации глобальных процессов – завершения эпохи колониализма, формирования новых отношений между политически самостоятельными государствами, интенсификации модернизации после Второй мировой войны, роста урбанизации претерпевают существенные трансформации области философского и научного знания. Во второй половине XX века предметом обсуждения научным сообществом стала смена наличествующего комплекса принципов теоретического познания, который Т. Кун назвал парадигмой, а М. Фуко – эпистемой.

Рефлексия над методологическими основаниями познания привела к обнаружению несоответствия имеющихся научных средств накопившимся проблемам, в том числе и в философской антропологии. Фокус академического внимания поэтому закономерно сместился с исторической макродинамики к социокультурной микродинамике, основу которой составляет коммуникативное взаимодействие между людьми. С периферии в предметный центр стали перемещаться такие виды исследовательской активности как построение теоретических моделей для организации и интерпретации фактов, которые характеризуют активность людей, способы формирования и поддержания коммуникации разных видов, функциональные и динамические механизмы регулирования межличностного взаимодействия. Такой акцент на сфере коммуникативного закрепил в качестве актуальной для философской антропологии новую задачу: идентифицировать поддерживающие коммуникативное пространство структурные связи прежде чем осуществлять следующий шаг – их погружение в ситуативный или общекультурный контекст. Однако несмотря на заметное продвижение в этом актуальном направлении, коммуникативные исследования пока слабо закреплены (в том числе и институционально) в предметном поле этой области философского знания.

При обсуждении задач претерпевающей изменения философской антропологии возникает проблема демаркации антропологического и неантропологического дискурсов. Сами специалисты-антропологи отмечают

размытость термина «антропология», затрудняясь однозначно обозначить его объём и содержание²².

Современный антропологический дискурс активно формировался на протяжении XIX-XX веков такими мыслителями как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор, М. Шелер, Х. Плеснер, П. Флоренский, М. Бахтин, Л.С. Выготский, Ж.П. Сартр, М. Фуко, Ж.Л. Нанси и другими. В истории становления антропологии справедливо выделяются такие периоды: этнологический (1800 – 1860); эволюционистский (1860 – 1895); исторический (1895 – 1925)²³. Этнологический период связан с увеличением объёма этнографических данных в эпоху Великих географических открытий. Первые «этнологические» антропологи занимались анализом этнографической информации, сосредотачиваясь на непосредственном «полевом» изучении культур, в основном, бесписьменных народов. Антропологи эволюционистского периода развития осуществляли попытки объяснить культурное разнообразие человечества предположением о том, что все культуры, как и отдельные их институты, претерпевают определённые стадии своего естественного постепенного развития – своеобразного аналога природной эволюции. Для исторического периода развития антропологии характерен акцент более на духовных образованиях, нежели на материальных артефактах – попытка принимать во внимание историческую обусловленность происходящих в человеке изменений. Далее становится сложно выделить какой-нибудь цельный моноидейный этап – единый философско-антропологический дискурс становится дискретным, распадаясь на множество частных течений вроде семиотической или психоаналитической антропологии. Позднее, вследствие активизации глобальных процессов (завершения эпохи колониализма, формирования новых отношений между политически самостоятельными государствами, интенсификации модернизации после Второй мировой войны, роста урбанизации) во все еще диффузной антропологии складываются предпосылки для специального исследования

²² Аванесов С. С. Антропологический тупик //Человек.RU : альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2015. № 10. С. 38.

²³ Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. М.: Вече: АСТ, 2003, С. 476.

коммуникации и, соответственно, предпосылки для возвращения утерянной целостности дискурса. В качестве ядра антропологических исследований прочно устанавливается тема коммуникации Я с суверенным Другим.

Как эмпирическая данность человек слишком сложен для изучения – предмет антропологии многоаспектен, вследствие чего возник целый спектр дисциплин антропологического толка, специализирующихся на изучении отдельных аспектов человека. Главной задачей философской антропологии является интеграция множества человеческих аспектов в единое целое. Следовательно, философская антропология чаще всего справедливо определяется как область знания о человеке в целом, в рамках которой изучаются и вопросы о его происхождении и связях с окружением, и созданный им искусственный мир, и организация взаимодействия и коммуникации людей. Эти аспекты человеческого существования сохраняют актуальность и сегодня²⁴. Таким образом, далее в тексте под философской антропологией будет пониматься рефлексия над частнонаучными программами изучения человека.

Частные науки о человеке преследуют иные, более узкие, хотя и очень важные, цели. Этот нюанс метко подчеркивает российский философ-антрополог Аванесов С.С., утверждая, что в радиус обзора микроскопа частной науки весь человек не «вмещается», «вмещаются» только его детали²⁵. Например, в биологии человек рассматривается как живой организм, хотя очевидно, что он не тождественен своему телу. Аналогичная ситуация складывается в психологии, которая отождествляет человека исключительно с его психикой²⁶.

Философская антропология за период формирования претерпела значительные предметные изменения, обусловившие ее современное существование на трех уровнях:

а) мегауровне, включающем в себя общие исследования глобальной и всеобщей истории человечества;

²⁴ Орлова Э.А. История антропологических учений. М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. С.18-19.

²⁵ Аванесов С. С. Антропологический тупик //Человек.RU : альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2015. № 10. С. 38.

²⁶ Ивонин Ю.П. Институционализация философской антропологии. Историк-философский аспект //Человек.RU : альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2006.№ 2. С. 130

б) макроуровне, состоящем из исследований строений отдельных обществ;
в) микроуровне исследований межчеловеческого взаимодействия, коммуникации.

Некоторые авторы по-прежнему вытесняют микроуровень коммуникации на исследовательскую периферию – как нечто, не входящее в классическое предметное поле философской антропологии, но то, что остается предметом социологии и социальной философии. Однако в реальном современном глобализирующемся мире роста и уплотнения коммуникативных связей без понимания устройства коммуникации понимание человека невозможно.

Кризис в философской антропологии означает, что накопилось большое количество вопросов, которые остаются без ответа²⁷. Логически и тематически он связан с тотальной проблематизацией антропологических объяснительных конструкций классического типа, интерпретировавших человека как сущее, чье бытие детерминировано сущностью или субстанцией²⁸. Российский философ С. С. Хоружий пишет о том, что классическая европейская антропология предъявляет человеку понятие о его сущности или природе и предполагает, что человек конституируется в процессе актуализации своей сущности, будучи ею полностью детерминирован²⁹. Соответственно, антропология в широком смысле – учения различных философов о сущности, природе и назначении человека³⁰ – потерпела неудачу, поскольку практиковала соотнесение человека с какой-либо сущностью и становясь частью карательной социальной стратегии³¹, инициируя процесс расчеловечивания личности в ходе исторических катаклизмов XX века³². Э. Кассирер характеризует сложившееся кризисное положение философской

²⁷ Коковин И.С. Генезис антропологических концептов в философии: поиска предмета // Человек.RU : альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2015. № 10. С. 109

²⁸ Коковин И.С. Современная антропология в России: вызовы и ответы // Человек.RU : альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2016. № 1. С. 134

²⁹ Хоружий С.С. Трансформативная антропология глазами синергичной антропологии (к проблеме постчеловека) // Фонарь Диогена. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 82

³⁰ Гиренок Ф.И. Смена перспектив в философии человека // Человек.RU: альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2015. № 10. С. 84

³¹ Нанси Ж.-Л. Сегодня. Лекция, прочитанная в январе 1990 г. в Институте философии РАН в Москве // Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. М.: Ad Marginem, 1994. С. 131.

³² Смирнов С.А. Чертов мост. Введение в антропологию перехода // С.А. Смирнов. Новосибирск: НГУЭУ, 2010. 491 с.

антропологии следующим образом: «Основной целью всех этих теорий было обоснование единства и единообразия человеческой природы. Но если мы рассмотрим объяснения, которые пытались дать эти теории, то окажется, что единство человеческой природы весьма сомнительно. Каждый философ верил, то он нашел главную пружину и определяющую человеческую способность. Но характеризуя эту определяющую способность, все теории резко различаются между собой и даже противоречат друг другу»³³. Можно сказать, что в каждую историческую эпоху перед человеком возникает задача создать себе новую сущность; по словам Ландмана, «быть человеком — означает стать им, это бесконечный процесс самосоздания»³⁴.

Упомянутый кризис свидетельствует о необходимости коррекции курса дальнейшего методологического развития и смены исследовательских акцентов в философской антропологии с учетом актуальных изменений человеческого существования, прежде всего — вследствие заметной интенсификации коммуникативных процессов, «коммуникативизации». Впереди — скачок, в котором сохранятся все свойства прежнего человеческого существования, но добавится новое качество, связанное с увеличением степени интеграции³⁵.

Коммуникативные процессы активно изучаются с XX века, но теория коммуникации пока не выстроена. В фокус анализа помещаются взаимодействующие люди, что влечет за собой приоритет в исследованиях пространства интерсубъективности, которое одновременно как формируется коммуникантами, так и оказывает влияние на их дальнейшее поведение. Именно исследования коммуникации могут вывести философскую антропологию из кризиса. Мифическая сущность человека, на базе которой классические антропологи выстраивали теории человека, «компенсируется» именно онтологической коммуникацией, задающей и горизонт, и контекст человеческого

³³ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке // Э. Кассирер. М.: Гардарики, 1998. С.119.

³⁴ А. Сервера Эстиноза. Кто есть человек? Философская антропология // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. М. Высш. шк., 1995. С.76.

³⁵ Герасимов С.В. Некоторые тренды человеческого развития // Философские науки. С.134.

бытия³⁶. Специфика и проблемность философско-антропологического исследования заданы как раз этим особым характером его предмета – имплицитностью и труднодоступностью динамично-коммуникативного способа существования человека.

На современном уровне социально-научного знания отношения человека с природным и искусственным окружением принято связывать с представлением о фундаментальных антропологических универсалиях – общечеловеческих врожденных свойств, характеризующих фундаментальные связи человека с окружением³⁷. Неизбежность человеческого общежития, онтологически детерминированная социальность, предполагает аналитику обусловленного данными свойствами модуса человеческого существования – коммуникации. Человек живет в со-общении с другим человеком: «человеческая природа определяется коммуникативной практикой»³⁸, лежащей в основе формирования культуры как единственно возможного способа человеческого существования. «Глубочайшая сущность человека позволяет ему найти вполне удовлетворительное осуществление лишь в культуре и с культурой»³⁹. Поскольку коммуникативно-культурное пространство является естественной средой человеческого бытия и условием существования человека, постольку, утверждая коммуникативность человека, мы по необходимости имеем ввиду и то, что в предельном смысле, нормальный человек коммуникативен не столько социально-поведенчески, сколько онтологически⁴⁰. Человек не рождается культурным – культуре обучаются как способу адаптации к окружению или как необходимому средству коммуникации и проявления себя⁴¹. Посредством коммуникации происходит инкультурация человека и тесно с ней связанное освобождение человека от окружающей среды, сковывающей животное. Инкультурация

³⁶ Аванесов С. С. Антропологический тупик // Человек.RU : альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2015. № 10. С. 41.

³⁷ Орлова Э.А. Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. 2011. № 5. С.172.

³⁸ Гутнер Г.Б. Личность и коммуникативная рациональность // Личность. Культура. Общество. 2008. С.28.

³⁹ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопр. философии. 1992. № 3. С.50.

⁴⁰ Аванесов С.С. Личность как синергичная конституция // Философские науки. 2008. № 2. С.33.

⁴¹ Л. Фарре. Философская антропология // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Высш. шк. 1995. С. 197.

тождественна выживанию – человек, в отличие от животного, в одиночестве выжить не способен: для него начало и продолжение жизни является чем-то социальным, таким, что должно осуществляться в связи с другими⁴². Генезис и формирование человека с неизбежностью коммуникативно окрашены.

Существует распространенное мнение о том, что предметом философской антропологии является происхождение, история и содержание культуры. Это мнение институционально оформлено в «теоретическую антропологию». Теоретическая антропология – это синоним философии культуры, обозначающий исследования социальной организации, образа жизни, символических систем носителей определенных культур. Такие исследования сродни «теориям среднего уровня» в социологии, состоящих из обобщений, соединяющих практику и теорию – «теорий, находящихся в промежуточном пространстве между частными, но также необходимыми рабочими гипотезами, во множестве возникающими в ходе повседневных исследований, и всеохватными систематическими попытками развить единую теорию, которая будет объяснять все наблюдаемые типы социального поведения, социальных организаций и социальных изменений»⁴³. Культура означает определенный способ бытия. В рамках теоретической антропологии не поднимаются вопросы об экзистенциальной реальности человека, обуславливающей его сущностную оригинальность. Сведение всей проблемы человека к описанию культуры означало бы невнимание к основной стороне вопроса: что определяет культурную сущность человека?⁴⁴. Задачей же философской антропологии является поиск универсальных структурных связей между аспектами динамичной человеческой сущности. Антропология не становится философской антропологией только по той причине, что ей уделяют внимание философы. Философской она становится тогда, когда формирует нейтральный тип человека, некоторую абстракцию, концепцию, являющуюся

⁴² А. Сервера Эспиноза. Кто есть человек? Философская антропология // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Высш. шк., 1995. С.93.

⁴³ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 688.

⁴⁴ Л. Фарре. Философская антропология // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Высш. шк. 1995. С. 170.

результатом мыслительной деятельности – некий субъект, отличающий себя от объектов и способный вступать в диалог с другим человеком⁴⁵.

Утверждение немецкого антрополога Э. Боша о том, что «как поле активности культура не только включает в себя и контролирует действие, но и постоянно трансформируется им, поэтому культуру можно рассматривать и как процесс и как структуру»⁴⁶ сохранит свою адекватность и в случае замены в нём понятия культуры на понятие коммуникации. Межчеловеческое взаимодействие состоит из множества подвижных центров совместных действий коммуникантов, «узлов», вследствие чего обладает активной структурой. Различные участки этой структуры насыщаются повседневными действиями людей. Таким образом, совокупность организующих коммуникацию «узлов» и «межузловых» дистанций представляют собой сеть, заключающую в себе пространство межличностных взаимодействий, в рамках которого происходит их координация. Коммуникация одновременно является и структурой (организация пространства взаимодействия) и процессов (взаимная координация пространств действия каждого из коммуникантов). Процессуальный уровень концептуально корректно отображаем категориальным объединением события, поведения и действия, осуществляемых индивидом в определенном контексте с некой интенсивностью на некотором уровне компетентности и доверительности (речь идёт о параметрах коммуникативной полноты). Структурность проявляется как концептуальное выведение из этих связей системы взаимозависимых характеристик, составляющих целостное представление о коммуникации.

В социальной философии коммуникация исследуется с позиций формирования ею устойчивых структур, поддерживающих социальную солидарность и массовые общественные процессы. Философская антропология ориентируется на исследования коммуникации как на исследования фактора, в исторической перспективе формирующего человека в разные времена и в разных условиях. То есть, философская антропология выявляет и описывает не

⁴⁵ Там же С. 202

⁴⁶ Boesh E.E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology.1991.308 p.

коммуникацию с позиций институциональных структур и функций (как социальная философия), не внутрииндивидуальные особенности коммуникации (как общая психология, на которую долгое время опиралась философская антропология), не образ коммуникативного взаимодействия людей в контексте природной и искусственной среды (как философия культуры), а устройство коммуникации как связи с другим, формирующей этих двоих, их очеловечивающей.

Тема коммуникации в философской антропологии не являлась центральной вплоть до последних десятилетий. Коммуникация изучалась социологами, но тоже не в качестве основной: активность индивида в социологическом и социально-философском контекстах связывалась прежде всего с действием. Однако отсутствие объясняющей характер коммуникативного процесса теории в качестве результата исследований индивидуальных действий продемонстрировало необходимость размещения проблематики коммуникативного взаимодействия в предметном фокусе философско-антропологических исследований. Антропологический дискурс с самого начала своей истории до сегодняшних дней содержит базовое подразумеваемое представление о том, что бытие человека с необходимостью сопряжено с коммуникацией между людьми. Младенец не может стать человеком вне процессов коммуникации. Человек как «социальное животное» не способен выжить в одиночку – формой бытия человека является общество. Инкультурация человека осуществляется посредством коммуникации. Все эти антропологические характеристики сегодня гиперболизируются закреплением коммуникации в качестве основного параметра человеческого существования. Таким образом, в качестве актуальной тенденции развития современной философской антропологии можно выделить ее интенсивную коммуникативизацию и соответствующее размещение исследований коммуникации в ее тематическом фокусе.

Несмотря на свою полиаспектность, человек остается цельным явлением. В то же время частные науки фокусируются на изучении отдельных аспектов

человеческого бытия, не интегрируя их в единое целое – преимущественно человек отождествляется с каким-либо своим измерением, от остальных частная наука с необходимостью абстрагируется. Соответственно, задачу интеграции человеческих характеристик и конструирование образа понимания человека берет на себя именно философская антропология. На фоне роста и уплотнения коммуникативных связей без понимания устройства коммуникации понимание человека невозможно.

В то же время для современной философской антропологии включение коммуникации в свое предметное поле имеет первостепенное значение в силу ряда обстоятельств:

✓ Господствующего в антропологической теории онтологического допущения о социальности человека недостаточно для того, чтобы объяснить осуществление этой характеристики в контексте современности. Это указывает на своевременность обращения к изучению происходящих между людьми коммуникативных взаимодействий.

✓ Об актуальности коммуникативного поворота в философской антропологии свидетельствует возрастающий интерес к межкультурным взаимодействиям и их последствиям в условиях глобализирующегося мира.

✓ Наряду с обилием лингвистически окрашенных структуралистских и постструктуралистских разработок, потенциал функционалистского подхода к изучению коммуникации остаётся нераскрытым в полной мере. Функционалистский акцент на связях между структурными единицами коммуникативного процесса позволит изучить предпосылки, условия и средства осуществления коммуникации с иных позиций.

✓ Обращение к исследованию коммуникативного взаимодействия открывает новые горизонты в изучении социокультурной динамики. Предметом анализа становится прежде всего то, что происходит между людьми, а уже потом – в каких событиях произошедшее воплощается, какую значимость имеет для общего контекста.

✓ Философско-антропологическая модель универсальна и потому равно применима к теоретическому описанию любых видов коммуникации (межкультурных, межгрупповых, межличностных), поскольку речь идет не об организационных или институциональных структурах, как в социальной философии или социологии, а о людях.

1.2. Экспликация ключевых исследовательских концептов

Ключевая задача проводимого исследования заключается в создании единого концептуального пространства, обеспечивающего возможность сосуществования и взаимодействия различных коммуникативных концепций. Существующие описания не противоречат друг другу – они фокусируются на различных свойствах коммуникации. Любое из описаний ограничено частной предметной ответственностью и является продуктивным в контексте своей предметной области. Тенденция к увеличению числа определений коммуникации, затруднения в их интеграции и выборе среди них наиболее адекватного варианта приводят к мысли о бесполезности спора об определении.

В то же время «коммуникация» является достаточно укоренившимся в социальных практиках концептом⁴⁷. Раз мы принадлежим культуре, в которой все проблемы рассматриваются как, по существу, проблемы коммуникации⁴⁸, в которой считается, что нужно «сесть и поговорить», если требуется «наладить» отношения⁴⁹, в которой провозглашается, что коммуникация является единственным видом связи, способным удержать от распада разнородное общество, вопреки огромным пространственным и культурным пропастям, нас разделяющим. Рост теоретического интереса к коммуникации на протяжении XX

⁴⁷ Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания / Р.Т. Крейг // Компаративистика III, СПб: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. 2003. С. 72—126.

⁴⁸ McKeon R. The Freedom to Read: Perspective and Programm, 1957, p.88–107.

⁴⁹ Katriel & Philipsen. What we Need is Communication: Communication as a Cultural Category in Some American Speech. Communication Monographs, 1981, p. 301–317.

века обусловлен тем, что она стала культурно значимой категорией социальной практики.

По нашему мнению, весь массив коммуникативных исследований можно, прежде всего, разделить на специальные и контекстуальные исследования. Предметом *специальных* исследований является непосредственно коммуникация: в текстах фигурирует термин «коммуникация» в качестве ключевого, и авторами предпринимаются попытки ответить на вопрос, что есть коммуникация. Ряд ученых в области коммуникации, однако, не предполагает своей целью выработку автономного понимания коммуникации. Исследования, не обладающие интенцией к целостности, в работе обозначены как *контекстуальные*. Предметом таких исследований может быть все, что связано с коммуникацией: от отдельных трудов, посвященных частным случаям коммуникации до практической применимости комплекса идей о чем-то, связанном с коммуникацией. Типичными контекстуальными исследованиями можно считать исследования медиа-коммуникации. Исследования этого вида Р.Крейг назвал исследованиями «риторической традиции». Работающие в этой сфере исследователи занимаются изучением публичной коммуникации. Арнольд определяет риторику как «изучение и обучение практической, обычно убеждающей коммуникации» и отмечает лежащую в ее основе «гипотезу о том, что влияние и значение коммуникации зависят от методов, избранных для обдумывания, составления и представления сообщений»⁵⁰. Соответственно, под решением коммуникативных проблем в рамках риторической традиции преимущественно понимается способность разрешать социальные трудности посредством умелого речевого воздействия на убеждения слушателей⁵¹.

Среди исследований этого типа очевидной концептуальной ценностью, обладают концепции Пола Лазарсфельда, Курта Левина и Элизабет Ноэль-Нойманн. Сформулированные этими учеными концепции заслуживают особого внимания, поскольку лежащие в их основе идеи самобытны и оказывают

⁵⁰ Arnold C. *Rhetoric* // E. Barnouw, G. Gerbner, W. Schramm, T. L. Worth and L. Gross, *International Encyclopedia of Communications* (vol.3). New York, Oxford University Press, 1989, 1960 p.

⁵¹ Bitzer, *The Rhetorical Situation*, 1968

фундаментальное влияние на процессы развития исследований в этой сфере. Пол Лазарсфельд – основоположник двухступенчатой модели медиа-коммуникации, в которой он обозначил четкую последовательность осуществления медиа-коммуникативного акта: СМИ – «лидеры мнений» – получатели. До появления концепции П. Лазарсфельда в медийных исследованиях преобладала одноступенчатая модель вида: СМИ – Получатели. Как мы видим, в одноступенчатой модели, в отличие от двухступенчатой, влияние СМИ на аудиторию во внимание не принималось, речь шла только о линейной передаче информации.

Лазарсфельд формулирует свою концепцию в 1940 году в результате анализа роли масс-медиа в избирательной практике. По итогам выборов выяснилось, что масс-медиа убедили принять определенную точку зрения только ограниченное количество «лидеров мнения», а уже они распространили свою убежденность далее. Этот факт указывает на приоритет межличностной коммуникации над массовой (в деятельности, направленной на убеждение аудитории).

После того как П. Лазарсфельд поделился с ученым миром «теорией лидеров мнения», последовали схожие исследовательские разработки, занимающиеся модификацией этой «теории». В частности, появилась более изящная версия ее наименования – теория стала называться «концепцией многоступенчатого потока информации», поскольку выяснилось, что «лидеры мнений» (1) имеют выборку собственных «лидеров мнений» (2), к которым они обращаются за информацией⁵². А «лидеры мнений» (2), в свою очередь, находятся под влиянием «лидеров мнений» (3) и, предположительно, такая цикличность наблюдается достаточно долго, что позволяет исключить ее случайность.

П. Лазарсфельда не интересует определение понятия «коммуникация», он не занимается поиском ее сущностных свойств. Исследование сфокусировано на вопросах: как, на каких условиях и с какими последствиями устанавливается

⁵² Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Почепцов Г.Г. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2006. С.49.

соподчиненность между межличностной и массовой коммуникацией. Или, в другой формулировке: какую роль выполняет межличностная коммуникации в коммуникации массовой.

Еще одному известному медиа-исследователю, Курту Левину, принадлежит концепт «привратника» в медиа-коммуникации. Концепт «привратник» функционально подобен концепту «лидер мнений». «Привратником» считается тот, кто контролирует циркуляцию информации в социуме и может повлиять на степень ее качественной и количественной полноты: изменить, расширить, сузить, изъять какие-то элементы. Вклад К. Левина в теорию медиа-коммуникации заключается в том, что предложенное им понятие «привратника» поставило под сомнение устоявшееся восприятие информационных систем как открытых. Очевидно, Левин продолжает линию исследования П. Лазарсфельда.

Очередной самобытный исследователь медиа-коммуникации, Элизабет Ноэль-Нойманн, выдвинула гипотезу «спирали молчания». Суть данной гипотезы: поскольку среднестатистический индивидуум стремится избежать социальной изоляции, он предпочитает скрывать свои взгляды в ситуациях, когда риск существенного расхождения его мнения с мнением референтного большинства особенно высок. И, наоборот, те, кто ассоциирует себя с неким большинством и чье мнение в среднем идентично общепринятому, не испытывают страха перед оглаской своих настроений.

Концепт «спирали молчания» появился как следствие убежденности в том, что люди весьма восприимчивы к климату мнений: мы внимательно наблюдаем за своим окружением, чутко воспринимаем, что думают другие люди (в особенности, если они идентифицируются в качестве большинства), какие установки усиливаются в этой среде, а какие наоборот, ослабевают⁵³.

Гипотеза Э. Ноэль-Нойманн представляет собой яркий пример контекстуальных исследований коммуникации, среди сущностных свойств которых числится незаинтересованность в изучении коммуникации как таковой.

⁵³ Ноэль-Нойманн Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Нойманн-Ноэль, пер. с нем / Общ. ред. и предисловие Мансурова Н.С. М.: Прогресс, Академия, Весь Мир, 1996. С.32.

Э. Ноэль-Нойманн исследовала частный случай коммуникации, а именно – циркуляцию мнений в пространстве межличностной коммуникации.

Подводя итог выше изложенным соображениям, можно заключить: несмотря на тот факт, что контекстуальные исследования количественно преобладают над контекстуальными, им присуща теоретическая размытость, отчасти тривиальность, к тому же посредством контекстуального подхода сложно извлечь сущностные признаки коммуникации и избежать их искажений. По этой причине отдельная глава посвящена специальным исследованиям коммуникации.

С отсылкой к перспективе следует отметить, что именно специальные исследования коммуникации являются основным источником коммуникативных концептов. В этой же главе осуществлена выборка исследований, аналитика которой позволяет эксплицировать основные концепты, содержащие информацию о реальном процессе коммуникации. Исследование попадало в выборку только в том случае, если:

- а) коммуникация в нем изучается как самобытный процесс, обладающий выраженной спецификой;
- б) исследование оригинально и обладает эвристическим потенциалом (стимулирует дальнейшие исследования по предметной проблематике).

В специальных исследованиях коммуникации прослеживается определенное число исследовательских интенций. Интенции различаются тематической акцентуацией – выбором определенной коммуникативной компоненты в качестве «ядра» и, соответственно, вектора исследований, обусловленного этим выбором. В осуществленной нами выборке наблюдается **четыре исследовательских интенции**: *информационно-функционалистская, семиотическая, поведенческая и феноменологическая*. Данные интенции реализовались в шести исследовательских традициях (весьма эвристично обозначенных Р. Крейгом в своей работе «Теория коммуникации как область

знания»⁵⁴, каждая из которых, в свою очередь, разветвилась на множество конкретных концепций.

В контексте информационно-функционалистской интенции в качестве базовой коммуникативной компоненты рассматривается процесс обработки информации, состоящий из этапов ее передачи, получения и обработки. Эта интенция воплотилась в кибернетической традиции (или трансмиссионной, что одно и то же), представителями которой являются такие исследователи как К. Шеннон, Н. Винер, А. Тьюринг⁵⁵. Если кратко изложить суть этого подхода, то он заключается в понимании коммуникации как информационного потока, в котором затруднения случаются вследствие шума, информационных перегрузок и тому подобных явлений. И, как справедливо отмечает Крейг, хотя корни кибернетики и уходят в технологичную функционалистскую научную мысль, она придает особое значение проблемам технологического контроля, сложности и непредсказуемости процессов обратной связи и всегда присутствующей вероятности того, что коммуникативные акты могут иметь неожиданные для нас последствия, которые мы не всегда можем предусмотреть или проконтролировать⁵⁶. К концепциям, составляющим корпус кибернетических коммуникативных штудий, относятся информационная концепция Шеннона, лингво-функционалистская концепция Якобсона и инструментальная концепция МакЛюэна.

Уровневая концепция коммуникации разработана Клодом Шенноном. Исследователь выделяет три коммуникативных уровня: технический, на котором определяется степень точности передачи информации от отправителя к получателю; семантический, на котором происходит интерпретация сообщения получателем относительно вложенного в него смысла отправителем и уровень эффективности — степень изменения поведения вследствие переданного сообщения.

⁵⁴ Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания / Р.Т. Крейг // Компаративистика III, СПб: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. 2003. С. 72-126.

⁵⁵ Heims S. The Cybernetics Group, 1991, 348 p.

⁵⁶ Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания / Р.Т. Крейг // Компаративистика III, СПб: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. 2003. С. 100-101.

В контексте данного исследования значимо то, что К. Шеннон выделяет уровни коммуникации, как он сам называет обозначенные им элементы. В действительности же автор данной модели перечислил аспекты коммуникации, которые вряд ли могут претендовать на обладание уровневой иерархичностью. Более того, каждый из «уровней» К. Шеннона может быть разложен на подуровни (на примере технического: высокая точность, средняя точность, низкая точность или достаточная/недостаточная точность). Таким образом, произведённая автором концептуализация недостаточна для дифференциации коммуникативных уровней, несмотря на то, что сама идея уровневой градации, несомненно, перспективна.

По мнению К. Шеннона, с передаваемой в сообщении информацией можно обращаться почти также, как с такими физическими величинами, как масса или энергия. Система передачи информации аналогична системе транспортировки. Например, можно представить себе лесозавод, выпускающий бревна в определенном пункте и систему транспортировки бревен в другой пункт. В такой ситуации требуется решить два важных вопроса: определить величину скорости, с которой бревна выпускаются заводом, и величину пропускной способности (емкость) системы транспортировки. Если скорость больше емкости, то, конечно, невозможно перевезти всю готовую продукцию лесозавода...Если эта аналогия верна...было бы возможно при использовании подходящей кодирующей или модулирующей системы передавать информацию по каналу тогда и только тогда, когда скорость производства продукции меньше или равна емкости⁵⁷.

Очевидно, что К.Шеннон попытался создать концепцию коммуникации, опираясь на три реперных точки структуры коммуникативного процесса: сообщение, смысл и поведение коммуникантов. Но, как уже было упомянуто, сообщение, смысл и поведение в коммуникативном дискурсе нельзя расположить иерархически так, чтобы не задеть объективную сторону вопроса – это три аспекта явления коммуникации, друг друга дополняющих, находящихся в диффузных, а не иерархических, отношениях. Также не случайно эта модель

⁵⁷ Шеннон К. Современные достижения теории связи // Информационное общество / К. Шеннон. Под ред. А. Лактионова. М., 2004. С.43.

находится в числе информационных: несущим элементом уровневой модели является передача сообщения.

Подытоживая анализ концепции коммуникации К. Шеннона, обозначим теоретически значимые концепты, которые мы можем извлечь из этой конструкции: информационная трансмиссия, уровневая градация коммуникации, неоднородность коммуникативного процесса.

Корреспондентская концепция эксплицирована из исследований Романа Jakobson. Р. Jakobson – типичный представитель специальных исследований коммуникации, сосредоточившийся на информационной компоненте коммуникативного процесса в качестве фундаментальной. В основании концепции Jakobsona лежит информационно-лингвистическая ориентация исследований. Согласно идеям Jakobsona, наука о языке занимается строением речевых сообщений и исследованием образующего их кода. Структурные характеристики языка интерпретируются в свете задач, которые они выполняют в различных процессах коммуникации, следовательно, лингвистику можно определить как изучение коммуникации, осуществляемое с помощью речевых сообщений⁵⁸.

Р. Jakobson в «Лингвистике и поэтике»⁵⁹ выстраивает следующую схему коммуникативного акта: адресант посылает сообщение адресату. Чтобы сообщение могло выполнить свои функции, необходимы контекст, код (полностью или частично общий для адресанта и адресата), контакт (физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающая возможность установить и поддержать коммуникацию).

Каждому из шести вышеперечисленных факторов соответствует определённая функция языка. Структура вербального сообщения зависит от преобладающей функции. Функции Р. Jakobson обозначил следующие:

1. Эмотивная.

⁵⁸ Jakobson P. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Jakobson P. Избранные работы. М., 1995. С.320.

⁵⁹ Jakobson P. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975. 467 с.

Данная функция сосредоточена на адресанте и призвана продемонстрировать отношение говорящего к тому, что он говорит.

2. Конатотивная.

Функция усвоения передаваемой информации, ориентирована на адресанта, обуславливает непосредственное воздействие на собеседника.

3. Фатическая.

Направлена на контакт. Функция предназначена установить, продолжить или же прервать коммуникацию, привлечь внимание, проверить работу канала связи. Фатическая функция осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами с единственной целью – поддержания коммуникации.

4. Метаязыковая.

Устремлена к пониманию кода. Выполняется, когда предметом речи становится сам код, нуждающийся в интерпретации.

5. Поэтическая.

Направлена на сообщение и на обнаружение дихотомии между знаками и предметами.

6. Референтная.

Функция, сосредоточенная на контексте – отсылка к объекту, о котором ведется речь в сообщении.

Таким образом, особенностью корреспондентской концепции коммуникации Р. Якобсона является акцент на речевом типе коммуникации, который актуализируется посредством выполнения языком определённых функций, каждая из которых соответствует какой-нибудь составляющей акта коммуникации. Следующая особенность концепции Якобсона, отличающая ее от ряда перечисленных далее корреспондентских моделей – ее выраженный функционализм, который придаёт модели оттенок частности (откровенный уклон в лингвистику). Помимо этого, исследователь склонен признавать в качестве коммуникации только вербально оформленную коммуникацию, что не всегда соответствует действительности. Однако эти частности компенсируются

значимым концептуальным вкладом: разработкой схемы осуществления коммуникативного акта и зачатками его пусть и грубой, но структуры (контекст, код, контакт).

Другой исследователь коммуникации, Маршалл Мак-Люэн, широко известен тезисом: «средство коммуникации – это сообщение». А любое средство сообщения – это способ расширить сознание и телесность человека. Таким образом, все коммуникативные действия человека являются попыткой расширить свои органы чувств. Мак-Клюэн в работе «Понимание медиа: Расширение человека»⁶⁰ перечисляет возможные способы достижения этой цели:

1. Одежда.

Одежда представляет собой расширение кожи, выполняя не только лишь функцию терморегуляции, но и функцию социальной самопрезентации.

2. Жилище.

В терминах Мак-Клюэна жилище – это расширение коллективного тела семьи или группы.

3. Город

4. Колесо, деньги, часы и т.д.

Все средства коммуникации переводят одни виды энергии в другие.

Особенностью корреспондентской модели Мак Люэна является семиотическое разнообразие способов расширения сознания и телесности человека, несущих коммуникативную нагрузку. И, что важно для осуществляемой концептуализации: исследователем обозначен новый концепт – средства коммуникации.

Специфика корреспондентской модели коммуникации заключается в том, что в ее рамках передача сообщения является основой коммуникативного акта. Оба исследователя сходятся в том, что коммуникация – действие, посредством которого осуществляется передача некоторого сообщения.

Семиотическая интенция, в основе которой находится понимание коммуникации как опосредованного знаками межсубъектного взаимодействия,

⁶⁰ McLuhan M., Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964, 396 p.

включает в себя сразу несколько традиций из обозначенных Крейгом, в числе которых традиция, непосредственно названная им «семиотической», а также социокультурная традиция.

Семиотика, наука о знаках, как и риторика, имеет древние корни, однако о семиотике как об определенном направлении в теории коммуникации можно сказать, что она ведет начало от теории языка Джонна Локка⁶¹. Затем эта традиция была продолжена Пирсом и Соссюром, чьи работы легли в основу двух абсолютно разных направлений семиотики, и развита в современных теориях языка, дискурса, перевода, невербальной коммуникации. Семиотически определяемая коммуникация позволяет объяснять и совершенствовать использование языка и других знаковых систем в качестве посредников между различными сторонами. Проблемы коммуникации в семиотической традиции – это, в первую очередь, проблемы (ре)презентации и передачи значений, непонимания между субъектами, которых можно связать, пусть и несовершенно, с помощью общих знаковых систем⁶². Исследования в области применения к коммуникации «чистого» семиотического подхода представлены трудами У. Эко, П. Грайса, М. Бахтина и А. Пятигорского.

Умберто Эко рассматривает все явления культуры в качестве фактов коммуникации, отдельных сообщений, которые становятся понятными в соотнесении с кодом⁶³.

Исследователь предлагает «элементарную коммуникативную структуру»⁶⁴ – базовую схему, необходимую для идентификации коммуникативной структуры, лежащей в основе более сложных случаев коммуникации. В поисках примера, Эко обращается к типичной бытовой ситуации. Представьте, что жители некой долины хотят знать, когда вода в водохранилище, расположенная в котловане между двух гор, достигнет уровня, который можно определить как опасный.

⁶¹ Компаративистика. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований / Под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С.83-84.

⁶² Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания / Р.Т. Крейг // Компаративистика III, СПб: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. 2003. С. 94-95.

⁶³ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. С.27.

⁶⁴ Там же. С. 33.

Обозначим этот уровень как нулевой. Есть ли еще вода в водоеме или она ушла, с какой скоростью она поднимается – это и многое другое составляет сведения или информацию о состоянии водоема, которую жителям желательно получить. Источник информации – сам водоем. Предположим, что в водохранилище есть приспособление, которое, оказавшись на нулевой отметке, приводит в действие передающее устройство, способное послать какой-нибудь сигнал. Этот сигнал идет по каналу связи, и поступает в принимающее устройство в долине. Приемник преобразует сигнал в сообщение, предназначенное адресату. Состояние сообщающей лампочки – это некий код, устанавливающий сообщений между означающим (зажженная или погасшая лампочка) и означаемым (достигла ли нулевой отметки вода)⁶⁵. Таким образом, следуя за утверждениями Эко, можно сделать вывод, что наличие человека в структуре коммуникации в еще какой-либо роли помимо роли интерпретатора, не является обязательным. И, очевидно, появление человека в коммуникативной цепи повлечет за собой усложнение коммуникативного акта. Потому что до тех пор, пока мы имеем дело с машинными образованиями, мы не покидаем пределы кибернетической сферы, в которой легитимны только сигналы. Но если в коммуникации появляется человек, то необходимо выйти за рамки кибернетики в мир смысла, в котором денотация начинается сопровождаться коннотацией⁶⁶. То есть, У. Эко – очередной исследователь, отмечающий внутреннюю градацию процесса коммуникации. Критерий уровневой дифференциации в данном случае не так важен, как само наличие такой дифференциации.

Смыслы зарождаются в коммуникативном обстоятельстве – реальности, в которой я, наученное опытом, выбирает значения⁶⁷, которые можно понять только при помощи кода, не всегда представляющего собой «словесный язык»⁶⁸.

Информация – это не столько то, что сказано, сколько то, что может быть сказано⁶⁹, уточняет Эко, это мера возможности выбора. И функция кода

⁶⁵ Там же. С.34-36

⁶⁶ Там же. С.54.

⁶⁷ Там же. С.71.

⁶⁸ Там же. С. 149.

⁶⁹ Там же. С.41.

заключается в ограничении количества комбинаций задействованных в коммуникации элементов. Выполняя роль упорядочивающего механизма, код позволяет осуществить коммуникацию, поскольку он представляет собой «систему вероятностей, которая накладывается на равновероятность исходной системы, обеспечивая возможность коммуникации»⁷⁰.

В итоге Эко задает вопрос, непосредственно касающийся проблемы понимания коммуникации: а не является ли то, что мы именуем коммуникацией, просто совокупностью каких-то побуждений, стимуляцией?⁷¹ Вопрос остается открытым.

Теория коммуникации еще одного мыслителя, Ж. Бодрийяра, сформирована главным образом на основе символистской концепции вещей и места человека среди них. Согласно Бодрийяру, «дискурс вещей» структурирует «дискурс субъекта». «Язык» вещей классифицирует мир еще до его представления в обыденном языке; парадигматизация объектов задает парадигму коммуникации⁷².

Граница между публичным и приватным пространством стирается, уничтожая понятия о публичном и приватном. Тем самым элиминируется элемент психологического индивидуального — остается сплошная непрерывная коммуникация. Бодрийяр заключает, что мы должны будем испытать на себе это новое состояние вещей, эту принудительную экстраверсию всего внутреннего, эту принудительную инъекцию всего внешнего, что буквально и означает категорический императив коммуникации⁷³.

Вместе с тем, Бодрийяр критикует традиционную формулу теории коммуникации, имеющую своим ядром конструкцию противопоставления передатчика и приемника, объединенных сообщением, — формулу, выступающую идеологической матрицей и закамуфлированной моделью репрессивной политической экономики. В таком представлении коммуникация сводится к

⁷⁰ Там же. С.43.

⁷¹ Там же. С. 206.

⁷² Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 182.

⁷³ Baudrillard Jean. Ecstasy of Communication. The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture. Ed. H. Foster. Port Townsend: Bay Press, 1983. P. 126–133.

некому единству, в котором крайние термины не подлежат обмену⁷⁴. Философа смущает тот факт, что такой тип коммуникации однонаправлен и принуждает одного коммуниканта задавать код, передавая сообщение, а другого ограничивает пассивным восприятием заданного собеседником кода. Такая «сциентистская» конструкция образует симулятивную модель коммуникации, из которой взаимность исключается по умолчанию.

Таким образом, суть семиотической модели заключается в сосредоточении коммуникации вокруг кодов, интерпретаций, смыслов и обнаружении прямой зависимости между способностью к отбору возможных смыслов и совершенством коммуникативного процесса: чем точнее коммуниканты оперируют навыком фильтрации потенциальных смыслов, тем полноценнее коммуникация.

Пол Грайс в своей кооперативной концепции коммуникации предложил ряд описывающих процесс коммуникации постулатов. Потребность в этом возникла, когда не только лингвисты, но уже и философы, проявили интерес к анализу усложненных вариантов человеческого взаимодействия. К примеру, почему на конкретный вопрос во время застолья: «Вы могли бы дотянуться до соли?», мы не ответим «да» и не продолжим дальше есть, а почему-то тянемся за баночкой соли, чтобы передать ее просящему. Что-то заставляет нас воспринимать данный вопрос как косвенную просьбу.

Перечень постулатов Грайс объединил под общим названием «кооперативного принципа», гласящего: «Делайте ваш вклад в разговор таким, как это требуется на данной стадии в соответствии с принятой целью или направлением беседы, в которой вы принимаете участие»⁷⁵. Данное требование реализуется в рамках таких категорий как количество, качество, отношение и способ.

Количественной стороне коммуникативного акта вменяется соблюдение следующих предписаний:

1. Делайте ваш вклад информативным настолько, насколько это требуется.

⁷⁴ Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии/ А.В. Назарчук. М.: Прогресс - Традиция, 2009. С.209.

⁷⁵ Grice P. Studies in the way of words. Cambridge, Mass. etc., 1989. P.26.

2. Не делайте своего вклада информативным более, чем нужно

В свою очередь, категория качества выдвигает требование транслировать в процессе коммуникации правду:

1. Не говорите того, что вы считаете ложью.

2. Не говорите того, для подтверждения чего у вас нет доказательств.

В общем требования к категории отношения сводятся к соблюдению релевантности передаваемой информации; к категории способа – к стремлению к ясности и лаконичности передаваемой информации.

Согласно замыслу Грайса именно понятие подразумевания (meaning) должно уточнить такое ключевое понятие философии языка как «значение языкового выражения». Намерение совершить акт коммуникации тождественно намерению нечто подразумевать. Успех сообщения зависит от успешной идентификации намерения сообщить. Невозможно понять сообщение, предварительно не поняв, что вам нечто хотят сообщить. В свою очередь, понятие подразумевания определяется в терминах понятий намерения и полагания.

Таким образом, Грайс сформулировал некий «коммуникативный императив», основывающийся на синтезе герменевтической и аналитической концепций исследования коммуникации. Концептами, лежащими в основании этого императива, являются: количество, качество, отношение и способ осуществления коммуникации. Помимо перечисленных явно различимых концептов, в модели Грайса присутствует также такой подразумеваемый концепт как «оптимальность», поскольку исследователь подразумевает характеристики достаточности и уместности, хотя и несколько ограниченно, – уделяя внимание только информационно-знаковой стороне явления.

Структуралистско-диалогическая концепция Михаила Бахтина построена на принятии высказывания в качестве единицы речевого общения с четкими границами, что является неизменным вне зависимости от объема и характера высказывания: «Как ни различны высказывания по своему объему, по своему содержанию, по своему композиционному строению, они обладают, как единицы речевого общения общими структурными особенностями, и прежде всего

совершенно четкими границами»⁷⁶. Высказывание всегда ограничено сменой речевых субъектов: «Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются сменой речевых субъектов, то есть сменой говорящих. Всякое высказывание – от короткой реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата имеет, так сказать, абсолютные начало и конец: до его начала – высказывания других, после его окончания – ответные высказывания других (или хотя бы молчаливо активное ответное понимание другого, или, наконец, ответное действие, основанное на таком понимании)»⁷⁷.

Согласно идеям М. Бахтина, такой потенциал высказывания как возможность ответной реакции, определяется тремя факторами:

1. Предметно-смысловой исчерпанностью (завершенностью в определенных условиях).
2. Речевой волей говорящего (замыслом).
3. Типическими композиционно-жанровыми формами завершения (интонационная оформленность или же пунктуационная – на письме)⁷⁸.

Высказывание у Бахтина отличается от слов и предложений наличием конкретного смысла или содержания. Значения слов, входящих в состав высказывания, актуализируются в реальных условиях речевого общения.

Каждое высказывание направлено от автора к адресату, поэтому, формируя высказывание, автор должен способствовать пониманию адресатом транслируемого ему в сообщении смысла. Смысл высказывания, в отличие от языковых значений, входящих в него в качестве структурных элементов слов и предложений, проясняется только в конкретной коммуникативной ситуации.

Коммуникативное высказывание связано не только с предшествующими звеньями речевого сообщения, но и с возможными последующими, поскольку изначально формируется с учетом возможных ответных реакций. Всякое

⁷⁶ Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. / М.М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1986. С.440.

⁷⁷ Там же. С.441.

⁷⁸ Там же. С.446.

конкретное высказывание – это звено в цепи речевого сообщения определенной сферы⁷⁹.

Концепция коммуникации Бахтина диалогична. К сторонам диалога автор относит: субъект-отправитель, субъект – получатель, внеположные им тексты⁸⁰. Диалогические отношения несводимы к отношениям логическим и предметно-смысловым, которые сами по себе лишены диалогического момента. Они должны облечься в слово, стать высказываемыми, стать выраженными в слове позициями разных субъектов⁸¹.

Концепция Бахтина семиотична, поскольку исследователь рассматривает коммуникативный акт через призму осмысленного, обладающего значением, языкового высказывания, которое субъект должен понять, опираясь на актуализацию во время речевого акта вложенных в высказывание значений. В качестве ключевых в модели Бахтина можно выделить такие концепты: ограниченность коммуникативного акта ввиду смены действующих коммуникантов; контекст, определяющий смысл и значение коммуникации в момент ее осуществления; предметно-смысловую исчерпанность как коммуникативную завершенность, соответствие коммуникативному замыслу. К сожалению, автор не развивал представление о стадиях формированиях концептуализированных им явлений и не задавал вопрос, какое целое они составляют в качестве деталей.

Если попытаться восстановить модель коммуникации из исследований Александра Пятигорского, то в результате получится концепция, с необходимостью ориентированная на текст – *текстовая концепция*. Каждый текст создается в определенной коммуникативной связи автора с другими лицами. Если внешний наблюдатель отсутствует, тогда то, что мы имеем, будет не семиотической ситуацией, а «событием», которое не может быть истолковано в терминах «знака»⁸². Необходим Другой. Другое лицо, Другой дан в мышлении

⁷⁹ Там же. С. 446.

⁸⁰ Там же. С.32.

⁸¹ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Ю. Кристева, пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С.427.

⁸² Пятигорский А.М. Избранные труды / А.М. Пятигорский. М., 1996. С.37.

только либо тогда, когда он уже стал тобой, перестав быть «Другим», либо ты уже стал им, перестав быть собой⁸³.

Аспекты текста:

- Текст – факт объективации сознания.
- Текст – сигнал, интенция быть посланным и принятым.
- Текст – нечто, существующее только в восприятии и понимании тех, кто уже принял его⁸⁴.

Таким образом, коммуникация у Пятигорского – это текст Другого для Другого. У этого мыслителя коммуникация текстуальна, а в качестве ключевых концептов выступают концепты коммуникативной связи, Другого и текстуальности.

В контексте социокультурной традиции коммуникация понимается как символический процесс, посредством которого создается, поддерживается, восстанавливается и трансформируется реальность⁸⁵. Социокультурные коммуникативные исследования представлены ситуативно-событийной концепцией Т. А. Ван Дейка, протокорреспондентской концепцией Ю. Лотмана и метафорической концепцией Ла Коффа.

Из исследований Т.А. ван Дейка эксплицирована *ситуативно-событийная концепция коммуникации*. По мнению Т.А. ван Дейка, коммуникация осуществляется в рамках ситуативных моделей. Ситуативные модели содержат в своей основе не схематические представления о стереотипных ситуациях, а аккумулированный индивидуальный опыт каждого из коммуникантов.

Согласно концепции ван Дейка, для того, чтобы коммуникация состоялось, необходимо наличие некоего «конвенционального знания». Этим знанием как раз и выступает язык. Таким образом, речевой акт оказывается основным коммуникативным действием. Для идентификации речевых актов необходимо соблюдение адресатом следующих условий:

⁸³ Пятигорский А.М. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа / А.М. Пятигорский. М., 1996. С.258.

⁸⁴ Там же. С. 56-59.

⁸⁵ Carey J. Communication as Culture. 1989, p.23.

- а) владение информацией о свойствах грамматической структуры высказывания;
- б) наличие информации о паралингвистических характеристиках (темпе речи, ударении, интонации, высоте тона, жестах, движении, мимике);
- в) доступ к наблюдению (восприятие коммуникативной ситуации);
- г) использование хранящейся в памяти информации об особенностях данной коммуникативной ситуации;
- д) владение знанием о характере происходящего взаимодействия и о структуре предшествовавших ему коммуникативных актов;
- е) владение знанием общего характера о взаимодействии;
- ж) владение другими разновидностями знания о мире⁸⁶.

Перечисленные параметры характеризуют осведомленность коммуниканта, необходимую для достижения полного прагматического понимания. Также коммуникант вынужден отслеживать динамику прагматического контекста, поскольку речевой акт вовлечен в динамическое взаимодействие.

Конкретные речевые акты могут быть как относительно самостоятельными единицами коммуникации, так и элементами последовательности, образующими «большой» речевой акт (макроречевой акт)⁸⁷.

В структуре коммуникации Дейк выделяет «темы» коммуникации или макростратегии, которые представляют собой коммуникативные контексты, формируемые:

1. общим культурным контекстом;
2. актуальной ситуацией (ограничениями при поиске темы);
3. коммуникативным взаимодействием (темы, непосредственно задействованные в коммуникации);
4. типом дискурса (тематическим диапазоном)⁸⁸.

⁸⁶ Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Дейк. БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ: Корпус гуманитарных дисциплин, 2000. С.12.

⁸⁷ Там же. С. 36.

⁸⁸ Там же. С.57-58.

Также Дейк считает различие в специфике устной и письменной коммуникации одним из видов контекстов и указывает на немаловажное следствие, порождаемое этой неодинаковостью: в отличие от восприятия на слух, чтение допускает установление приемлемой для индивида скорости восприятия, понимания и усвоения. Читающие могут уделять больше времени извлечению из памяти личностных моделей и могут активизировать больше информации, заключённой в этих моделях⁸⁹.

Следовательно, коммуникация в понимании ван Дейка представляет собой обмен между участниками взаимодействия аккумулярованным индивидуальным опытом. Такой обмен совершается посредством языка как надиндивидуального образования, делающего возможным коммуникацию между разными индивидами.

Хотя концепция коммуникации Т. ван Дейка оригинальна и логически организована, заключенный в ней тезис об обмене индивидуальным опытом спекулятивен. Люди не обмениваются индивидуальным опытом напрямую; индивидуальный опыт преодолевает долгий путь до адаптации сознанием другого индивида: фильтруется через концептуальные матрицы адресата и адресанта, обретает соответствующие смысловые коннотаты.

Эвристичным теоретическим ходом Дейка является введение концепта коммуникативных макростратегий (тем коммуникации). Исследователь традиционно размышляет о контексте, но в своей аналитике продвигается дальше тривиальной констатации значимой роли контекста в коммуникативном акте — устанавливает уровневую типологию контекста.

Юрий Лотман (1990) вступил в полемику с Романом Якобсоном (1961) относительно понимания коммуникативной структуры. По мнению Лотмана, предложенная Якобсоном модель коммуникации слишком абстрактна и у коммуникантов не может быть абсолютно одинаковых кодов по той причине, что вследствие идентичности смысловых матриц коммуникантов потребность в коммуникации исчезает. Но, в то же время, некоторая степень схожести коммуникантов необходима для того, чтобы коммуникация в принципе

⁸⁹ Там же. С.97.

происходила. Под коммуникацией в контексте модели Ю. Лотмана подразумевается перевод текста с языка моего «Я» на язык твоего «Ты». Возможность такой процедуры обусловлена она тем, что коды обоих участников коммуникации хотя и не абсолютно подобны, но образуют пересекающиеся множества⁹⁰. «Поставщиком» кодов является культура.

Ю. Лотман первым из исследователей коммуникации обратил внимание на феномен аутокоммуникации (коммуникация вида «Я – Я»)⁹¹. В ситуации аутокоммуникации сообщение обретает новый смысл: вследствие появления второго дополнительного кода происходит перекодировка изначального сообщения, влекущая за собой сдвиг контекста и перестройку собственной личности, хотя бы и минимальную.

В коммуникации вида «Я – Он», «Я» выступает в качестве «хозяина» информации и передатчика, а «Он» является получателем и потребителем передаваемых данных. Такая система предполагает, что до вступления в коммуникативный акт нечто известно «мне» и неизвестно «ему». Однако не исключены случаи, когда субъект транслирует сообщение самому себе. Разница между этими двумя моделями не только в адресатах, но и в среде перемещения информации: в системе «Я – Он» информация перемещается в пространстве, в то время как в системе «Я – Я» перемещение информации происходит во времени. Также в системе «Я – Он» переменными оказываются формальные аспекты модели, инвариантными – код и сообщение, то есть меняются только носители информации. В аутокоммуникативной системе носитель информации остается прежним, но в процессе коммуникации сообщение трансформируется и обретает новый смысл⁹².

Сформулированная Лотманом концепция коммуникации названа *протокорреспондентской*, поскольку исследователь обозначает в качестве самостоятельного аспекта наличие автономного дотекстового сообщения, далее

⁹⁰ Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. / Ю.М. Лотман. М.: Научный совет по комплексной программе «Кибернетика». Предварительная публикация, 1977. С.12-13.

⁹¹ Там же. С.26.

⁹² Там же. С.26.

непосредственно осуществляемого в тексте. Дотекстовое сообщение – это некоторый смысл, остающийся инвариантным вне зависимости от любых трансформаций текста⁹³.

Элементарный акт мышления – перевод. Элементарный механизм перевода – диалог. Диалог подразумевает асимметрию, которая выражается, во-первых, в различии семиотических структур языка участников диалога, во-вторых, в попеременной направленности сообщения («передача-прием»). Но для того, чтобы диалог состоялся, необходимо соблюдение еще одного условия: взаимной заинтересованности участников в сообщении и способность к преодолению неизбежных семиотических барьеров. Иными словами, ситуация взаимного влечения к контакту должна предшествовать самому контакту⁹⁴.

Концепция коммуникации Ю. Лотмана интересна не столько дискуссионной идеей о существовании аутокоммуникации в качестве самостоятельного вида коммуникации, сколько теоретическим нововведением в практике коммуникативных исследований – концептом дотекстового сообщения (*претекста* – *авт.*). Претекст представляет собой нечто вроде того, что позднее американский философ сознания Дж. Фодор назовет языком мысли «ментализмом» – существованием общечеловеческого внутреннего языка, предикаты которого являются врожденными. Помимо этого нововведения, теоретические взгляды Лумана на коммуникацию репрезентированы следующими концептами: взаимным влечением к контакту, способствующим преодолению семиотических барьеров и коммуникативной асимметрией, под которой подразумевается стартовое различие между коммуникантами, обуславливающие их стремление друг к другу.

Джордж Лакофф сформулировал *метафорическую концепцию* коммуникации. По мнению исследователя, коммуникация основана на той же концептуальной системе, которая используется в мышлении, и в деятельности⁹⁵. В

⁹³ Там же. С.13.

⁹⁴ Там же. С.200.

⁹⁵ *Лакофф Д.* Метафоры, которыми мы живем (Metaphors We Live By) / Дж. Лакофф (George Lakoff), М. Джонсон (Mark Jonson). М.: Едиториал УРСС, 2004. С.27.

свою очередь, управляющие нашим мышлением концепты – не химеры нашего разума, а нечто, ощутимо влияющее на повседневную жизнь человека, вплоть до самых тривиальных деталей. Концепты выполняют функцию структурирования человеческих ощущений, поведения, отношения к окружающему миру.

Д. Лакофф предполагает, что именно язык является важным источником данных в концептуальной системе. Опираясь на лингвистические исследования, ученый установил, что большая часть обыденной концептуальной системы, то есть, системы первичной человеческой коммуникации, метафорична. Для примера рассмотрим понятие спора. Спор – это война. В пользу данной аналогии свидетельствует тот факт, что множество действий, совершаемых людьми в споре, структурированы концептом войны в ареале нашей культуры. В обыденном языке эта метафора представлена целым рядом выражений:

- Ваши тезисы незащитимы.
- Он нападал на каждое слабое место в аргументации.
- Его критические замечания били точно в цель.
- Я разбил его аргументацию.
- Я никогда не побеждал его в споре.
- Если вы используете эту стратегию, он вас уничтожит⁹⁶.

Или же, например, время. Время в нашей культуре – ценность, ограниченный ресурс, который мы используем для достижения своих целей. Так как в современной западной культуре концепт работы обычно ассоциируется с потраченным на нее временем, а время может быть количественно определено, плата за труд, как правило, назначается за час, неделю или год. Время – деньги⁹⁷.

Суть метафоры заключается в понимании сущности одного вида в терминах сущности другого вида. Коммуникант вкладывает идеи в слова и отправляет их другому коммуниканту, извлекающему идеи-объекты из слов-вместилищ. Таков принцип функционирования механизма дешифровки метафор человеческого опыта. Составляющие механизма:

⁹⁶ Там же. С.28.

⁹⁷ Там же. С.31.

- ✓ идеи (значения) – это объекты;
- ✓ языковые выражение – вместилища;
- ✓ коммуникация – послание⁹⁸.

Однако Лакофф отмечает, что каковыми бы ни были цели участников коммуникации, в любом из коммуникативных актов есть нечто инвариантное: речевая коммуникация (и никак иначе у Лакоффа) – это всегда социальное взаимодействие, соотносящееся с принципом вежливости. Структура коммуникации выстраивается Лакоффом на основании этого тезиса:

1. Участники – люди в роли говорящих.
2. Части – формируются на основании речевой деятельности, каждый акт речи составляет часть всей беседы.
3. Этапы – начало, середина, конец.
4. Линейная последовательность – упорядоченность реплик участников диалога, основанная на смене роли говорящего.
5. Причинная связь – логическая смена реплик одного участника репликой другого.
6. Наличие цели⁹⁹.

Таким образом, коммуникация у Лакоффа ориентирована на смыслы и поведение коммуникантов и представляет собой циркуляцию культурно обусловленных (посредством языка) концептов мышления в межличностном взаимодействии речевого характера. Согласовывая свои действия с правилами вежливости, субъекты коммуникации расшифровывают опыт друг друга, сокрытый метафорами. Создавая свою теорию, Лакофф оперирует концептами процессуальности коммуникации, диалогичности, субъектности (человек и человек), целесообразности и концептуализированности коммуникативного процесса.

Диапазон исследований, сфокусировавшихся на коммуникации как на, в первую очередь, экспрессивном процессе взаимодействия и влияния, –

⁹⁸ Там же. С.33.

⁹⁹ Там же. С.114.

«поведенческих» исследований – состоит из исследований социопсихологической традиции. В рамках этой традиции коммуникация понимается как процесс взаимодействия индивидов, сопровождающийся обоюдным влиянием. Коммуникация может осуществляться как непосредственно, так и опосредованно, может быть направлена от одного к другому, от одного ко многим или от многих ко многим, но в любом формате задействованы элементы-медиаторы, связывающие индивидов между собой (психологические факторы – установки, личностные особенности, эмоциональные состояния, социальные знания и тому подобное)¹⁰⁰. Эта традиция представлена, в первую очередь, широко известной перформансной концепцией И. Гоффмана, симметричной концепцией Т. Ньюкомба и аргументативной концепцией Р. Гроотендорста.

Концепция коммуникации Ирвинга Гоффмана получила название «*перформансной*», поскольку исследователь в качестве ключевого коммуникативного элемента сосредоточился на впечатлении, производимом коммуникантами друг на друга. Гоффман закрепляет за впечатлением самодостаточную позицию в процессе коммуникации.

Термин «перформанс» по отношению к коммуникации впервые употребил Р. Шехнер, понимая под ним «действие одного человека или группы перед другим человеком или группой»¹⁰¹.

Гоффман различает два вида коммуникации. Первый вид коммуникации основан на произвольном самовыражении, посредством которого люди предоставляют информацию о себе в общезначимых символах. Второй – на непроизвольном самовыражении, которое, прорываясь через пояс личностной цензуры, разоблачает коммуниканта, являя вовне ту информацию, которой тот осознанно делиться бы не стал.

Термин «исполнение» вводится мыслителем для обозначения всех проявлений активности индивида за время его непрерывного присутствия перед каким-то конкретным множеством зрителей. Как следствие, любое действие

¹⁰⁰ Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания / Р.Т. Крейг // Компаративистика III, СПб: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. 2003. С. 101.

¹⁰¹ Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Почепцов Г.Г. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2006. С.332.

рассматривается в качестве действия, рассчитанного на произведение драматургического эффекта¹⁰².

Таким образом, И. Гофман исследует коммуникацию, сфокусировавшись на коммуникативном поведении. Впечатление в этой модели выполняет функцию ядра коммуникации – центра мира коммуникации, вокруг которого выстраивается вся коммуникативная жизнь. В результате и сама коммуникация оказывается циркуляцией впечатлений в межличностном пространстве.

В своей концепции – *симметричной* – Теодор Ньюкомб предложил учитывать отношения, которые устанавливаются между агентами общения и объектом речи.

Общая тенденция коммуникации, по мнению Ньюкомба, – стремление к симметрии. Если субъекты А и В отнесутся друг к другу положительно, то они будут стремиться к совпадению своего отношения к Х. При несовпадении отношений друг к другу не будет совпадать и отношение к Х. Совпадение отношения к Х при несовпадении отношения друг к другу будет восприниматься как ненормальное¹⁰³.

Таким образом, согласно Ньюкомбу, процесс коммуникации – это процесс выравнивания отношений людей друг к другу, или, иными словами – установления взаимоотношений. Ключевыми концептами симметричной модели коммуникации являются коммуникативная симметрия в значении совпадения отношений коммуникантов к чему-либо и сами их взаимоотношения как коммуникативная связь.

Концепция, созданная голландскими профессорами Франсом ванн Еемереном и Робом Гроотендорстом, названа *«аргументативной»*, так как, согласно их предположениям, цель любой коммуникации заключается в одобрении мнения коммуниканта аудиторией. Средством достижения этой цели

¹⁰² Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2000. С.34.

¹⁰³ Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии/ А.В. Назарчук. М.: Прогресс — Традиция, 2009. С.232.

является аргументация. Исследователи формулируют ряд положений определения аргументации¹⁰⁴:

1. Аргументация – социальная деятельность.
2. Аргументация – интеллектуальная деятельность.
3. Аргументация – вербальная деятельность.
4. Аргументация относится к вопросу мнения.
5. Цель аргументации – оправдание или опровержение мнения.
6. Аргументация состоит из набора утверждений.
7. Аргументация направлена на получение одобрения от аудитории.

Обобщая выше приведенные характеристики, получаем следующее определение коммуникации: коммуникация – это социальная, интеллектуальная и вербальная деятельность по оправданию или опровержению мнения, состоящая из набора утверждений и направленная на получение одобрения от аудитории.

Непосредственно аргументирование – сложный речевой акт, имеющий два полюса воздействия на коммуниканта: коммуникативный, связанный с пониманием и интеракционный, связанный с принятием мнения.

Таким образом, акцент исследования коммуникации Емереном и Гроотендорстом располагается в поведенческой плоскости, а коммуникация редуцируется к процессу убеждения собеседника.

Основополагающей компонентой понимания коммуникации в рамках исследований феноменологической интенции является диалог – подлинная коммуникация, заключающаяся в прямом контакте с Другим. С феноменологической точки зрения коммуникация – это, в первую очередь, не обмен информацией, не самопрезентация и попытка воздействовать на другого, не обмен знаками, а отношение друг к другу как к личностям (Я-Ты) в процессе непосредственного контакта. В феноменологической традиции, относящейся в основном к XX в., идущей от Гуссерля и феноменологов экзистенциального и герменевтического направления, коммуникация рассматривается как

¹⁰⁴ *Eemeren F.H., Grootendorst R. Speech acts in argumentative discussions. Dordrecht etc., 1987, p.7.*

доверительный диалог или проживание иного опыта¹⁰⁵. Комплекс феноменологических исследований составляют: интерсубъективная концепция А. Шюца, феноменологическая концепция Г. Шпета, диалогическая концепция М. Бубера, экзистенциалистская концепция К. Ясперса, симбиотическая концепция С. Франка и метафизическая концепция Э. Гильдебрандта.

Интерсубъективная концепция предложена основателем феноменологической социологии Альфредом Шютцем. Этот мыслитель не горевал над неэвристичным тезисом «никто никого не понимает», а занялся разгадкой парадокса: каким образом при замкнутости ментальной жизни в индивиде таким разным людям все-таки удастся друг друга понять. Если бы каждый индивид видел мир совершенно «по-своему», мы не понимали бы друг друга, что делало бы невозможным существование коммуникации и человеческого общества. Поскольку мы все-таки понимаем друг друга (и общество существует), значит, есть какие-то "механизмы", приводящие наши мысли и чувства к «общему знаменателю», обеспечивающие интерсубъективность, то есть общность восприятия и понимания мира у множества индивидов¹⁰⁶.

Шютц отмечает, что восприятие людьми одного и того же явления может отличаться в силу неодинаковости «биографической детерминации ситуации» каждого из воспринимающих. Иными словами, определенное восприятие индивидом чего-либо обуславливается индивидуальным жизненным опытом. Обыденное мышление склонно усреднять и стандартизировать мир, считая, что варианты восприятия действительности разными людьми сильно схожи или даже тождественны, в то время как в действительности нередко наблюдается обратная ситуация. Понимание другого основано преимущественно на истолковании индивидом самого себя или же на попытках стереотипизировать другого. Исходя из этого, Шютц заключает: «Нам никогда не удастся «схватить»

¹⁰⁵ Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания / Р.Т. Крейг // Компаративистика III, СПб: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. 2003. С. 95.

¹⁰⁶ Демидов А.С. Феномены человеческого бытия. Минск: ЗАО Издательский центр "Экономпресс", 1999. С.28.

индивидуальность человека в его уникальной биографической ситуации»¹⁰⁷. Понимание человеком других находится в прямой зависимости от характера его отношений с ними. Шютц выделяет два типа отношений: «мы-отношения» и «они-отношения». «Мы-отношениями» связаны «со-общинники» – группа индивидов, сосуществующих в одном пространстве, наблюдающих жизнь друг друга, в разной степени знакомых с «биографическими ситуациями» друг друга. В «мы-группах» возможно постижение уникальности бытия другого.

«Они-отношения» свойственны «современникам», которых мы не знаем лично, и это вынуждает нас к интерпретации их поведения посредством типовых моделей.

На основании своих исследований коммуникации А.Шютц утверждает, что мир человеческого индивида – это изначально интерсубъективный мир культуры, что представление человека о мире – «не только его личное дело; они изначально интерсубъективны, социализированы»¹⁰⁸.

Таким образом, под коммуникацией Шютц понимает циркуляцию интерсубъективно обусловленных смыслов между людьми. Основные концепты – контакт и интерсубъективность.

Феноменологическая концепция представлена исследованиями Г. Шпета. В качестве фундамента для своей концепции Г. Шпет выбрал принципиальное различие между значением и смыслом. Значение, по его мнению, является многозначным набором смыслов, фиксируемым в словарях. Смысл же располагается в плоскости того единственного понимания, которое возникает в данном конкретном речевом контексте¹⁰⁹. Иногда перед нами оказывается знак будто бы с двумя значениями, но это иллюзия: знака с двумя значениями быть не может – в таком случае, перед нами два знака. В работах этого исследователя мы обнаруживаем тезис о том, что слово кажется многозначным только до тех пор, пока оно не употреблено для передачи значения или пока мы, встретившись с

¹⁰⁷ Шютц А. Структура повседневного мышления / А. Шютц // Социологические исследования. 1988. № 2. С.133-134.

¹⁰⁸ Ионин Л.Г. Понимающая социология / Л.Г. Ионин. М: Наука, 1979. С.130-131.

¹⁰⁹ Шпет Г. Г. Герменевтика и её проблемы / Г. Г. Шпет. М.: Контекст, 1989. С.265.

ним, еще не знаем, для передачи какого значения оно здесь служит...Истолкование значений слов, как задачи интерпретации, таким образом, должно иметь ввиду не только значение, как таковое, но должно принимать во внимание и многообразие форм пользования словом, как и психологию пользующегося им¹¹⁰.

Шпет называет сообщение «сферой для проявления динамики понимания», содержание которого организуется словами. Исследователь рассматривал слово с коммуникативной точки зрения. Вторую часть своих «Эстетических фрагментов» он начинает с отождествления слова с сообщением и сразу же связывает слово с культурой: «Слово есть *prima facie* сообщение...и принцип культуры»¹¹¹.

Автор данной концепции предлагает рассматривать коммуниканта не просто как актора, но как актора, чьи действия и поступки являются знаками, за которыми скрывается определенный смысл, мотивация. Личность автора-коммуниканта составляет ядро коммуникативного процесса, выступая аналогом слова: «Я есть слово и требует своего понимания»¹¹².

Таким образом, участниками коммуникативной цепи у Шпета оказываются слово, контекст и личность. Коммуникация в рамках феноменологической концепции будто бы имеет «второе дно»: есть некое сущее – смысл, и явление – общепринятое значение.

Диалогическую концепцию коммуникации развивает М. Бубер. Центральная идея его концепции заключается в том, что подлинное человеческое бытие возможно только в виде диалога с «Ты». В диалоге с «Ты» (Бог, мир, другой человек) человек обретает свое «Я» и смысл жизни. Самого по себе человеческого Я не существует. Индивид обретает свое Я через отношение к иному существующему. В одном случае это может быть отношение к природе, не выходящее на языковой уровень, в другом – отношение к человеку, принимающее языковую форму или же отношение к духовным сущностям, являющееся безмолвным, но порождающее язык.

¹¹⁰ Там же. С.226.

¹¹¹ Там же. С.380.

¹¹² Там же. С.389.

Соответственно, увидеть «Ты» можно не только в человеке, но и в другом живом существе и в неживом предмете. «Иногда я смотрю в глаза домашней кошке, – пишет М.Бубер. – В этом взгляде... проступает нечто от изумления и вопроса – чего совершенно нет в тревожном взгляде неприрученного зверя. Эта кошка начинала обязательно с того, что своим взглядом, загорающимся от моего прикосновения, спрашивала меня: «Возможно ли, что ты имеешь в виду меня? Правда ли, что ты не просто хочешь, чтобы я позабавила тебя? Разве тебе есть дело до меня? Только что мир Оно окружал меня и зверя; потом излилось из глубин сияние мира Ты – пока длился взгляд – и вот уже оно погасло, потонуло в мире Оно». Бубер пишет и о подобной «встрече» с куском слюды, при взгляде на который "некто подымается из вещиности, живой, и становится существом для меня, и направляется ко мне, в близость и в речь, – сколь неумолимо кратко время, когда он для меня – Ты и ничто другое!»¹¹³

Вполне вероятно, что описанный случай с кошкой, как и все подобные случаи, связанные с антропоморфизацией – это скорее яркие примеры опосредованной аутокоммуникации, нежели особой экзистенциальной коммуникации с не-собой.

Диалог в понимании Бубера – это не совсем привычный диалог в смысле поочередного обмена высказываниями. Исследователь настаивает на том, что не стоит преждевременно торопиться именовать «диалогом» даже самый увлеченный обмен высказываниями, поскольку эта коммуникация может оказаться неподлинной. Настоящий диалог может быть молчаливым, – имеется в виду не совместное мистическое молчание, а искренняя открытость, расположенность к другому человеку. «Ибо там, где между людьми установилась открытость, пусть даже не в словах, прозвучало священное слово диалога», – утверждает Бубер¹¹⁴.

В подлинном диалоге каждый из коммуникантов обращается к личности другого, учитывая его инаковость. Это не «технический диалог», ведущийся с

¹¹³ Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С.355-356.

¹¹⁴ Там же. С.96.

целью синхронизации действий коммуникантов, и не «замаскированный диалог», в котором хотя бы один из участников преследует цель удовлетворить психологические потребности вроде самоутверждения. Общение становится диалогом на условиях признания инаковости другого и спонтанности зарождения такого взаимодействия. Подлинная диалогичность и Другой – основные концепты представлений о коммуникации М. Бубера.

Сторонником диалогической модели коммуникации также является Поль Рикер, для которого «Я» и «Ты» выделяются как собеседники, участвующие в высказывании¹¹⁵. Исследователь обозначил специфическую черту коммуникации как целостной системы – обладание целостности такими свойствами, которыми каждый входящий в систему элемент по отдельности не обладает.

Своеобразный диалог подразумевает и Мерло Понти, утверждая, что жизненная коммуникация представляет собой отношения экзистенции с миром, бесконечный диалог с миром, диалог между сознанием, поведением человека и предметным миром. Что касается диалога с другим, то он возможен только через язык, посредством которого «в диалоге между мной и другим устанавливается общая территория, мое и его мышление сплетаются в единую ткань, мои высказывания и высказывания моего собеседника порождаются ситуацией дискуссии, они включаются в общую операцию, которую никто из нас двоих не создавал»¹¹⁶.

Концептуально значимая идея, лежащая в основе выше перечисленных концепций – это идея наличия Другого, с которым нужно считаться не только потому, что без него нет коммуникации, но и просто потому, что он есть.

Наличием *симбиотической концепции* история исследований коммуникации обязана русскому философу Семену Франку. Объединяющая модель получила такое название по той причине, что индивидуальная коммуникация (между «Я» и «Ты») в понимании Франка базируется на существовании некоего изначального симбиоза «Мы», предшествующего «Я» и «Ты» по отдельности.

¹¹⁵ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. М.: Медиум, 1995. С.47.

¹¹⁶ Понти М. Феноменология восприятия / М. Понти. Пер. с французского под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента. 1999.С.452.

Семен Франк различает между безличным и безразличным «оно» и самопроизвольно вторгающимся в личное пространство индивида «ты». Франк пишет, что «ты» «дает нам знать о себе», затрагивая нас, «проникая» в нас, вступая в общение с нами, некоторым образом «высказывая» себя нам и пробуждая в нас живой отклик». «Всякое познание или «восприятие» «ты» есть живая встреча с ним, скрещение двух взоров: вторжение «ты» в нас есть вместе с тем наше вторжение в него...»¹¹⁷. То есть «я» узнает себя в «ты», тем самым обеспечивая взаимопроникновение «я» и «ты». Говоря об этом узнавании себя в другом, Франк делает любопытное замечание: палачи и профессиональные убийцы избегают смотреть в глаза жертве и вообще другому существу, опасаясь потерять «предметное», «вещное» отношение к другому, – ведь во встречном взгляде можно «узнать» самого себя¹¹⁸.

«Мы» образуется встречей «Я» и «Ты». Но наряду с этим «Мы» – первичная реальность по отношению ко всякому отдельному «я». В человеческих отношениях «мы» как раз и является такой изначальной целостностью, в рамках которой могут конституироваться «я» и «ты». «Поэтому, – заключает Франк, – «мы» не есть множественное число первого лица, не «многие я», а множественное число как единство первого и второго лица, как единство «я» и «ты» («вы»)). «Мы» есть, следовательно, некая первичная категория личного человеческого, а потому и социального бытия»¹¹⁹.

Таким образом, коммуникация – это не просто встреча «Я» и «Ты» или пересечение их жизненных миров, но единство «Я» и «Ты», которое детерминировано «Мы».

Карл Ясперс – философ-экзистенциалист, создатель экзистенциалистской концепции коммуникации. По его мнению, путь к подлинному человеческому существованию пролегает через коммуникацию. Мыслитель различает несколько уровней человеческого «я», каждому из которых присущ свой способ взаимодействия с окружающим миром.

¹¹⁷ Франк С.Л. Сочинения / С. Л. Франк. М.: Правда, 1990. С.352.

¹¹⁸ Там же. С.335.

¹¹⁹ Франк С.Л. Духовные основы общества /С. Л. Франк. М.: Республика, 1992. С.335.

1. Эмпирическое «я».

Это «я», отождествляемое с природным телом. Эмпирическое «я» подчиняется инстинкту самосохранения, стремится к удовольствиям и избегает страданий. Эмпирический индивид относится к другим людям как к средству удовлетворения своих потребностей. На этом уровне коммуникация имеет утилитарное значение.

2. Сознание вообще.

На этом уровне «я» осознает себя носителем знаний. Рассудочное «я» мыслит категориями, научными понятиями, стремится к правильности мышления и поведения, подчиняется общезначимым нормам. Индивиды на уровне «сознания вообще» различаются между собой количеством усвоенных знаний, а «качественно» все считаются равными. Общение между ними основано на формально-правовом принципе «равенства всех перед законом» и представляет собой «обмен мыслями».

3. «Я» на уровне духа.

Это «я», осознающее себя частью целого (народа, нации, государства). В сфере духа, писал Ясперс, «отдельный индивид осознает себя стоящим на своем месте, которое имеет свой особый смысл внутри целого и определяется последним. Его коммуникация — это коммуникация отдельного члена с организмом. Он отличается от всех остальных, но составляет с ними одно в объемлющем их порядке»¹²⁰.

Человек может пребывать на перечисленных уровнях, однако, чтобы охватить целостность человеческого существа этого недостаточно. «Целостное человеческое существо» формируется только на четвертом уровне «я» — уровне экзистенции, которому соответствует экзистенциальный способ коммуникации.

Экзистенция — трудноуловимое явление, поскольку оно не поддается объективации и не может, преодолев пределы индивидуальной субъективности, стать объектом научного исследования. Вот как это объясняет сам Ясперс: «В

¹²⁰ Гайденко П.П. Человек и история в свете "философии коммуникации" К.Ясперса. Человек и его бытие как проблема современной философии / П.П. Гайденко. М: Наука, 1978. С.102.

любой момент, когда я делаю себя объектом, я сам одновременно есть нечто большее, чем этот объект, а именно существо, которое себя таким образом может объективировать. Рассматривая себя в той мере, в какой я могу быть представлен как объект, я «теряю себя, смешиваю то, чем я выступаю для себя, с тем, чем я сам могу быть»¹²¹. Но экзистенция имеет шанс быть «услышанной» и понятой другим через коммуникацию. Коммуникация является экзистенциальным медиумом между двумя «другими». Она индивидуальна, о ней не может знать кто-либо третий, она не осуществляется преднамеренно, она есть только настоящее. Суть коммуникации нельзя раскрыть в каких-либо общих категориях и определениях. Экзистенциальная коммуникация возможна благодаря разуму, поскольку коммуникация – это взаимопонимание двух существ, а понимание не что иное, как функция разума.

Модель коммуникации, созданная Дитрихом фон Гильдебрандтом, известна под названием *«метафизической»*, поскольку среди ее элементов преобладают неэмпирические, неочевидные и неидентифицируемые конструкты вроде ступеней реализации контакта, внутренних установок и потенциальных связей.

Д. Гильдебрандт уверен, что контакты между людьми градируются. Начальной ступенью контакта, предваряющей коммуникацию стадией, является внутреннее обращение одного индивида к другому, без информирования об этом вовне. В этом случае имеет место та или иная заинтересованность другим человеком, однако пересечение границ «межличностного пространства» не происходит, установка на контакт остается в пределах индивида – не проявляемой вовне, на уровне намерения. Следующая ступень контакта – «социальный акт» – представляет собой обращение к другому вовне, влекущее за собой пересечение границ межличностного пространства. Следующая ступень мы-контакта наблюдается тогда, когда внимание двух людей устремлено на один и тот же

¹²¹ Современная буржуазная философия. Учеб. пособ. Под ред. А.С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. М.: Высшая школа, 1978. С.316.

объект, то есть когда переживание в соответствии со своим смыслом и интенцией заведомо обнаруживает характер «солидарности с другим»¹²².

Согласно Гильдебрандту, межличностная сфера означает новую ступень реализации по сравнению с внутренней сферой отдельного человека. «Слово», наполняющее собой межличностное пространство, приобретает новую метафизическую валентность, воспринимаясь и понимаясь¹²³.

Если индивиды не взаимодействуют друг с другом, а только обладают остающимися невысказанными внутренними установками к контакту, о коммуникации говорить нельзя. Если один индивид стремится к контакту с другим индивидом, но его запрос на вступление в контакт не удовлетворяется, то можно заключить о наличии одностороннего отношения, но не коммуникации.

Также мы должны делать различие между актами, которые представляют собой простой актуальный контакт, как, например, сообщение или вопрос и которые поэтому не служат основой никаких продолжительных отношений между людьми, и такими, которые помимо заложенного в их осуществлении контакта с другой личностью приводят к возникновению продолжительной связи¹²⁴.

Коммуникация в интерпретации Гильдебрандта – это глубоко взаимное, доступное сторонней идентификации, обладающее общим для коммуникантов ментальным пространством (часто создающимся, а не уже имеющимся в наличии), стремящееся к длительности, межличностное взаимодействие. Мыслитель дифференцировал уровни контакта, тем самым обозначив его в качестве основного коммуникативного концепта. Наряду с уровнями контакта также концептуальное значение имеют такие элементы коммуникативного процесса как: взаимность, внутренняя направленность на контакт с другим, вступление в контакт.

¹²² Гильдебрандт Д. Метафизика коммуникации. Исследование сущности и ценности общественных отношений / Д. Гильдебрандт, пер. с нем. А.И. Смирнова. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. С.128.

¹²³ Там же. С.130.

¹²⁴ Там же. С.145.

К феноменологической же интенции примыкает и традиция, названная Крейгом «критической». Исследователи, придерживающиеся этого подхода, делают акцент как на подлинности коммуникации с Другим, так и на ее искажении стратегически работающими на воспроизводство, а не на производство самих себя, человеческих систем¹²⁵. Основная «проблема коммуникации» в обществе вызывается материальными или идеологическими силами, которые препятствуют или искажают дискурсивную рефлексивность¹²⁶. В рамках критической традиции разработаны этическая концепция О. Апеля и Ю. Хабермаса и игнористическая концепция Н. Лумана.

«Игнористическая» (от англ. ignorance – незнание, невежество) модель – тщательно разработанная Никласом Луманом, немецким социальным исследователем, модель коммуникации. Согласно теории Н. Лумана, к коммуникации людей склоняет незнание. Оно является базовым коммуникативным элементом, поскольку процесс коммуникации является следствием неравномерного распределения знания и незнания в межличностном пространстве.

Коммуникативный акт происходит путем отбора смысловых форм. Смысл – нечто порождаемое и используемое. Он не закреплен онтологически и представляет собой оператор различения, направляющий коммуникацию.

Общество воспроизводится коммуникацией. В концепции Н. Лумана под коммуникацией подразумевается конкретное, погруженное в контекст, историческое событие. Для возникновения коммуникации потенциальные коммуниканты должны быть наделены как знанием, так и незнанием. Коммуникация представляет собой аутопойетический процесс, поскольку лишь она способна обеспечивать циркуляцию знания и незнания, изменяя его. Это определенный тип наблюдения за миром, руководствующийся специфическим различением между информацией и сообщением¹²⁷.

¹²⁵ Deetz S. Democracy in an Age of Corporate Colonization: Developments in Communication and the Politics of Everyday Life, 1992, p.187.

¹²⁶ Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания / Р.Т. Крейг // Компаративистика III, СПб: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. 2003. С. 106.

¹²⁷ Луман Н. Общество как социальная система. / Н. Луман. Пер. с нем. А. Антоновский. М.: Логос, 2004. С.37.

Н. Луман выделяет такие компоненты коммуникации¹²⁸:

1. Информация, которая может удивить лишь однажды. Это неожиданный выбор из множества возможностей.

2. Сообщение, которое, как и действие, привязано к какому-либо мгновению.

3. Понимание, которое, будучи неповторимым, всё же доступно в воспоминании. Коммуникативное ядро. До момента понимания коммуникативная операция – не более чем дифференциация между информацией и сообщением.

Понимание коммуникации как единства, состоящего из трех элементов, исключает возможность приписывания онтологического приоритета какой-либо из перечисленных компонент. Единство коммуникативных событий не является ни объективным, ни субъективным, ни социально дедуцируемым.

Коммуникация сама создает необходимое для себя понимание, производя его в событийном процессе. Поэтому все, что идентифицируется как коммуникация, должно быть определено через саму же коммуникацию.

Проблема заключается в том, что коммуникация в момент осуществления не сопровождается самоконтролем, поэтому она всегда зависит от постфактумного анализа. Всякая коммуникация сопряжена с работой сознания хотя бы потому, что лишь сознание может осуществлять чувственное восприятие и анализ. Но не существует не опосредованной социально коммуникации сознания с сознанием. Не существует также и коммуникации между индивидом и обществом в том смысле, что коммуницирует не человек – коммуницирует сама коммуникация¹²⁹.

Таким образом, в рассмотренной концепции коммуникация представляется действием, элиминирующим незнание и обеспечивающим достижение понимания посредством передачи необходимой для этого информации. В концепции Н. Лумана можно обнаружить зачатки концептуального каркаса коммуникативного акта в виде имплицитного схематического содержания предпосылок (наличие

¹²⁸ Там же. С.38.

¹²⁹ Там же. С.56.

знания и незнания), средств (перераспределение смыслов), атрибутов (информация, сообщение, понимание). Однако исследователь не стал углубляться в проработку полноценной коммуникативной структуры.

Авторами *этической модели коммуникации* являются К. Апель и Ю. Хабермас. В концепции Ю. Хабермаса коммуникация зарождается, происходит и прекращается в жизненном мире. Жизненный мир в рамках коммуникативной теории Хабермаса предстает территорией встречи «Я» и «Ты», которые в момент начала их взаимодействия (интеракции, согласно терминологии Хабермаса), включатся в общее для них метафизическое интерактивное пространство. Такое трансцендентальное пространство возникает и распадается одновременно с возникновением и исчезновением взаимодействующих «Я» и «Ты». Наряду с этим оно находится в непрерывном состоянии возможности, поскольку обуславливается такими постоянными явлениями, как язык и культура. Должна сложиться некоторая языковая ситуация (или, по крайней мере, её следует представить), в которой говорящий, находясь в коммуникации со слушателем, о чем-то говорит и выражает то, что он сам об этом думает. Общий жизненный мир коммуникантов воспроизводится в ходе их коммуникативных действий (взаимодействий, направленных на достижение взаимопонимания). Не без основания Хабермас предполагает существование конфликтов жизненных миров, чему конфликт «своих» и «чужих» показательный пример. Несмотря на наличие культурной и языковой основы общего жизненного мира (хотя, по сути, это скорее оболочка), в пределах этой общности у каждого коммуниканта есть свой субъективный мир. Субъективные миры имеют свойство сталкиваться друг с другом, провоцируя конфликт. Таким образом, на практике мы имеем ряд конфликтных ситуаций на всех уровнях.

Коммуникативная реальность имеет уровневую структуру. Количество уровней не стремится к бесконечности – их всего четыре. Ядро уровневой конструкции составляет высказывание – языковая единица. Когда язык

используется в целях достижения взаимопонимания с другим человеком, то посредством него осуществляется действие на следующих уровнях¹³⁰:

1. На социальном уровне простого вступления в контакт, происходящего посредством иллокутивного акта, не обладающего ни пропозициональным содержанием ни даже значением. При помощи подобных актов говорящий ничего не сообщает о том, что могло бы быть истиной или ложью, но при этом осуществляет социальное действие. Например, «Привет!» ничего не означает. Кроме того, что это социальный акт приветствия.

2. На онтологическом уровне утверждения о чем-то, имеющем место в мире

3. На психологическом уровне выражения намерений говорящего

4. На лингвистическом уровне отношения между высказыванием и совокупностью возможных высказываний в рамках данного языка в данной ситуации.

По мнению критика коммуникативной теории Т. Ренча, дискурсивной этике присущ лингвистический идеализм, который можно критиковать двумя способами: во-первых, касательно фикции идеального взаимопонимания между людьми, во-вторых, касательно ограниченности мысли о коммуникативной рациональности, которая заключается в ее ограничении только языковыми взаимоотношениями. Считающееся иллокутивным «Привет!», чаще всего содержит в себе нечто большее, нежели простой социальный акт приветствия. Можно поздороваться так, что имеющееся желание вступить в контакт пропадёт. Появляются такие субъективные факторы смысловой нагрузки как мимика, жестикуляция, интонация. И вот уже формальный иллокутивный акт предстаёт не отделенным от коммуникативного процесса призывом вступить в коммуникацию, а предпосылкой коммуникативного акта. Коммуникативное действие состоит из ряда символических (языковых и неязыковых) актов, посредством которых субъект имеет возможность понимать и контролировать действия окружающих его других субъектов: языковое сообщение достигает своей цели, если

¹³⁰ Хабермас Ю. Постметафізичне мислення / Ю. Хабермас. Пер. з нім. В. Купліна. К: Дух і літера, 2011. С.199-202.

принимается другими членами языкового сообщества¹³¹. Хабермас же считает, что понимание будет достигнуто, если сообщение воспринято получателем и получатель, в свою очередь, может ответить согласием или отказом на вызов коммуникации. То есть, основную роль играет не содержание сообщения, а форма его трансляции: содержание коммуникативного акта, таким образом, замыкается в языке.

По мнению Ю. Хабермаса и К. Апеля одного общего жизненного мира недостаточно, так как чаще всего он не рефлексивируется – необходим теоретический дискурс, рационализация жизненного мира. Мыслители убеждены в том, что нормы и ценности должны быть обоснованы путём достижения консенсуса в процессе обсуждения, или дискурса (Понятие «дискурс» у Хабермаса вроде бы обладает очевидным значением, в буквальном переводе это не что иное, как «рассуждение» либо «обсуждение». Но по ходу прочтения текста Хабермаса становится понятно, что у него понятие дискурса коннотировано и в целом обозначает способность обсуждения некоторой проблематики некой общественностью – общественной рефлексией, реконструированием социального мира). Иными словами, Апель и Хабермас находятся в активном поиске морального обоснования, которое может критиковать либо оправдывать коммуникативное действие. В связи с вышеупомянутой рационализацией, коммуникация в теории Хабермаса по факту сводится к процессу аргументации этики дискурса. Этика дискурса предлагает не какие-то содержательные ориентиры, но опирающуюся на определенные предпосылки процедуру, которая должна гарантировать беспристрастность в формировании суждений, уточняет Хабермас¹³². Коммуникация предстает, с одной стороны, как совокупность интеракций, в рамках которых их участники согласуют свои намерения; при этом достигнутое согласие измеряется интерсубъективным признанием притязаний на значимость: истинность, правильность и правдивость своих высказываний. С

¹³¹ Ренч Т. Конституція моральності. Трансцендентальна антропологія і практична філософія / Т. Ренч, пер. з нім. В. Приходька. К.: Дух і літера, 2010. С.78.

¹³² Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. Пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. Спб.: Наука, 2008. С.116.

другой стороны, коммуникация утверждается в качестве конкретно-исторического процесса производства социальной реальности. Философ классифицирует межличностные интеракции на стратегические и непосредственно коммуникативные, в зависимости от цели. Стратегические интеракции характеризуются направленностью на корыстный интерес и не обязательно включают в себя элемент взаимопонимания, в то время как коммуникативные интеракции – это «взаимодействие ради взаимодействия», в котором наличие взаимопонимания жизненно необходимо¹³³.

Отто Апель – сторонник «этики ответственности» М.Вебера. В то время как Хабермас различает инструментальный и коммуникативный типы взаимодействия, Апель допускает существование идеальной и реальной коммуникации (не отказываясь от классификации Хабермаса, но учитывая ее и включая в свою теорию). Идеальная коммуникация неподвластна воздействию контекста ситуации и находит свое воплощение в этически релевантной модели договоренности, критерий релевантности которой обеспечивает тотальную ответственность всех за всех и «является консенсуально возможным для каждого, кто может быть задействованным в коммуникации, а не только для непосредственных участников конфликта» (термин «конфликт» употребляется Апелем вследствие его понимания любой коммуникационной ситуации как ситуации, в любой момент способной перерасти в столкновение). Кантовская версия универалистско-деонтологической этики принципов кажется Апелю неполной, так как из неё невозможно выведение способа решения проблемы коллективного и индивидуального осуществления «доброй» жизни на ограниченных условиях универсально подходящей морали принципов, точнее, единственного принципа. Апель не видит иного выхода, кроме как переформулировать кантовский категорический императив (с целью легитимации норм как критерия принципа действия): «поступай только согласно максиме, по которой ты, на основании реального взаимопонимания со всеми участниками...либо на основании соответствующего ментального эксперимента,

¹³³ Там же. С.104.

можешь утверждать, что результаты и побочные последствия, которые будут иметь место вследствие всеобщего следования норм для удовлетворения интересов каждого заинтересованного человека, могут свободно признаваться в реальном дискурсе всеми участниками»¹³⁴. И в этом аспекте Апель отходит от теории Хабермаса в том смысле, что признает возможность осуществления «дискурса всех для всех» только на условии сочетания коммуникативного взаимодействия с инструментальным стратегическим ввиду необходимости разрешения конфликтов интересов, поскольку в аргументированном дискурсе, несмотря на его рефлексивную свободу, мы остаемся прежними субъектами интеракций в пределах жизненного мира. Эта примесь стратегического в чистом пространстве «коммуникативного взаимодействия» и есть признак реальной коммуникации. Апелю хотелось бы «чтобы каждый, читая утром газеты, задумался, каким образом он, исходя из рамок собственной компетенции и собственных сил, может принять участие в организации коллективной ответственности...нужно в каждом человеке видеть потенциального члена общности идеального дискурса, то есть рассматривать его как того, кто способен, так сказать, принимать обязанность»¹³⁵. Он пытается оградиться от видимой утопичности теории этики дискурса, замечая, что такая этика (и сама коммуникация, дискурс) насчитывает в себе два уровня: один как бы методологический, формальный (идеальная коммуникация), который должен постоянно служить фоном и целью другому, практическому обыденному дискурсу (реальная коммуникация). С целью морального обоснования, Апелем осуществляется попытка интериоризации категорического императива Канта, но на условиях преодоления кантовского методологического индивидуализма: «Позитивное снятие категорического императива состоит в том, что место метафизически обоснованной докоммуникативной универсализации максимы убеждения индивида занимает обязанность солидарной ответственности за все

¹³⁴ Апель К.О. Дискурс і відповідальність: проблема переходу до пост конвенціональної моралі / Пер.з нім. В. Купліна / К.О. Апель. К: Дух і Літера, 2009. С.37.

¹³⁵ Там же. С.21.

человеческие действия, которая реализуется только коммуникативно, вместе со всеми другими на основе универсального консенсуса»¹³⁶.

Таким образом, специфика этической модели коммуникации заключается в сосредоточенности на достижении коммуникантами взаимопонимания посредством языка и определенных моральных норм.

Поскольку целью данного исследования является построение концептуальной структуры коммуникативного процесса, обозначим исследовательские концепты, отображающие инвариантную структуру коммуникации. Поэтому подытожим процедуру экспликации сводной таблицей извлеченных из исследований коммуникации концептов (см. Приложение 1).

¹³⁶ Там же. С.22.

ГЛАВА 2. ИМПЛИЦИТНАЯ СТРУКТУРА КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА

2.1. Предпосылки коммуникации

Из числа эксплицированных концептов к концептам онтологических обстоятельств, без которых коммуникация не состоится, относятся: *мотивация* (Г. Шпет, феноменологическая традиция), *Другой* (представители феноменологической традиции), *внутренняя направленность на контакт* (Э. Гильдебрандт, феноменологическая традиция), *субъектность* (представители феноменологической традиции) и *язык*.

Вкратце восстановим контекст исследований, из которых извлечены приведенные выше концепты, а также продемонстрируем основания сведения множества полученных концептов к нескольким понятийным сеткам. Сводимость нескольких, выглядящих терминологически различными, концептов к единому понятийному узлу указывает на тот факт, что исследователи преимущественно изучают одинаковый объект, однако опираются на различные категориальные основания, что приводит к понятийному разнoboю.

В зависимости от того, на каком основании выстраиваются взаимоотношения между концептами в объединенных концептуальных блоках, существует несколько видов концептуальных связей – соподчинение (когда один концепт входит в состав другого) и дополнение (когда между концептами установлены равноправные связи). Специфика межконцептуальных связей обуславливается особенностями взаимоотношений явлений, представляемых концептами в их (*явлений, прим. авт.*) модельном воплощении.

Тот факт, что Г. Шпет обращается в своих текстах к коммуникативной тематике, является прямым следствием его интереса к герменевтике,

феноменологии и идее их гибридизации с целью приблизиться к разрешению проблемы понимания. Для этого, по мнению исследователя, философия должна заняться тщательным изучением «языкового сознания», поскольку каждое явление – это обладающий значением знак¹³⁷. Соответственно, познание движется от фокусировки на внешней форме существования знака (слова) к сосредоточению на внутренней форме его существования (смысле)¹³⁸. Именно в этой точке и происходит коммуникативный поворот в исследованиях Г. Шпета. Не углубляясь в несущественные в контексте исследуемого нами вопроса детали семиотической системы Шпета, обозначим ключевые позиции его концепции относительно коммуникативного процесса. Существенно, что каждый знак о чем-то сообщает, но сообщает не игнорирующему значения пространству, а субъекту, этот знак могущему истолковать – способному «отдать себе сознательный отчет о роли слова как знака сообщения»¹³⁹. Знак Шпета внутренне обусловлен, произведен человеком в процессе коммуникации. Таким образом, мир знаков в концепции Шпета становится человекомерным, в отличие от концепций Соссюра и Пирса, в которых знаковая сфера выступает внешней по отношению к внутриличностной сфере. Появляется понятие «социальная интуиция»¹⁴⁰ – тот самый понятийный мостик, связывающий эмпирическую интуицию или мир знаков, мир сущего (для Шпета это одно и то же) с интуицией эйдетической – миром значений. Из этой связи следует, что *мотивация*, с точки зрения Г. Шпета, это не совсем привычная мотивация «по-психологически», но разумная мотивированность либо смысл, или, философ использует терминологию Аристотеля – энтелехия¹⁴¹. Этот внутренний смысл или «душа» слова¹⁴² хотя и лишает субъект статуса высшей смыслообразующей инстанции, но побуждает его к коммуникации, ибо «слово есть *prima facie* сообщение. Слово, следовательно,

¹³⁷ Агафонова Н.В. Густав Густавович Шпет: «Философия – строгая наука» / Н.В. Агафонова. Судьбы творцов российской науки / Отв. ред. А.В. Сурин, М.И. Панов. М.: УРСС, 2002. С.325.

¹³⁸ Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. С.93-94.

¹³⁹ Агафонова Н.В. Густав Густавович Шпет: «Философия – строгая наука» / Н.В. Агафонова. Судьбы творцов российской науки / Отв. ред. А.В. Сурин, М.И. Панов. М.: УРСС, 2002. С.93-94.

¹⁴⁰ Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы / Г.Г. Шпет послесл. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1996. С.112.

¹⁴¹ Там же. С.164.

¹⁴² Там же. С.160.

средство общения; сообщение – условие общения»¹⁴³. В субъектно мотивированном коммуникативном сообщении объединяются выделенные Шпетом интуиции (эмпирическая, эйдетическая), из чего можно заключить, что глубинная социальная мотивация образует онтологический фундамент коммуникации.

Концепт *Другого* является классическим концептом современной философии, сформировавшимся на базе идей диалогизма в некоторых направлениях неклассической философии (герменевтика, концепция языковых игр, психоанализ и т.д.) вследствие артикуляции коммуникативной проблематики. Суть данного концепта раскрывается в коммуникативной практике и заключается в том, что каждый из коммуникативных партнеров не просто обладает для своего визави значимостью, но и обуславливает его существование: Я есть для Другого Я и через Него. Появление концепта Другого свидетельствует об утере доминирующей позиции классической парадигмой субъект-объектного отношения к миру. Субъект более не находит своего отражения в зеркале объективного мира, но обретает себя в коммуникации с Другим.

Диалогический анализ (М.Бубер, М.М.Бахтин, С.Л.Франк) предполагает постоянную смену говорящих субъектов в диалоге и попеременное проигрывание ими роли другого; говорить об отдельных позициях субъектов в диалоге не приходится.

Вспомним, что М.Бубер говорит о Я как вторичном по отношению к Ты (Другому) состоянию субъективности. Сначала Ты и только потом Я как фрагмент отношения в единстве базовой коммуникации Я – Ты. Я и Ты обоюдно существуют друг для друга, но при этом остаются сами собой. Более того, посредством коммуникации Другой из постороннего и чужого становится Ты.

У Бахтина диалогическое отношение к Другому является единственной формой отношения к человеку-личности, сохраняющей его свободу и незавершенность. Бахтин пришел к понятию «вненаходимости», диалогичности сознания: «сознание себя самого все время ощущает себя на фоне сознания о нем

¹⁴³ Там же. С.380.

другого»¹⁴⁴. Идея диалога с Другим пронизывает всю онтологию Бахтина. В книге «Проблемы поэтики Достоевского» содержится характерное высказывание: «быть – значит общаться диалогически»¹⁴⁵. Основные категории, описывающие конкретный поступок, – это «я-для-себя», «другой-для-меня» и «я-для-другого». У С. Франка, как мы помним, Я и Другой – это необходимые условия существования «Мы», первичного по отношению как к Я, так и к Другому. Предзаданность же «Мы» обусловлена божественной причиной.

В лексиконе К. Ясперса коммуникация означает сущностное межличностное общение – коммуникация создает человека разумного. Соответственно, любое зло неразумно и происходит вследствие обезличивания Другого.

Как было ранее установлено, концепт *внутренней направленности на контакт* Д. Гильдебрандта выполняет важную функцию запуска коммуникативного процесса: без внутренней обращенности одного индивида к другому коммуникация не перейдет на уровень регистрируемого взаимодействия. Для того, чтобы осуществить коммуникативный акт, по меньшей мере необходимо не исключать возможности перехода ко взаимодействию с другим или устремленности к контакту.

Следуя логике объединения концептов в концептуальные сети, можно заключить, что один из пяти концептов перечня, открывающего этот параграф, поаспектно включает в себя три концепта из четырех. *Субъектность* имплицитно содержит *Другое Я* и, соответственно, отсылает к неизбежному наличию тех, кто потенциально может вступить друг с другом в коммуникацию. В то же время, коммуниканты так и останутся потенциальными, если хотя бы одного из них не побудит к контакту с другим *внутреннее к нему (контакту) стремление* или, иными словами, если хотя бы один из потенциальных коммуникантов не будет *мотивирован* актуализировать свой пока потенциальный статус коммуниканта. В этой точке система замыкается – само присутствие Другого мотивирует такого же

¹⁴⁴ Бахтин М.М. План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского» / М.М. Бахтин // Контекст. 1976. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1977. С. 305.

¹⁴⁵ Там же. С.338.

Другого к взаимодействию с ним если не на межличностном уровне, то, как минимум, на уровне источника возможного смысла. Следовательно, в данном случае «субъектность» является понятийным узлом, содержащем в себе такие отображающие коммуникативную реальность исследовательские концепты как: *Другой, мотивация и направленность на контакт*.

Еще один, не входящий в состав *субъектности* и будто бы не учтенный, отображающий коммуникативный генезис концепт, это *язык*. Язык – это знаковая система произвольной природы, посредством которой осуществляется человеческое общение на различных уровнях коммуникации и трансляции, включая операции мышления, приобретение, хранение, преобразование и передачу сообщений (сигналов, информации, знаний)¹⁴⁶.

Впервые системный подход к изучению языка осуществил Ф. Соссюр: он разделил язык и речь, уточнив, что язык, в отличие от речи, это абстрактная совокупность правил, необходимых для осуществления коммуникации. Речь же являет собой индивидуальное воплощение этих правил.

«Теория речевых актов» Джона Остина на первый взгляд может показаться обманчиво несущественной – ведь это теория *речевых* актов, а не коммуникативных. Речевой акт соотносится с коммуникативным актом примерно также, как механика Ньютона с теорией Эйнштейна: речевой акт функционирует в рамках коммуникативного акта как частный случай. Конечно, речевой акт может быть составной частью коммуникативного акта, а иногда коммуникативный акт происходит в форме акта речевого, но наряду с этим он по-прежнему остается частным случаем. И это верно: можно было отложить в сторону исследования Дж. Остина и Дж. Серла, удовлетворившись утверждением, что аналитическая теория речевых актов представляет интерес скорее для философии языка или лингвистики, нежели для философии коммуникации. Однако эти исследователи внесли недооцененный вклад в теорию коммуникации – их усилиями исследовательский фокус с глубинных формальных структур языка (линия Фреге, Рассела и раннего Витгенштейна) был смещен в область

¹⁴⁶ Язык. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2010–2016.

межчеловеческой коммуникации, изучения ситуаций речевого общения и взаимодействия, утвердив тем самым язык в качестве необходимого основания коммуникативного процесса.

Подход философов языка начала XX столетия, ориентировавшихся на идеальных носителей семантической информации, был подвергнут критике. В терминологии раннего Дж. Остина это означало предпочтение изучения «предложений-константивов» (утверждений, предложений, сообщающих известную информацию) при полном игнорировании «предложений-перформативов», то есть таких высказываний, само произнесение которых уже есть действие. Позднее исследователь уточнил свою позицию формулировкой концепции единого речевого акта. Согласно этой концепции, речевой акт имеет трехчленную структуру и состоит из трех функциональных уровней (в терминологии Дж.Остина – актов):

- а) локутивного (произнесение того или иного высказывания со смыслом);
- б) иллокутивного (осуществление акта говорения);
- в) перлокутивного (воздействие на аудиторию озвучиванием слова или высказывания).

Речевой акт по отношению к используемым в его ходе языковым средствам выступает как локутивный акт; в отношении к поставленной цели и ряду условий его осуществления – как иллокутивный акт; в отношении к своим результатам – как перлокутивный акт¹⁴⁷.

Исследователь обращает внимание на отношения между пользователем языка и лингвистическим выражением (и на социальный контекст, внутри которого пользователь языка выражает самого себя). Многое из того, что мы говорим, направлено в первую очередь не на передачу информации, но на подтверждение, актуализацию или внесение изменений в существующий институциональный status quo. Одни речевые действия сообщают о том, что дела обстоят так-то и так-то, в то время как другие (такие, например, как назначение,

¹⁴⁷ Остин Дж. Три способа пролить чернила: Философские работы. Перформативные высказывания / Дж. Остин, пер. с англ. В. Кирющенко; Вступ. статья В. Кирющенко, М. Колопотина. СПб.: Алетейя : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С.9.

приговор или завещание) делают так, что дела начинают обстоять так-то и так-то. В последнем случае мы имеем ситуацию, в которой не слова подгоняются под то, как устроен мир, но мир организовывается согласно словам.

Таким образом, вслед за Т. Ридом или поздним Л. Витгенштейном, Дж. Остин рассматривает язык не как систему обозначений, но как орудие осуществления социальной активности. А именно: акцент исследования с формальных признаков высказываний переносится на анализ конкретных ситуаций. Для Остина оказывается крайне важным тот факт, что конвенции всегда помещены в конкретную ситуацию и совершенно неважным выяснение того, как именно внутренние механизмы языка производят работу кодирования. Конвенция, код не предшествуют событию. Событие речи не просто подтверждает конвенцию, но всякий раз заново ее создает.

Таким образом, коммуникация рассматривается Дж. Остином в качестве средства, создающего код в ходе коммуникативного акта, что, в сущности, не является неверным: само наличие языка, являясь хотя и недостаточным, но необходимым условием зарождения коммуникативного процесса, преодолевает свою недостаточность тем, что позволяет возникнуть и осуществиться многообразию своих форм (кодов), которые обуславливают коммуникативный процесс.

Не проигнорировали язык и представители диалогической традиции, рассматривающие его в качестве формируемой в процессе коммуникации интерсубъективной реальности, которая, собственно, и делает возможной дальнейшую коммуникацию.

Поскольку статус субъектности и языка в качестве первичных условий существования коммуникации прояснен, можно заключить, что субъектность и язык являются понятийными узлами, представляющими *предпосылки* коммуникативного процесса.

Неизбежное присутствие в авторских концепциях коммуникации концептов Другого, мотивации, внутренней направленности на контакт, субъектности и языка позволяет заключить о наличии оригиналов этих явлений в процессе реальной

коммуникации, и далее исследовать упомянутые концепты как составляющие коммуникативной действительности.

Так как наличие языка не определяется субъектом, назовем эту предпосылку **объективной**. Соответственно, субъектность назовем **субъективной** предпосылкой.

Примечательно, что группа предпосылок представлена преимущественно концептами феноменологических исследований, что может служить подтверждением обоснованности заполнения кластера предпосылок именно теми концептами, которые в нем оказались: феноменологи занимаются исследованием предпосылок существования мира и условий объективности знания, трансформирующегося из «моего» субъективного во «всеобщее» объективное посредством взаимоотношения субъектов (интерсубъективность). Предпосылки коммуникации входят в число предпосылок существования мира и являются условием объективного исследования межсубъектного взаимодействия.

2.2. Условия коммуникации

Среди множества эксплицированных концептов есть ряд тех, которые отсылают к способствующим или препятствующим коммуникации явлениям. Это *релевантность* (П. Грайс, семиотическая традиция), *целесообразность* (Ж. Ла Кофф, социокультурная традиция), *коммуникативный замысел* (М.Бахтин, семиотическая традиция), *код* (Р. Якобсон, трансмиссионная традиция; У. Эко, семиотическая традиция), *интерсубъективность* (А. Шюц, феноменологическая традиция), *концептуальность* (Ж. Ла Кофф, социокультурная традиция), *коммуникативная тема* (Т. ванн Дейк, социокультурная традиция), *впечатление* (И. Гоффман, социопсихологическая традиция), *расположенность* (М.Бубер, феноменологическая традиция), *личностное слияние* (С.Франк, феноменологическая традиция), *отношение* (П. Грайс, семиотическая традиция), *средства коммуникации* (М. Мак Люэн, трансмиссионная традиция).

Положение перечисленных концептов аналогично «предпосылочному» – исследователи рассматривают всевозможные аспекты коммуникативного явления X, не упоминая само явление. В результате концептов из различных исследований обозначают одно и то же, зачастую подчиняясь некому третьему концепту по объему, в свою очередь отсылающего к какому-нибудь из элементов структуры коммуникации. Соответственно, такие концептуальные позиции нуждаются в процедуре их связывания в понятийные узлы.

Применительно к перечню концептов этого параграфа: *релевантность* Грайса, *целесообразность* и *концептуальность* Ла Коффа сводятся к *коммуникативному замыслу* Бахтина, выступающему для этого концептуального ряда в роли понятийного узла.

В теории коммуникации П. Грайс известен «коммуникативными импликатурами». С точки зрения Грайса любая коммуникация кооперативна, поскольку «обычно диалог представляет собой, в той или иной степени, особого рода совместную деятельность участников, каждый из которых в какой-то мере признает общую для них обоих цель (цели) или хотя бы «направление» диалога»¹⁴⁸. Исходя из этого принципа, исследователь заключает, что не соответствующие цели реплики исключаются из процесса коммуникации, а, следовательно, вклад участника коммуникативного процесса должен быть *релевантен* направлению (цели) этого процесса. Как мы уже ранее упоминали, в качестве критериев (у автора – постулатов) релевантности Грайс указывает качество (соответствие высказываемого действительности), отношение (целенаправленность) и способ (степень ясности высказываемого). С отношением у Грайса возникли затруднения, о чем он сам упоминает в цитируемой работе «Логика и речевое общение», а именно – исследователь пишет, что отношение – это, по сути, единственный постулат релевантности, хотя есть различные ее формы, которые он пока не прорабатывал. Проблема заключается в том, что Грайс, выводя принцип коммуникативной кооперации с ее постулатами, описывая исключение некоторых высказываний как

¹⁴⁸ Grice H. P. Logic and conversation. In: «Syntax and semantics», v. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y., Academic Press, 1975, p. 41–58.

несоответствующих «заданному курсу», тем самым уже рассуждает именно о релевантности вклада коммуниканта в процесс. Окончательно мы в этом убеждаемся, когда автор наконец дает определение коммуникативной имплицатуре как комплексному состоянию коммуникации, включающему в себя, во-первых, соблюдение принципа кооперации, во-вторых, предположение о том, что коммуникант хотя бы приблизительно распознаёт намерение другого коммуниканта, и тот осознает это распознавание¹⁴⁹.

Таким образом, концепт *релевантности* Грайса отображает степень реального соответствия коммуникативного поведения общему коммуникативному замыслу, входя в состав соответствующей понятийной сети.

Основной тезис Дж. Ла Коффа – люди мыслят концептуальными схемами (метафорами) и общаются, соответственно, тоже в их рамках. У Ла Коффа, помимо целесообразности (то же самое, что релевантность), в качестве формирующей теорию позиции, фигурирует «концептуальность». На самом деле неслучайно – целесообразность Ла Коффа отнюдь не близнец релевантности Грайса, хотя ей родственна. Этот вид целесообразности рассматривается исследователем в связке с концептуальностью. Коммуникация у этого автора представляет собой циркуляцию метафор в социальном пространстве. И она всегда представляет собой взаимодействие людей друг с другом. Если П. Грайс в качестве точки отсчета принимает цель коммуникации, то Дж. Ла Кофф в качестве исходной позиции полагает природу коммуникации, тот факт, что это всегда социальное взаимодействие. Соответственно, под целесообразностью Ла Кофф подразумевает не соответствие действий коммуниканта коммуникативной цели, а, скорее, соответствие действий коммуниканта нормам вежливости, даже вопреки цели.

Нормы вежливости и используемое метафорическое поле также являются фрагментами понятийного узла «понятийный замысел».

Хотя коммуникативный замысел не единственный сильный концепт в работах М. Бахтина, более подробно остановимся именно на нем, к остальным

¹⁴⁹ Там же.

(диалогичность) вернемся позднее. Для Бахтина единицей общения является не слово и не предложение, но высказывание. Граница высказывания для говорящего определяется речевым замыслом высказывания, для слушателя – возможностью ответа¹⁵⁰. В совокупности упомянутых элементов, речь идет о коммуникативном замысле, возникающем вследствие напряженных взаимоотношений между коммуникантами. В определенный момент протекания диалогической коммуникации слова одновременно вмещают в себя как значения, которые имплицитно понимаются говорящим, так и значения, которые понимаются слушающим. Выступая в качестве языковых знаков, функционирующих в разнообразных контекстах, слова изменяют значения. В связи с этим, существенным компонентом диалога предстает контекст или социальная ситуация, в которой задействуются языковые знаки. Собеседники испытывают влияние со стороны социальных контекстов, в которых они обнаруживаются; сообщения, инициируемые собеседниками, являются продуктом данных контекстов¹⁵¹. Каждое высказывание оказывается реакцией либо на высказывание коммуниканта, либо на сопутствующий контекст, что порождает цепную реакцию обоюдного производства дальнейших высказываний. Таким образом, все высказывания становятся частью единого коммуникативного замысла, образуемого коммуникантами, их намерениями, высказываниями и контекстом.

Таким образом, релевантность как соответствие коммуникативного действия цели, целесообразность как соответствие коммуникативного действия норме и концептуальность как метафорическое рамкирование коммуникации связываются воедино коммуникативным замыслом Бахтина. Именно в контексте обоюдного производства коммуникантами как высказываний, так и иных действий, и располагаются упомянутые формы релевантности и концептуальности. Одновременно, в совокупности все перечисленное образует неявную отсылку к концепту коммуникативных норм.

¹⁵⁰ Багратион-Мухранели И.Л. Проблема коммуникации, диалога и творческое наследие Бахтина / И. Л. Багратион-Мухранели // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Сер. : Філологічні науки. 2014. № 1. С. 12—15.

¹⁵¹ Тюпа В.И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса / В.И. Тюпа // Критика и семиотика. 2006. №. 10. С. 36-45.

Следующая концептуальная сеть образуется концептами *коммуникативная тема* и *код*, связывающимися в *интерсубъективность*.

Как уже было прописано в первом разделе, вклад в теорию коммуникации Т. ван Дейка заключается в выделении коммуникативных тем или макростратегий коммуникации, они же – ситуационные модели, формирующиеся рядом коммуникативных событий. Собственно, именно посредством них Дейк и определяет коммуникацию, которая в его понимании выступает взаимодействием говорящего и слушающего, помещенным в некоторый социокультурный контекст, содержащий общедоступные для коммуникантов значения, знание языка, установки, представления¹⁵². Автор не пренебрегает и анализом роли языка в коммуникативном процессе, поскольку обмен аккумулированным опытом участников коммуникации осуществляется посредством языка. Согласно концепции Т. А. ван Дейка, рассмотрение принципов функционирования языка в обществе ведется им с учетом определенных социальных факторов (мнения и установки говорящих, их социальный и этнический статус и т. д.); определенным образом акцентируются личностные характеристики носителей языка с их намерениями, чувствами, эмоциями¹⁵³.

Код – понятие, широко используемое в семиотике и позволяющее раскрыть механизм порождения смысла сообщения. В теории информации (Шенон, Уивер) «код» определяется как совокупность (репертуар) сигналов. В работах Якобсона и Эко «код», «семиотическая структура» и «знаковая система» выступают как синонимичные понятия (при этом «код» отличается от «сообщения» так же, как в концепции Соссюра «язык» – от «речи»). Иначе говоря, «код» может быть определен трояким образом: (1) как знаковая структура; (2) как правила сочетания, упорядочения символов, или как способ структурирования; (3) как соответствие символа означаемому (У.Эко).

Эко У. предлагает применение единого семиотического подхода ко всем коммуникативным явлениям. Код У. Эко непосредственно связан с понятием

¹⁵² Там же. С. 36-37.

¹⁵³ Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. С.25.

нормы – собственно, в терминологии исследователя код и является нормой, связывающей элементы различных систем¹⁵⁴.

Согласно Эко, главная задача семиологического анализа заключается в сведении любого факта к фактору культуры: предмет – к знаку; относительный признак – к соответствующему смыслу; действительность – к социокультурному понятию. В результате семиологического анализа исследователь приходит к выводу, что в основе любой реальности (творческой, социальной, культурной) лежит определенный код. Это подтверждается следующим рассуждением: реальность имеет место только тогда, когда ее можно понять (непонимание чего-то равносильно отсутствию его существования). Понять можно только то, что имеет смысл. Смысл является результатом коммуникации. Коммуникация представляет собой систему передачи сообщений согласно условным правилам. Без этих правил сообщение не может быть отправлено и расшифровано, то есть, вне определенных правил коммуникация становится бессмысленной. Эти правила и называются кодом¹⁵⁵.

Интерсубъективность, или общность миропонимания множеством индивидов, в качестве ключевого концепта, лежащего в основании коммуникативных процессов, извлечена из исследований А. Шютца. Исследователь проблематизирует инаковость коммуникантов в ее ключевых аспектах: во-первых, коммуниканты воспринимают нечто с различных позиций, во-вторых, «ситуации», жизненные контексты, в которых воспринимается это нечто коммуникантами также неодинаковы. Но в повседневной жизни мы общаемся, не задумываясь об этом и по умолчанию уверены в том, что другой, в принципе, воспринимает мир также. Однако повседневность не только субъективна, но и помещена в пространство культурной интерсубъективности. «Мир повседневности интерсубъективен, – пишет А. Шютц – так как мы живем среди других людей, нас связывает общность забот, труда, взаимопонимание. Он

¹⁵⁴ *Лутеро Т.* О концепции У. Эко и его вклад в семиологические исследования/ Т. Лутеро // Семиотика, Язык и культура. 2015. С. 129—133.

¹⁵⁵ Код — всему голова. Концепция пансемиотизма У. Эко [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://concepture.club/post/semiotika-kino/kinokonsepcija-umberto-eko> (дата обращения: 18.01.2016)

– мир культуры, ибо с самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним. Однако эта совокупность значений – и в этом отличие царства культуры от царства природы – возникла и продолжает формироваться в человеческих действиях: наших собственных и других людей, современников и предшественников»¹⁵⁶.

По Шютцу, коммуникация – это межчеловеческое взаимодействие, успешное при условии взаимозаменяемости позиций коммуникантов и совпадении систем релевантности¹⁵⁷. Коммуникативные нормы задаются коммуникативными границами.

Поскольку в коммуникативных моделях концепты являются представителями аналогичных фрагментов реальности, рефлексия над общностью кодов как об над одним из условий коммуникации возможна на основании образования концептами «обратная связь», «интерсубъективность» и «коммуникативная тема» отдельной концептуальной сети, составляющие которой – перечисленные концепты, – обладают связностью в рамках единой знаковой структуры – общности смыслов как одного из условий коммуникации. Обратная связь возможна только при условии хотя бы частичного совпадения кодов коммуникантов, которое, в свою очередь, более вероятно, если, в терминах Ла Коффа, коммуниканты находятся в контексте единой концептуальной схемы, пользуются максимально пересекающимися метафорическими языками (а по Ла Коффу, система первичной человеческой коммуникации, как нам уже известно из первого раздела, метафорична). Интерсубъективность как общность структур психики, мыследеятельности, опыта и результатов познания, предоставляющая возможности взаимопонимания и социокультурной личностной идентификации представляет собой понятийный узел, завершающий этап формирования общности кодов коммуникантов.

¹⁵⁶ Шютц А. Структура повседневного мышления / А. Шютц // Социологические исследования. 1988. № 2. С.133-134.

¹⁵⁷ Там же. С.131.

В свою очередь, концепты «релевантность», «целесообразность», «коммуникативный замысел» отсылают нас к понятию нормы. Без элемента нормы перечень условий осуществления коммуникации нельзя назвать полным. Во-первых, коммуникация наиболее успешно осуществляется тогда, когда она основывается на наиболее типичных для обоих коммуникантов представлениях. То есть обоюдное следование известной коммуникантам норме увеличивает шансы на взаимопонимание. Нормативность чаще всего обеспечивается следованием логической структуре языка или же правилам контекстуальной морали вроде удовлетворения взаимных ожиданий. Согласно утверждению К. Апеля, коммуникация состоится тогда, когда выдвигаемое притязание одной стороны получает признание другой стороны. Это столь же моральный акт, как и эвристический. Коммуникация у Апеля – это дискурс, предполагающий совместное решение и совместную ответственность всех участников дискурса за последствия. Речь идёт о дискурсивной «этике ответственности» всех за всех: в ходе дискурса должны быть учтены интересы всех прямо или косвенно задействованных в процессе¹⁵⁸. Выходит, что апелевская модель коммуникации редуцируется к дискурсу «этики ответственности», то есть к циркуляции норм в качестве коммуникации, в то время как нормы являются не содержанием коммуникации, а ее условием. Последовательное удовлетворение взаимных ожиданий влечет за собой рост доверия – одного из критериев полноты коммуникации, который более подробно будет рассмотрен в третьем разделе.

Соответственно, соблюдение норм может влиять на состояние коммуникации как позитивно – например, способствовать росту доверия коммуникантов друг другу и, как следствие, укреплению коммуникации между ними, так и негативно – например, если нормы формальны, то их соблюдение с высокой долей вероятности будет препятствовать установлению межличностного контакта с последующим увеличением полноты коммуникации.

¹⁵⁸ Апель К.О. Дискурс і відповідальність: проблема переходу до пост конвенціональної моралі / Пер.з нім. В. Купліна / К.О. Апель. К: Дух і Літера, 2009. С.104.

Концепты «*впечатление*» (И. Гоффман, социопсихологическая традиция), «*расположенность*» (М. Бубер, феноменологическая традиция), «*личностное слияние*» (С. Франк, феноменологическая традиция) суть концепты, отражающие эмоциональный аспект коммуникативного процесса в контексте исследовательских описаний коммуникации.

Как нам уже известно, И. Гоффман отводит впечатлению ключевую роль в процессе коммуникации. Все последующие теории, касающиеся коммуникативной эффективности и коммуникативной компетентности, произрастают из «теории впечатления» этого исследователя, поскольку Гоффман располагает в основании функционирования механизма коммуникации именно управление впечатлениями.

Согласно теории Гоффмана, люди сами создают ситуации, в которых пытаются произвести на других определенное впечатление в сложившемся контексте подобно тому, как это делают актеры на сцене. Теорию Гоффмана часто называют «драматургической» не только по этой причине, но еще и потому, что свою программную работу «Представление себя другим в повседневной жизни» автор начинает словами: «Подход, развиваемый в данной работе, – это подход театрального представления, а следующие из него принципы суть принципы драматургические». Эта книга стала социологическим бестселлером и была переиздана уже через три года после первой публикации. Мало кто обратил внимание на небольшое дополнение, внесенное автором при переиздании. «Язык и маски сцены отбрасываются, – добавил Гоффман в заключительной части. – Настоящее исследование на самом деле не интересовали элементы театра, которые проникают в повседневную жизнь. Его интерес был сосредоточен на структуре социальных контактов, непосредственных взаимодействий между людьми...»¹⁵⁹. В. Вахштайн пишет, что теоретические метафоры Гоффмана концептуально совместимы, но не согласованы. Например, «взаимодействие как азартная игра» и «выбор сценария поведения как стратегическое действие»

¹⁵⁹ Вахштайн В.С. Памяти И. Гоффмана / В.С. Вахштайн // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3(83). С. 143.

совместимы и позволяют лучше понять, как устроена повседневная коммуникация, но в то же время они не согласованы, так как не соотносятся с более общим концептом¹⁶⁰. Однако, теоретические метафоры, используемые Гоффманом, по-видимому вполне связываются в единый концептуальный узел во главе с таким «более общим концептом» как «имиджевая коммуникация» или «циркуляция впечатлений в социуме».

Буберовский концепт «расположенности» связан с диалогическим принципом, разработанным в известной работе «Я и Ты». Человек может вступать в отношения с людьми, природой, духовными сущностями. Если человек их познает и использует, это означает, что он не взаимодействует с Ты, но обращается с чем-то в третьем лице, обобщенно – с Оно. Собственно, в этом нет ничего трагического: подавляющее большинство «коммуникаций» происходит именно в рамках отношений «Я – Оно». Этого бывает вполне достаточно для разрешения конкретных жизненных ситуаций. Но в каждом коммуникативном акте скрываются ожидание и надежда на отношения «Я-Ты», прямых, взаимных, сопричастных, основанных на восприятии уникальности другого. Эти ожидание и надежда на подлинный диалог и есть *«расположенность»*, и не только к коммуникации типа Я-Ты, а к коммуникации любого типа, поскольку любой коммуникативный акт может оказаться актом Я-Ты.

Концепт С. Франка *«личностное слияние»* – это осуществившийся и доведенный до своего предела концепт расположенности. Ситуация, когда стираются психологические границы между коммуникантами. Философия С.Франка вообще есть философия всеединства. Франк понимает всеединство как наличие божественного бытия во всем, что каждая частица бытия связана со всем бытием через всякую другую, что Бог через все находится во всем и все через все – в Боге. Обо всем можно сказать, что «одно не есть другое и, вместе с тем, и есть это другое, и только с ним, в нем и через него есть то, что оно подлинно есть в

¹⁶⁰ Там же. С.145.

своей последней глубине и полноте»¹⁶¹. Личностное слияние в случае С. Франка – это неизбежный частный случай слияния всего со всем в Боге.

Также как коды и нормы, эмоции могут как способствовать коммуникации – быть конструктивными относительно коммуникативного процесса, так и препятствовать коммуникации, оказывая на нее деструктивное влияние.

Примером одновременно как благотворного, так и разрушающего влияния на коммуникативный процесс, может послужить межличностное впечатление.

Впечатление представляет собой психологическую реакцию, характеризующуюся мгновенным спонтанным конструированием образа человека. Явление впечатления неоднозначно: оно, во-первых, может содержать как активную, так и пассивную компоненту, а во-вторых, как мы предположили выше, влиять на ход коммуникации как позитивно, способствуя ее развитию, так и негативно, препятствуя.

Впечатление именуется активным в том случае, если речь идёт о том, что некто оказывает или производит впечатление. Соответственно, есть субъект впечатляющий – тот, который определенным образом воздействует на другой субъект и субъект впечатляемый – тот, на кого впечатление оказывается или производится. Далее для обозначения намеренно производимого впечатления будет употребляться термин «осознанное активное впечатление», а под «неосознанным активным впечатлением» будет подразумеваться спонтанное воздействие образа одного человека на другого. Осознанное активное впечатление может быть использовано с целью конструирования желаемого образа самого себя в коммуникативной парадигме другого. Например, образа человека, с которым приятно и желательно вступать в коммуникативный акт. Это как раз тот случай, когда впечатление конструктивно – оно «подстегивает» визави развивать контакт. Негативное же впечатление о человеке вряд ли послужит другому мотивацией для продолжения или развития с ним контакта – такое впечатление деструктивно по отношению к коммуникации, поскольку не

¹⁶¹ Франк С.Л. Сочинения / С. Л. Франк. М.: Правда, 1990. С.315.

способствует ее поддержанию. Последствия неосознанного активного впечатления формируются по такому же принципу.

Впечатление обретает модус пассивности в ситуации, когда есть некоторый субъект, который претерпевает определенное воздействие другого субъекта и, таким образом, является субъектом впечатляющимся (впечатляемым). Исследование феномена первого впечатления имеет длительную историю, поэтому его функция в процессе межчеловеческой коммуникации общеизвестна. Ключевой концепт работ И. Гоффмана органично связывается с одним из ключевых концептов П. Грайса, поскольку впечатление запускает формирование положительного либо отрицательного *отношения* к коммуниканту и, соответственно, задаёт направление на установление (продолжение) контакта либо на его отклонение, идентифицируясь как конструктивный или деструктивный по отношению к коммуникации фактор.

Рассматривая следующий концепт из категории коммуникативно значимых эмоций – *расположенность*, в контексте рассуждения о коммуникации будет точнее говорить не о самой расположенности как таковой, но о её наличии либо отсутствии. Таким образом, благосклонное отношение одного коммуниканта к другому или симпатия, неблагосклонное – антипатия или же нейтральное отношения – все это есть суть подвиды отношения, что указывает на связанность концепта П. Грайса с концептом М. Бубера.

Расположенность выступает фактором, преимущественно способствующим поддержанию и развитию коммуникации, за исключением тех особых случаев, когда невзаимная расположенность обращается навязчивым действием по добыче симпатии от нелояльного субъекта.

Следовательно, концепты *впечатление*, *расположенность*, *личностное слияние* и *отношение* объединяются в понятийную сеть коммуникативно значимых эмоций, то есть, таких эмоций, которые оказывают существенное влияние на ход коммуникативного процесса.

2.3. Сущностные характеристики коммуникативного процесса

Часть эксплицированных концептов описывает существенные свойства коммуникативного процесса. Коммуникация имеет *структуру* (К. Шеннон и У. Уивер, Р. Якобсон, трансмиссионная традиция; У. Эко, семиотическая традиция), которая зиждется на *различениях* (Н. Луман, критическая традиция). В зависимости от развитости структурных элементов коммуникация может быть *симметричной или асимметричной* (Т. Ньюкомб, социокультурная традиция).

Структура коммуникации К. Шеннона и У. Уивера включает в себя семь элементов: источник информации, передатчик, канал передачи, приемник, конечную цель, расположенные в линейной последовательности, сообщение и шум¹⁶².

Под источником подразумевается инициатор коммуникации. Именно источник решает, какое сообщение отправлять получателю. Сообщение – прошедшая отбор информация – из источника через передатчика передается в канал связи, откуда, в свою очередь, поступает к получателю. Шум в теории коммуникации связан с теми внешними факторами, которые в намерение источника не входят, но вмешиваются в сотворенное источником сообщение и искажают его. Это все то, что мешает получателю декодировать сообщение. Всякий зашумленный канал связи характеризуется своей предельной скоростью передачи информации (называемой пределом Шеннона). При скоростях передачи выше этого предела неизбежны ошибки в передаваемой информации.

Авторы были, прежде всего, заинтересованы в анализе технических аспектов технически опосредованной коммуникации, таких, например, как зависимость между скоростью и точностью передачи сообщения. Но подход, который они предложили, может быть применен к большинству видов информационного обмена между социальными субъектами.

¹⁶² Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication // Urbana: University of Illinois Press, 1969, 131 p.

Р. Якобсон развивал идеи К. Шеннона и Уивера в контексте лингвистики. В коммуникации, или речевом событии, по Якобсону, участвуют адресант и адресат, от первого ко второму направляется сообщение, созданное посредством кода. Контекст в модели Якобсона понимается как содержание сообщения – передаваемая адресантом адресату информация. Понятие контакта связано с регулятивным аспектом коммуникации (то есть, это все то, посредством чего устанавливается связь между коммуникантами – как физические, так и психологические средства).

В структуре коммуникации Якобсон выделяет шесть элементов: адресант, адресат, сообщение, контекст, контакт и код¹⁶³.

По Р. Якобсону каждый из шести элементов речевого (коммуникативного) акта – отправитель, получатель, сообщение, контекст, контакт, код – задает особую функциональную направленность высказывания, если попадает в его фокус. Фокус определяется коммуникативной установкой говорящего, акцентирующего одну из сторон высказывания – функцией высказывания. Согласно замыслу Якобсона, каждому из шести элементов речевой коммуникации соответствует особая функция языка. Под «функцией языка» он имеет в виду, вероятнее всего, отношение самого сообщения к другим факторам коммуникации.

Акцент на отправителе обуславливает эмотивную функцию высказывания, связанную с выражением эмоционального состояния говорящего, установка на адресата – конативную функцию, акцент на сообщении актуализирует поэтическую функцию высказывания, сосредоточение на контексте – референтивную, ориентация на контакт определяет контактную, фатическую функцию, а установка на код – метаязыковую, т.е. направленную на объяснение употребления языковых знаков¹⁶⁴.

Также концепт «*коммуникативной структуры*» является центральным в теории коммуникации У. Эко. Поскольку Эко поддерживает тезис о том, что

¹⁶³ Якобсон Р.О. Речевая коммуникация; Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985, 460 с.

¹⁶⁴ Фёдорова Л. Об определении функций речевых актов/Доклады международной конференции // Л. Фёдорова. М.: Диалог, 2003. С. 1-6.

полнота коммуникативных феноменов не исчерпывается лингвистическими средствами, постольку к стандартной совокупности выделяемых элементов он добавляет такие, которые выводят процесс коммуникации за пределы бытия преимущественно лингвистическим явлением (физический шум, значащее сообщение, канал и ранее упомянутые элементы).

По Н. Луману коммуникация – основа общества, обеспечивающая воспроизводство социальных элементов, причина и начало его образования и потому определяется не функционально, а относительно самой себя, то есть, ей свойственен аутопоэзис. Соответственно, все остальные коммуникативные феномены Луман определяет не функционально, а через указание на сущностные действия, которые производятся в коммуникативном контексте, среди которых основным является это самовоспроизведение определенных *различий*. В числе базовых различий, выделяемых Луманом, находятся следующие: медиум/форма, событие/структура, язык/речь, информация/сообщение. Различение не проводится формально, поскольку это то, что склоняет коммуникантов к участию во взаимодействии. Для того чтобы такая селекция была возможна и могла бы быть управляемой, возникает то, что Луман называет «коммуникативным средством». В его концепции «под коммуникативными средствами подразумевается некая дополняющая язык инстанция, а именно, код генерализованных символов, управляющих процессом передачи результатов селекции. В дополнение к языку, который в стандартных обстоятельствах обеспечивает интерсубъективную отчетливость, то есть адекватное распознавание как селекции того, что реализовано в качестве такой селекции кем-то другим, коммуникативные средства обладают, следовательно, еще и мотивирующим потенциалом, поскольку они способствуют принятию чужих селективных достижений и, в нормальных обстоятельствах, делают это принятие желанным. Поэтому коммуникативные средства формируются всегда там, где способ отбора, осуществляемого одним из коммуникантов, одновременно служит для другого средством мотивации. Тогда символы этого единства селекции и мотивации берут на себя функцию посредника и проясняют связь обеих сторон, которая, будучи

связью предвосхищаемой, может, в свою очередь, усиливать селективность и дополнительно ее мотивировать»¹⁶⁵. То есть, в понимании Лумана процесс коммуникации протекает как смена провоцирующих коммуникацию структурных различий в процессе взаимодействия.

В то время как модель Шеннона-Уивера отображает коммуникативный процесс с технологической стороны, Т. Ньюкомба интересуют особенности отношений между такими структурными элементами как «коммуниканты» и объектом коммуникации, который неизменно присутствует в процессе коммуникации, однако был концептуально обозначен только Ньюкомбом.

В качестве рабочей модели Ньюкомб предложил ситуацию элементарного коммуникативного взаимодействия, в которой два субъекта (А и В) вступают в коммуникацию по поводу некоторого внешнего по отношению к ним объекта Х. По Ньюкомбу, люди вступают во взаимодействие из-за недостатка информации для ориентации в социальном пространстве. Понятие ориентации может быть описано в терминах позитивных или негативных аттитюдов. Позитивный аттитюд характеризуется симпатией к объекту и стремлением к взаимодействию с ним, негативный – антипатией и избеганием объекта. Ньюкомб предполагает, что коммуниканты обладают некой предварительной осведомленностью друг о друге (вращаются в системе предварительных аттитюдов). В любой момент коммуникативного процесса ориентации в этой коммуникационной системе могут быть симметричными и асимметричными. Симметрия имеет место, когда ориентации А и В относительно Х конгруэнтны (то есть аттитюды АХ и ВХ совпадают по направленности). Асимметричная ситуация имеет место в случае противостояния аттитюдов по отношению к объекту. *Симметрия* – это центральное понятие модели Ньюкомба. Он полагает, что в своем развитии коммуникативная ситуация имеет устойчивую тенденцию к симметрии¹⁶⁶. Возвращаясь к началу параграфа, мы можем заключить, что коммуникация может быть в разной мере симметричной/асимметричной в зависимости от степени

¹⁶⁵ Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.

¹⁶⁶ Гавра Д. Основы теории коммуникации / Д. Гавра. Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2011. 288 с.

развитости взаимодействия между базовыми элементами коммуникативного процесса – коммуникантами.

В любом случае в дискурсе о структуре явления осуществляется рефлексия над его упорядоченностью как сущностной характеристикой структуры. Наличие структуры предполагает внутреннюю организацию составных частей, а также устойчивость этой организации, ее инвариантность на фоне изменений. Ни одно сложносоставное явление не будет жизнеспособным, если изменения в составе его элементов и их связей друг с другом выйдут за пределы допустимых погрешностей – таких, при наличии которых явление X все еще остается явлением X. Следовательно, можно говорить об упорядоченности как об одной из существенных характеристик коммуникативного процесса.

Вопреки тому, что изменчивость кажется противоположной упорядоченности характеристикой, эти свойства тесно связаны: изменчивость существует в рамках, заданных ей определенным порядком, как разнообразие признаков в пределах одного вида явлений. Это тот самый диапазон «погрешностей», при наличии которых явление X все еще остается явлением X. Изменчивость обуславливает разнообразие форм коммуникации, обеспечивает ее вариативность в пределах, заданных инвариантой порядка. Информация может передаваться различная, кем угодно и кому угодно, но она должна наличествовать и передаваться. Коммуникант может быть один (например, в случае аутокоммуникации), может быть несколько – любое количество, начиная с двух, – но он должен быть.

Как и об упорядоченности, об изменчивости сказано достаточно. Именно на эту характеристику подразумевают такие концепты как *динамика понимания* исследователя феноменологической традиции Г. Шпета, *уровневая градация* представителя трансмиссионной традиции К. Шеннона, *уровни коммуникативной подлинности* еще одного феноменолога К. Ясперса, *уровни сложности* семиотика У. Эко, *коммуникативная градация* Э. Гильдебрандта (мыслителя феноменологической традиции), а также *коммуникативная подлинность* Ж. Бодрийяра.

Как раннее упоминалось, Г. Шпет рассматривает коммуниканта не как нейтральную единицу, но как актора, чьи действия и поступки являются знаками, содержащими определенный смысл и мотивацию. То есть, в таком ракурсе коммуникация выглядит таинственным многослойным процессом: есть некий слой смыслов, сущее и слой общепринятых значений – явление. Наблюдаемое в коммуникации не тождественно самому себе, но приближение к более полному пониманию происходящего осуществимо непосредственно в коммуникативном процессе. Такой подход указывает на возможную *динамику понимания* коммуникантами друг друга.

Снова вернемся к модели коммуникации Шеннона-Уивера, на этот раз с целью отрефлексировать иной концепт – *уровневой градации коммуникации*. Исследователи утверждают, что коммуникация осуществляется на трех уровнях: техническом (А), семантическом (В) и уровне эффективности (С). На первом уровне осуществляется передача знаков. На втором уровне знаками осуществляется передача значения. На третьем уровне воспринимаемое значение воздействует на поведение коммуниканта в соответствии (либо нет) с желанием иницилирующего передачу коммуниканта. На уровнях А и В основной характеристикой является точность, на уровне же С – эффективность. Несмотря на градацию, все уровни взаимосвязаны и взаимозависимы.

В дискурсе об уровнях коммуникации представляют интерес концепты экзистенциальной философии К. Ясперса, в центре внимания которой находится экзистенция как определенный уровень человеческого бытия и связанная с ней экзистенциальная форма коммуникации¹⁶⁷.

Исследователь создает концепции различных уровней «я», в соответствии с которыми и выделяются формы коммуникации. Он указывает на существование четырех типов коммуникации, четырех уровней, которым соответствуют четыре типа бытия человека и его сознания. Первый уровень коммуникации – коммуникация наличного бытия, когда человек объективизирует как себя, так и

¹⁶⁷ Белозёров А.Б. Понятие коммуникации в экзистенциальной философии К. Ясперса / А. Б. Белозёров // Вестник КГУ им.Н.А. Некрасова. 2011. № 3. С. 58-62.

другого человека. На это уровне коммуникация выступает не как цель, а как средство самосохранения в качестве природных существ¹⁶⁸. Второй уровень коммуникации – коммуникация «сознания вообще». Такой коммуникации характерно отсутствие какой-бы то ни было межличностной заинтересованности коммуникантов, она лишь предметно интенциональна. Здесь межсубъектное взаимодействие осуществляется в сфере обезличенного, направленного на некий внешний субъекту предмет, правового регулирования. Коммуникация третьего уровня – коммуникация «духа», коммуникация осознавшего себя частью некого целого. «Коммуникация в сфере духа, – пишет К.Ясперс, – есть создание из общественной субстанции идеи целого. Отдельный индивид сознает себя стоящим на своем месте, имеющим особый смысл внутри целого и определяется последним. Его коммуникация – это коммуникация отдельного члена с организмом. Он отличается от всех остальных, но составляет с ними одно в объемлющем их порядке¹⁶⁹. Это уже коммуникация не ради выгоды, а взаимодействие свободных личностей.

Все три выше упомянутых коммуникативных уровня хороши, каждый удовлетворяет какие-либо социальные потребности человека (первый – потребности частного человеческого бытия, второй – потребности гражданско-правового, третий – потребности неформального общения). Однако ни один из этих уровней не затрагивает глубинного слоя человеческого бытия, экзистенции – неуловимого и необъективируемого, непознаваемого в человеке, но составляющего его «ядро». «Экзистенция – ноуменальный мир свободной воли, человеческая самость, внеположенная всему предметному и философствование о ней не может быть знанием, ибо она необъективируема¹⁷⁰. Коммуникация же у Ясперса выступает фундаментом человеческого бытия. «Сравнение человека с животным указывает на коммуникацию как на универсальное условие человеческого бытия. Она настолько составляет его всеохватывающую сущность,

¹⁶⁸ Демченко Л.М., Карпеева Е.В., Осипова Ю.С. Проблема единства экзистенциальной коммуникации и экзистенциального прояснения в философии К. Ясперса / Л. М. Демченко, Е.В. Карпеева, Ю.С. Осипова // Вестник ОГУ. 2006. №1. Том 1. Гуманитарные науки. С. 25-34.

¹⁶⁹ Гайденко П.П. Прорыв к Трансцендентному: новая онтология XX века / П. П. Гайденко. М., 1997. С.331.

¹⁷⁰ Аверинцев С.С. К. Ясперс. Философский энциклопедический словарь / С.С. Аверинцев. М., 1970. Т.5 С. 612.

что всё то, что есть в человеке и что есть для человека...обретается в коммуникации»¹⁷¹. То есть, экзистенциальная коммуникация – это такой тип межсубъектного взаимодействия, который освобождает человеческую сущность в ее внутренней, свободно избранной связи с такой же другой самоценной и уникальной сущностью.

Здесь уместно вспомнить о концепции коммуникации Д. Гильдебрандта, полагающем, что межчеловеческое взаимодействие характеризуется глубинной градацией. Коммуникация в интерпретации Гильдебрандта – это глубоко взаимное, доступное сторонней идентификации, обладающее общим для коммуникантов ментальным пространством (часто создающимся, а не уже имеющимся в наличии), стремящееся к длительности, межличностное взаимодействие, проходящее путь развития от внутреннего обращения к другому через реальное взаимодействие с другим ко вбирающему в себя эти аспекты взаимодействию, направленному на нечто общее для двоих.

По мнению Ж. Бодрийяра мы живем в эпоху сплошной непрерывной коммуникации. Известно, что Бодрийяра не удовлетворяет необходимость принуждения одного коммуниканта задавать код, передавая сообщение, а другому позволяет пассивно его воспринимать. Такая конструкция образует симулятивную, неподлинную модель коммуникации, из которой взаимность исключается по умолчанию.

Исходя из выше написанного, можно заключить, что изменчивость является такой же фундаментальной характеристикой коммуникативного процесса, как и упорядоченность. Неудивительно, что в связи с понятием коммуникативной изменчивости используются преимущественно такие слова как «динамика» и «уровни», в разных сочетаниях. Скорость изменений, полнота «на выходе» и направление развития коммуникации (то, что и составляет динамику) определяют маркеры уровней, тем самым указывая их границы и точки перехода – где заканчивается один уровень и начинается другой. Например, коммуникация

¹⁷¹ Гайденко П.П. Прорыв к Трансцендентному: новая онтология XX века / П. П. Гайденко. М., 1997. 495 с.350.

переходит с формального уровня на неформальный, когда наблюдается смена функционального взаимодействия личностным.

В то время, как упорядоченность для коммуникации является однозначно конструктивным свойством, изменчивость амбивалентна и при определенных обстоятельствах может быть деструктивной. Она всегда таит в себе угрозу существованию коммуникации. В зависимости от контекста, изменения могут как увеличить полноту коммуникации, так и сводить ее к минимуму, а то и вовсе к отсутствию. Когда мы говорим об изменениях, мы должны учитывать, что в дискурсе коммуникативной изменчивости амбивалентен каждый фактор, «знак» которого зависит от условий. Возвращаясь к примеру перехода коммуникации с формального уровня, на неформальный: если, например, попытка перехода совершается коммуникантом вопреки его социальному статусу, и другому коммуниканту об этом известно, то вследствие повышения уровня социальной тревоги коммуникация может либо прекратиться, либо резко потерять полноту в том случае, если она неизбежна.

Среди значимых в исследованиях коммуникации концептов мы также обнаруживаем такие концепты как «сообщение», «отправитель», «получатель» (К. Шеннон, М. МакЛюэн, М. Бахтин, У. Эко и другие), «предметно-смысловая исчерпанность» (М. Бахтин), «влияние» (Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст), «обмен» (Т. ван Дейк), «симметрия» (Т. Ньюкомб) и «асимметрия» (Ю. Лотман), «коммуникативные подлинность и симуляция» (Ж. Бодрийяр), «целесообразность» (Ж. ла Кофф).

«Сообщение», «отправитель» и «получатель» являются базовыми элементами коммуникативного процесса. *Сообщение* трактуется как информация, представляющая собой систему взаимосвязанных единиц закодированных сигналов. Напомним, что с точки зрения канадского ученого МакЛюэна, "средство и есть сообщение", т.е. не столько важно само содержание сообщения, сколько то, в какую форму оно облечено и каким образом осуществляется процесс передачи сообщения (какие средства для этого используются). Под *отправителем*, в широком смысле, понимается субъект-источник информации.

Традиционно предполагается, что цель отправителя – оказать определенное воздействие на получателя сообщения. Соответственно, *получатель* – это субъект, на который отправитель пытается воздействовать посредством сообщения. Исследователи разных направлений сходятся в трактовке этих трех элементов коммуникативного процесса.

По Бахтину, каждое высказывание внутренне диалогично: оно не только выражает определенную авторскую позицию, передает определенное предметное содержание, но и всегда отвечает на предшествующий контекст и предвосхищает ответную реакцию¹⁷². «Всякое конкретное высказывание – звено в цепи речевого общения определенной сферы... высказывание занимает какую-то *определенную* позицию в данной сфере общения, по данному вопросу, в данном деле и т.п. Определить свою позицию, не соотнеся ее с другими позициями, нельзя. Поэтому каждое высказывание полно ответных реакций разного рода на другие высказывания данной сферы речевого общения»¹⁷³. То есть, коммуникация всегда ограничена *предметно-смысловой исчерпанностью*.

Очевидно, что такие элементы как «сообщение», «отправитель» и «получатель» – это реперные точки трансмиссионной структуры. Отправитель – тот, кто передает некую информацию, получатель – принимающий переданную отправителем информацию, сообщение – та самая «упакованная» в упорядочивающую обертку информация. Под таинственным словом «информация» скрываются всевозможные виды воздействия объектов и субъектов друг на друга. А это означает, что информация транслируется не только в момент речи, вербально, но и, к примеру, взглядом, жестом, – невербально. Более того, даже человеческое присутствие запускает цепь не фиксируемых воздействий, ибо человек как-то выглядит, имеет какой-то запах, излучает тепло. Соответственно, информацией люди обмениваются непрерывно, и влияние информация оказывает на человека всегда, что по умолчанию обращает всех находящихся в зоне взаимного доступа людей в коммуникантов. Другой вопрос,

¹⁷² Ахутина Т.В. Теория речевого общения в трудах М.М. Бахтина и Л.С. Выготского / Т.В. Ахутина // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1984. №3. С. 4-13.

¹⁷³ Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. / М.М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1986. С.271.

насколько равноценны те информационные вклады, которыми обмениваются коммуниканты. В случае, когда наблюдается информационное равновесие, можно говорить об обменной симметрии – ситуации, когда инвестиции в коммуникацию одним партнером воспринимаются другим партнером как достаточные. В противном случае, коммуникативный процесс окажется асимметричным по обмену.

Еще один нюанс заключается в ответе на вопрос: а насколько транслируемая информация соответствует действительности? Ведь от ответа зависит степень подлинности осуществляемой коммуникации. И если осуществляется обмен намеренно искаженными данными, выдаваемыми за истинные, производимая таким образом коммуникация вряд ли достигнет своей полноты.

В связи с этим вспомним концепт *предметно-смысловой исчерпанности* Бахтина. Хотя у Бахтина предметно-смысловая исчерпанность синонимична речевому замыслу, можно данный концепт уточнить. Информационный обмен в рамках коммуникации характеризуется степенью предметно-смысловой исчерпанности – мерой реализованности в процессе коммуникации возможного объема обмена относительно его *целесообразности*. Высочайшая степень предметно-смысловой исчерпанности – это когда уже не осталось, чем обмениваться так, чтобы получать пропорциональный затраченным на обмен усилиями результат. То есть, информационный обмен обладает высокой степенью предметно-смысловой исчерпанности, если посредством него достигнут максимум возможной целесообразности.

Например, аспирант и научный руководитель обсуждают план диссертации. Возможный объем обмена – договорятся до того, что получат на выходе рабочую версию плана – достигнут предметно-смысловой исчерпанности. Соответственно, исходя из эффекта достижения возможного объема обмена, целесообразность вступления в данный обмен крайне высока – без плана дальнейшее продвижение в деле написания диссертации вряд ли возможно.

Понятие информационной трансмиссии охватывает совокупность элементов, участвующих в передаче коммуникантами друг другу информации. Множество видов человеческой деятельности на определенном этапе своего развития возможны

и вне этого процесса, например, индивидуальный труд, творческий акт, удовлетворение витальных потребностей, некоторые виды самообучения. Однако, когда речь заходит о чем-то, относящемся к коммуникации, избежать упоминания об обмене информацией становится невозможным, да и не целесообразным, поскольку, информационный обмен является базовой, фундаментальной характеристикой коммуникативного процесса. Можно без преувеличения отвести информационной трансляции роль протопроцесса, поскольку информационный обмен лежит в основе коммуникативную деятельности. Это центральная нервная система организма коммуникации, незаметное движение импульсов в которой обеспечивает осуществление жизненно важных для этого организма процессов – от установления первого контакта до его поддержания и развития в полноте всех возможных нюансов.

Исходя из перечня ключевых исследовательских концептов, можно заключить, что информационная трансмиссия и взаимность являются существенными характеристиками коммуникативного процесса наряду с упорядоченностью и изменчивостью. Фундаментальные свойства коммуникативного процесса можно разделить на две группы: неспецифические характеристики и специфические. Неспецифическими характеристиками коммуникации являются те из ее неотъемлемых свойств, которые являются «несущими» для здания коммуникативного процесса, но наряду с этим присущи не только ему. В данном случае такими свойствами являются упорядоченность коммуникативного процесса и одновременно его изменчивость.

Специфическими характеристиками коммуникации являются те из ее неотъемлемых свойств, которые присущи только ей, выделяя особенности коммуникативного процесса в отдельный класс. Исходя из перечня ключевых исследовательских концептов, можно заключить, что такими свойствами являются информационная трансмиссия и взаимность.

ГЛАВА 3. ПОЛНОТА КОММУНИКАЦИИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДИСПОЗИЦИЯ

3.1. Параметры полноты коммуникации

Большинство из рассмотренных нами концептов являются носителями амбивалентных смыслов. Многие концепты предпосылок и условий одновременно являются как формирующими коммуникативный процесс единицами, так и составляющими параметров коммуникативной полноты.

Коммуникации присуща уровневая дифференциация или, иными словами, та или иная степень полноты. Параметры коммуникативной полноты выводятся из существенных характеристик коммуникации. Но поскольку такие свойства с необходимостью характеризуют весь процесс коммуникации, то последствия изменений их состояний также распространяются на всю коммуникативную структуру: и на предпосылки, и на условия в том числе. Соответственно, коммуникация может быть в различной степени полной по степени соответствия предпосылок и условий выведенным далее параметрам коммуникативной полноты.

Итак, ось параметров полноты коммуникации формируют существенные характеристики, предпосылки и условия, которые по-разному комбинируются и создают множество вариаций усечения.

Возможно множество спецификаций усечения коммуникации и только один вариант коммуникативной насыщенности или полноты — эталонная насыщенность, сложенная из оптимальных значений параметров. В этом смысле коммуникативная полнота либо есть, и тогда это воплощение коммуникативного идеала, либо нет, и тогда возможно большое количество вариантов индикации усечения. Применительно исследований коммуникации этот принцип проявляется так: без идеи полноты невозможно выстраивать соответствующую

действительности коммуникативную модель. Если исследователь описывает коммуникацию на каком-либо из концептуальных уровней, это с необходимостью подразумевает заложенную в фундаменте исследования идею коммуникативной полноты, а уровень исследовательского описания указывает на ту линию, по которой происходит усечение. Это обстоятельство позволяет рассматривать коммуникативную полноту как исследовательскую диспозицию, существование которой обусловлено присущей непосредственно явлению диспозиционности: коммуникация либо полна, либо усечена, и тогда усечение проявляется по множеству признаков, образующих множество вариаций усечения; если исследователь конструирует модель коммуникации, то концептуальной канвой такого исследования является идея полноты в его (*исследователя – прим.авт.*) сознании. Эта обусловленность проявляется в его рефлексии над элементами, которые с необходимостью входят в состав существенных характеристик, предпосылок, условий осуществления коммуникации.

Диспозиционность в контексте коммуникативных исследований упоминается преимущественно в рамках риторики в качестве отдельного ее раздела (например, Е.В. Ключев посвящает главу своего учебника диспозиции, в ее понимании как организации сообщения)¹⁷⁴ или же в рамках психологии. В этом случае речь ведется о диспозиции поведения как о готовности, предрасположенности субъекта к поведенческому акту, действию, поступку, их последовательности¹⁷⁵.

Диспозиционная концепция в психологии была предложена в 1975 г. В.А. Ядовым. Основная идея, лежащая в основе диспозиционной концепции регуляции поведения личности, разработанная В.А. Ядовым, заключается в том, что человек обладает системой различных диспозиционных образований, которые могут быть более низкого и более высокого уровня. В.А. Ядов выделяет четыре уровня диспозиций. Первый уровень составляют элементарные фиксированные

¹⁷⁴ Ключев Е.В. Риторика Инвенция. Диспозиция. Элокуция: Учебное пособие для вузов / Е.В. Ключев. М.: ПРИОР, 2001. 272 с.

¹⁷⁵ Психология. Словарь психологических терминов. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. С.108.

установки. Этот уровень означает регуляцию непосредственных реакций субъекта на актуальную ситуацию. Второй уровень – это наиболее сложные диспозиции, которые формируются на основе потребности человека в общении. Этот уровень регулирует поступки личности, осуществляемые в привычных ситуациях. Третий уровень имеет дело с такими диспозициями, в которых фиксируется общая направленность интересов личности относительно конкретной сферы социальной активности. На этом уровне регулируются уже некоторые системы поступков и социальное поведение. Четвертый уровень – высший уровень диспозиций – образует система ценностных ориентации личности¹⁷⁶.

Применительно к философскому анализу коммуникации диспозиционным подходом воспользовался отечественный философ, специалист в области теории познания, П. К. Гречко. В «Вопросах философии» № 4 за 2012 год можно ознакомиться с его статьей «Диспозиции: онтологическая перспектива и коммуникативная аппликация»¹⁷⁷. В этой работе автор сетует на недостаточное внимание отечественных философов к проблеме диспозиций, приводит ряд текстов зарубежных авторов с указанием на разработки понятия диспозиционности, свидетельствующие о том, что на Западе эта тема является полноценным членом исследовательского дискурса, а также излагает собственное видение проблемы. Но, что особенно важно для нас, П.К. Гречко осуществляет попытку применения диспозиционного подхода к изучению коммуникации. В данной связи автор акцентирует внимание на том, что коммуникация направлена на взаимопонимание, однако неясно, как оно вообще возможно на фоне межчеловеческих различий. Факт осуществления межчеловеческой коммуникации выглядит как чудо – с этим сложно не согласиться. Причина такой «чудесности» заключается в том, что граница коммуникации – формирование двустороннее: есть в нем внутреннее (предметно наблюдаемая реальность) и внешнее (как правило, отсекаемая или игнорируемая реальность)¹⁷⁸. И, связав

¹⁷⁶ Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. С.110-112.

¹⁷⁷ Гречко П.К. Диспозиции: онтологическая перспектива и коммуникативная аппликация // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 99-111.

¹⁷⁸ Там же. С.99-111.

внутреннюю и внешнюю сторону коммуникации отношениями диспозитивности (что и пытается сделать автор), можно лучше понять само явление. Однако Гречко анализирует лишь диспозитивы социальности – то есть того, что благоприятствует, содействует, помогает состояться коммуникативному взаимопониманию (антропный принцип, медиум, «фоновые ожидания» и т.д.)¹⁷⁹, даже не упоминая о существовании еще каких-либо диспозитивов, например тех, которые не способствуют коммуникативному взаимопониманию, как и не содействуют осуществлению коммуникативного процесса или тех, которые в принципе свойственны процессу коммуникации, обеспечивая его вне зависимости от степени их ему содействия. Именно одной из таких диспозиций и является полнота коммуникации.

На коммуникативную полноту указывают концепты изменчивости: *динамика понимания, уровневая градация, уровни коммуникативной подлинности, уровни сложности*. Коммуникативная полнота предполагает насыщенность процесса коммуникации. Наша задача заключается в формулировке параметров насыщения коммуникации – ее полноты.

Процесс коммуникации в первую очередь зависит от частоты и продолжительности. Назовем эту зависимость **коммуникативной интенсивностью**. Фактически такие концепты как *направленность на контакт* и *мотивация* характеризуют именно ее. *Направленность на контакт* и *мотивация* подразумевают, что человек в определенной степени по какой-то причине и с некой целью устремлен ко взаимодействию с другим человеком. Именно эти элементы коммуникативного процесса обуславливают частоту и продолжительность коммуникации. Следовательно, концепты *мотивация* и *направленность на контакт* отражают ключевых агентов, формирующих коммуникативную интенсивность. Данная характеристика является первым параметром коммуникативной полноты.

Под коммуникативной интенсивностью подразумевается движущая сила коммуникативного процесса и специфика ее приложения. Поскольку по причине

¹⁷⁹ Там же.

взаимодействия и взаимовлияния коммуникантов в процессе коммуникации обмен между ними неизбежен, то в ряде случаев коммуникация редуцируется к обмену. Поэтому рассмотрим процесс обмена подробнее, однако не как результат грубой редукции, а в качестве основного элемента в понимании интенсивности коммуникации. Коммуникант *направлен* на обмен с определенной целью. Следовательно, коммуникативная интенсивность определяется как показатель качественно обусловленной, направленной силы обмена информацией различного порядка.

Мера интенсивности коммуникации изначально формируется фокусом обмена, то есть, компонентой, доминирующей в обменном процессе. В зависимости от задающей вектор коммуникативного процесса составляющей, можно выделить две возможных направленности коммуникативного обмена: стратегически ориентированную и стратегически нейтральную. Поскольку под обменом мы понимаем обмен информацией различного порядка, постольку вектор обменного процесса определяется целью. Таким образом, первый вид направленности коммуникативного обмена – это стратегически ориентированный, в контексте которого обмен информацией осуществляется для достижения конкретной цели. Коммуникация стратегически нейтральна в том случае, если обмен информацией в рамках коммуникативного акта происходит не для достижения какой-либо конкретной цели, однако имеет для коммуниканта смысл и обладает некой внецелевой ценностью. Эта ценность не всегда позитивна. В одинаковой степени ею могут быть как взаимопонимание, так и, например, тщеславие. Ю. Хабермас, вероятно, подразумевает именно это, выделяя инструментальное и коммуникативное действия. Инструментальное действие ориентировано на успех, на достижение цели, в то время как коммуникативное действие стремится к взаимопониманию коммуникантов. То есть, предложенная нами трактовка понятия «стратегически нейтральная коммуникация» шире по объему, чем схожее с ним по смыслу «коммуникативное действие» Хабермаса, и потому включает в себя более полную совокупность коммуникативных явлений, не исключая и негативные.

Поскольку предметом рефлексии выступает степень интенсивности коммуникативного обмена в качестве параметра полноты коммуникации, необходимо установить связь между обозначенными тенденциями обмена и его интенсивностью. Если коммуницирующие субъекты изначально движутся по единой траектории, то степень интенсивности обмена будет приближаться к своему максимальному значению в точках пересечения первой и второй траекторий, в случаях как осуществления коммуникации не единственно для достижения конкретной цели, так и не исключительно для обмена смыслами и ценностями. Именно синхронизация доминант обмена обуславливает сонаправленность траекторий. В контексте совпадения целей коммуниканты обладают сходным комплексом ожиданий относительно друг друга. Чем дольше длится период совпадения траекторий или непрерывная последовательность их совместных переключений, тем выше интенсивность коммуникативного обмена на протяжении длительности совпадения.

Цели коммуникантов могут разниться. В этом случае отличаются и векторы коммуникативного движения. Если, например, один из коммуникантов движется в стратегически-ориентированном направлении, а другой – в стратегически нейтральном, то интенсивность обмена приблизится к минимальному значению, поскольку разнонаправленная коммуникация обладает низким коэффициентом полезного действия. Интенсивность коммуникативного обмена достигает своего максимального значения в случае единогласного (пере)движения коммуникантов в пределах единой траектории.

Так, кантианец и утилитарист на публичном диспуте, скорее всего, движутся в рамках одинаковой стратегически-ориентированной траектории – каждый имеет целью переубедить оппонента, одержать победу над мировоззренческим противником. Те же кантианец и утилитарист, будучи друзьями, в приватном обсуждении своих убеждений, могут двигаться по стратегически-нейтральной траектории, получая от общения удовольствие. Можно возразить, что удовольствие тоже является целью. Пусть так, но путь к этой цели не выверен стратегически, то есть, удовольствие достигается ради

удовольствия, являясь самоцелью, а не инструментом для достижения чего-то иного.

С целью определения условий, соблюдение которых способствует достижению коммуникацией оптимума интенсивности, обозначим соответствующие требования к упорядоченности, изменчивости, взаимности и информационной трансмиссии.

Поскольку было условлено подразумевать под упорядоченностью структурированность, постольку наиболее плодотворна интенсивность коммуникативного процесса при наибольшей структурированности процесса. Соответственно, чем значительнее структурная разбалансировка, тем абстрактнее вектор коммуникативного движения. В свою очередь нечеткий вектор влечет за собой большую неопределенность оптимальных значений продолжительности и частоты коммуникации, поскольку индикаторы интенсивности коррелируют с контекстом, чьи границы размываются. Следовательно, достижение оптимума интенсивности невозможно вне упорядоченности элементов процесса.

Как было установлено, не всегда коммуникативная интенсивность коррелирует с коммуникативной полнотой. Если взаимодействие осуществляется часто и в течение длительного периода времени, это не гарантирует достижения качественного максимума. Применительно к коммуникации максимальным значением параметра полноты выступает максимально достаточное значение интенсивности коммуникации в каждом конкретном контексте в комбинации с показателями других параметров. Коммуникация может быть бедной, навязчивой, подозрительной, и тогда увеличение частоты и продолжительности контактов произведет негативный эффект, запустив деградацию коммуникативного процесса. В терминах данного исследования: полнота некомпетентной невзаимной коммуникации без доверия наряду с увеличением частоты и продолжительности коммуникативных актов однозначно стремится к своему минимальному значению. Однако в то же время сложно категорично утверждать о возрастании полноты компетентной, вовлеченной и доверительной коммуникации при увеличении частоты и продолжительности коммуникативных актов.

В рамках данной работы недостаточно ограничиться утверждением о том, что есть корреляция между степенью изменчивости хода коммуникативного процесса и формированием коммуникативной интенсивности. Частота обмена возрастает и его продолжительность увеличивается, если коммуниканты относительно синхронно переходят на один и тот же уровень взаимодействия, например, с уровня формального взаимодействия на уровень неформального. Соответственно, в противоположных обстоятельствах мы наблюдаем обратный эффект.

Еще одним фактором, способствующим росту интенсивности, является полноценная информационная трансмиссия, взаимно удовлетворяющая запросы коммуникантов. В то же время, если обмен в достаточной мере не удовлетворяет хотя бы одного из коммуникантов, вероятно, это негативно повлияет на интенсивность взаимодействия.

Таким образом, коммуникативная интенсивность является параметром коммуникативной полноты, поскольку все четыре сущностных характеристики влияют на меру интенсивности коммуникативного процесса, что, в свою очередь, влияет на динамику коммуникативного процесса.

Не в меньшей степени ход коммуникативного процесса зависит от результативности реакции коммуниканта на возникающие в процессе коммуникации вызовы: во-первых, насколько адекватно происходит оценка им своих задач, своей роли, а во-вторых, в какой мере коммуникант согласовывает свои действия с этой оценкой. Успешная идентификация намерений другого коммуниканта, соблюдение требований коммуникативной *релевантности*, а также соотнесения действия коммуникативной цели наряду с соблюдением норм вежливости (*целесообразность*), свидетельствуют о его способности к адекватному взаимодействию в определенном социокультурном контексте, то есть, **коммуникативной компетентности**.

В свою очередь, высокая степень коммуникативной компетентности способствует интенсификации коммуникации по той причине, что коммуникативно мыслящий человек способен склонить другого к

взаимодействию и грамотно удерживать контакт посредством вовлечения в него потенциального коммуниканта. Возможно и обратное: вовлеченность во взаимодействие благоприятствует приобретению коммуникативных навыков и, вместе с этим, росту компетентности.

Таким образом, коммуникативная компетентность коррелирует с **вовлеченностью** коммуниканта во взаимодействие. Состояние максимальной вовлеченности в коммуникацию отмечается в случае, когда ожидание диалога (*расположенность*) через *отношение* к другому перерастает в *личностное слияние*.

В теории коммуникации существует несколько версий определения понятия вовлеченности. Д. Девиито определяет коммуникативную вовлеченность как активное участие в коммуникации¹⁸⁰. Другой исследователь коммуникации, Д. Сигалла, в своей работе «Вовлеченность в интеракцию...» утверждает, что тем, что подразумевается под вовлеченностью в интеракцию, является ориентация на коммуникативный акт¹⁸¹. И. Гоффман дает общее определение вовлеченности, которое, тем не менее, уместно применить к коммуникативной вовлеченности. По Гоффману, «быть вовлеченным в случайную деятельность чтобы поддерживать некий вид когнитивной или аффективной поглощенности в ней означает некую мобилизацию психобиологических ресурсов»¹⁸². Исследователи различных направлений единодушно в качестве ключевой характеристики вовлеченности выделяют повышенную психологическую связь с процессом, в данном случае, с процессом коммуникации, проявляющуюся в предпринятии личных усилий для его поддержания.

Сигалла выделяет два измерения интеракционной вовлеченности — осведомленность и отзывчивость¹⁸³. Осведомленность связана с восприятием соответствующих сигналов из окружающей среды. Соответствующих в том

¹⁸⁰ DeVito Joseph A. The interpersonal Communication Book. Longman, 2001, 424 p.

¹⁸¹ Cegala D. Interaction involvement: A cognitive dimension of communicative competence// Communication Education. 1981. № 30. P. 110.

¹⁸² Wiemann J. M. Explication and test of a model of communicative competence. Human Communication Research, 3, 1997, p. 36.

¹⁸³ Cegala D. Interaction involvement: A cognitive dimension of communicative competence// Communication Education. 1981. № 30. P. 112.

смысле, что они могут иметь значение для понимания себя, других, ситуации или всего комплекса явлений. Помимо распознавания значимых сигналов, человек также должен на них реагировать, отзываться.

Понятие вовлеченности нуждается в корректной демаркации от понятия увлеченности. Вовлеченность в коммуникацию предполагает «чувство увлеченности» – способность к оценке уместности в поглощении взаимодействием. Вовлеченность – это способность к управлению эмоциональными реакциями, своими и коммуниканта, а значит, способность к управлению в том числе и увлеченностью. Высокая степень увлеченности коммуникацией или коммуникантом в ущерб взаимодействию скорее свидетельствует об эгоистичном «невовлечении», позволяющем говорить о коммуникативной усеченности. В терминах данного исследования нерелеватная увлеченность – это дисфункция упорядоченности, ведущая к дисбалансу.

Степень вовлеченности также соотносится с атрибутом изменчивости. Вовлеченность хрупка: изменение любого из элементов коммуникативной конструкции повлечет за собой изменение и степени вовлеченности. Точно так же на нее влияют качество информационного обмена и перспектива взаимности.

В целом, вовлеченность носит позитивный характер и способствует достижению коммуникативной полноты уже одним только своим наличием, при том условии, что она взаимна и тесно связана с тем, что зарубежные исследователи именуют «коммуникативной компетентностью».

Понятие «коммуникативной компетентности» было введено Деллом Хаймсом в 1960-ые годы для того, чтобы подчеркнуть, что знание грамматики не является достаточным для того, чтобы разговаривать на каком-либо языке и чтобы общаться¹⁸⁴. Научная история понятия коммуникативной компетентности началась в 1960 годах в виде возникновения контрдвижения против так называемой «лингвистической компетентности», предложенной структуралистским лингвистом Ноамом Хомским, который основал

¹⁸⁴ Rickheit G, Strohner H, Vorverg C. The concept of communicative competence. Handbook of communication competence, 2008, p. 15.

лингвистическую теорию об идеальном собеседнике с совершенным лингвистическим знанием, предположительно не поддающимся воздействию когнитивных и ситуационных факторов на протяжении актуального лингвистического представления¹⁸⁵.

Различными исследователями выделяются различные компоненты коммуникативной компетентности. Составляющие компетентности по Вьеманну¹⁸⁶: поддержка; социальная расслабленность; эмпатия; поведенческая гибкость; навыки управления взаимодействием.

Бохнер и Келли¹⁸⁷ вносят в список компонент коммуникативной компетентности следующие характеристики: эмпатия; описываемость (*descriptiveness*), то есть, манера, в которой обратный ответ получается и отправляется; владение чувствами и мыслями; «самооткрытость» (*self-disclosure*); поведенческая гибкость.

Эрджейл¹⁸⁸ склоняется к тому, что коммуникативную компетентность составляют: экстраверсия и объединяющая связь (*affiliation*); господство-подчинение; *poise-social anxiety*; вознаграждаемость (*rewardingness*); навыки взаимодействия; чуткость восприятия (*perceptual sensitivity*); способность к принятию роли.

Шпитцберг и Купак¹⁸⁹ Шпитцберг и Нехт¹⁹⁰ убеждены, что коммуникативная компетентность состоит из: управления взаимодействием; альтер-центризма; эмоциональности (*expressiveness*); самообладания. Под управлением взаимодействием подразумеваются вопросы, прерывания, время разговора. Под альтерцентризмом – кивки, наклон тела и улыбки. Вокальное разнообразие, уместное использование юмора и подходящая мимическая

¹⁸⁵ Там же. Р. 17.

¹⁸⁶ Wiemann J. M. Explication and test of a model of communicative competence. *Human Communication Research*, 3, 1997, p. 93-213.

¹⁸⁷ Bochner Arthur P.; Kelly, Clifford W. TITLE Interpersonal Competence: A Paradigm for Planned Change in Undergraduate Communication Instruction, 1972, 35 p.

¹⁸⁸ Rickheit G Strohnner H, Vorverg C. The concept of communicative competence. *Handbook of communication competence*, 2008, p.19.

¹⁸⁹ Spitzberg B. H., and Cupach, W. R. *Handbook of Interpersonal Competence Research*. New York Springer-Verlag, 1984, 235 p.

¹⁹⁰ Spitzberg B. H., and Hecht M. L. A component model of relational competence. *Human Communication Research*, 10, 1989, 575–599.

экспрессия являются индикаторами эмоциональности, а вокальное давление, манипуляция объектом и устойчивое положение осанки ассоциируются с самообладанием. Шпитцберг и Купак ставят вопрос о том, является ли компетентность состоянием или же свойством. Свойства рассматриваются как диспозиции, в то время как состояния обуславливаются ситуациями¹⁹¹.

В авторских исследованиях составляющие коммуникативной компетентности появляются в форме не сгруппированных аналитически списков. При более тщательном рассмотрении этих списков обнаруживается смешение оснований дифференциации приведенных характеристик и подчинения одних свойств другим. По отношению к вовлеченности в процесс коммуникации, большие по объему понятия из упомянутых выступают отражением факторов, способствующих возникновению вовлеченности или же обуславливающих ее динамику. Например, такой инициируемый коммуникантом процесс категориального значения как «управление взаимодействием» подразумевает обладание рядом коммуникативных навыков (или «навыков взаимодействия», что, собственно, и понимается под коммуникативной компетентностью). В перечнях коммуникативных умений можно обнаружить «способность к самообладанию в процессе взаимодействия», демонстрация эмоциональных реакций на действия другого («альтер-центризм»), «действительная эмоциональная реакция» (возможная благодаря эмпатии), «поведенческая гибкость», заключающаяся в навыке лавирования между принятием коммуникативной роли и сохранением базового социального спокойствия на фоне искреннего непротivления воздействию другого («самооткрытость»), а также «вознаграждаемость», под которой понимается степень соответствия коммуникантов взаимным ожиданиям.

Перечисленные факторы способствуют вовлечению в коммуникативный процесс другого, но не самого себя. Наличествующие хоть и в полном объеме, но в одностороннем порядке, упомянутые факторы скорее манят горизонтом возможностей полной коммуникации, однако в становление ее полноты

¹⁹¹ Spitzberg, B. H., and Hecht, M. L. A component model of relational competence. *Human Communication Research*, 10, 1989, 575–599.

непосредственного вклада не вносят. Наполнению коммуникации будет способствовать стремление к взаимному «управлению взаимодействием» в раннее изложенной интерпретации данного понятия.

Прямым следствием коммуникативной компетентности является эффективность коммуникации. Это понятие появилось в сфере менеджмента, где оно означает «достижение коммуникантом своих целей посредством общения»¹⁹². Иными словами, эффективна та коммуникация, которая приводит к достижению цели. Границы эффективности каждый раз определяется заново – цели варьируются: от формирования с коммуникантом определенных отношений до изменения его поведения.

Нейл Фьоре в своем труде «Психология личной эффективности. Как победить стресс, сохранять концентрацию и получать удовольствие от работы»¹⁹³. Под неэффективной коммуникацией подразумевает пререкания с окружающими ради отстаивания своих личных целей и планов. По мнению Фьоре, концепция такой коммуникации предполагает победителей и побежденных. Эффективная же коммуникация нацелена на понимание взглядов, чувств и мнений окружающих. Взаимопонимание и уважение становятся основой лояльности, взаимозависимости и сотрудничества.

В рамках этого подхода проясняется место эффективности в коммуникативном процессе как функциональной характеристики способности к достижению понимания (например, это утверждение иронично) или цели, находящейся за намерением (например, эта ирония означает или критику, или шутку)¹⁹⁴. Таким образом, эффективность коммуникации не исчерпывается целедостижением. Для признания коммуникативной деятельности эффективной, помимо достижения цели также важно сохранять коммуникативное равновесие – состояние, которое Стернин называет «равновесием отношений между

¹⁹² Стернин И. А. Практическая риторика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И.А. Стернин. 5-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. С.21.

¹⁹³ Фьоре Н. Психология личной эффективности. Как победить стресс, сохранять концентрацию и получать удовольствие от работы / Н. Фьоре. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 208 с.

¹⁹⁴ Rickheit G, Strohner H, Vorverg C. The concept of communicative competence. Handbook of communication competence, 2008, p.25.

коммуникантами»¹⁹⁵, то есть, сохранение субъект-субъектного статуса коммуникации, который будет рассмотрен позднее.

Поскольку эффективность упомянута в связи с полнотой коммуникации, в своем пределе характеризующейся взаимностью коммуникантов, постольку под коммуникативной эффективностью в контексте данного исследования подразумевается не столько успешное достижение коммуникантами целей, сколько результат коммуникативной компетентности, заключающийся в успешном преодолении коммуникативных барьеров – трудностей как субъективного, так и объективного характера, препятствующих осуществлению коммуникативного процесса.

Коммуникативная выносливость, сформированная продолжительным и успешным преодолением барьеров, способствует как приданию коммуникации плотности, так и повышению ее качества, тем самым увеличивая степень ее насыщенности.

Однако коммуникативные интенсивность, вовлеченность и компетентность без **доверия** неполноценны. Компетентность без доверия становится источником подозрительности или же средством неприкрытой манипуляции. Вовлеченность на фоне недостатка доверия усекается до увлеченности. Интенсивность в отсутствие доверия придает коммуникации оттенок досаждающей деятельности, от которой коммуникант стремится быстрее избавиться.

При рассмотрении атрибутов через призму параметров обнаруживается амбивалентность атрибутов изменчивости, взаимности и информационной трансмиссии. Если упорядоченность влияет на ход коммуникативного процесса однозначно позитивно, то изменчивость, взаимность и информационная трансмиссия воздействуют на степень коммуникативной полноты в равной степени как позитивно, так и негативно. Любое изменение в коммуникативном процессе может повлечь за собой как рост степени доверия, так ее снижение. Транслируемая информация в силу своей специфики также воздействует на динамику доверия.

¹⁹⁵ *Стернин И. А.* Практическая риторика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И.А. Стернин. 5-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. С.23.

Негативная взаимность, например, взаимная ненависть, не располагает к доверительности, как и снижение интереса к коммуниканту (изменение) или дезинформация (информационная трансмиссия).

Формированию сферы доверия способствует *интерсубъективность*. Механизмы создания доверительной атмосферы между коммуникантами в контексте единообразного понимания доступнее и яснее, нежели в контексте расходящихся взглядов. Инструментом формирования доверия является *впечатление*. Для человека свойственно испытывать доверие к тому, что производит на него более правильное (с его точки зрения) впечатление – импонирует, и наоборот. От лояльности впечатления зависит степень раскрытия коммуниканта и, соответственно, коммуникативная полнота как в плоскости информационного обмена, так и в сфере экзистенциального. Ход коммуникативного процесса формируется степенью доверия между коммуникантами, а потому *доверие* обоснованно входит в число параметров коммуникативной полноты.

Наличие доверия (trust) является существенным компонентом всех устойчивых общественных отношений¹⁹⁶. Кастальдо¹⁹⁷ рассмотрел 72 различных определения доверия из различных академических дисциплин для того, чтобы исследовать, что общего они имеют и чем отличаются друг от друга. Исследователи определяют доверие по-разному, но большая часть определений включает в себя субъект, действие или поведение и ожидание будущих действий. Элемент будущего, который включает в себя предсказание или ожидание действий другого, является важнейшим атрибутом доверия. Доверие включает в себя решения в настоящем, часто основывающиеся на прошлом поведении другого, которое обуславливает ожидание ещё не случившихся действий¹⁹⁸. В своей монографии «Наука о межличностном доверии» исследователь доверия Р. Борум упоминает следующие определения данного феномена:

¹⁹⁶ Селигмен А. Проблема доверия / А. Селигмен. Перевод с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. — М.: Изд-во Идея-Пресс, 2002. С.7.

¹⁹⁷ Castaldo S. The Meaning(s) of Trust. A Content Analysis on the Diverse Conceptualizations of Trust in Scholarly Research on Business Relationships, 2010, p.84.

¹⁹⁸ Borum R. The Science of Interpersonal Trust, 2010. URL: http://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1573&context=mhlp_facpub

Baier¹⁹⁹: принятая по отношению к другому человеку уязвимость, без ожиданий от него проявлений злой воли

McAllister²⁰⁰: степень, в которой человек уверен в другом и стремится действовать с учётом слов, действий и решений другого

Lewicki and Bunker²⁰¹: состояние, включающее в себя уверенные ожидания относительно другого касательно себя в ситуациях, содержащих риск

Robinson²⁰²: ожидания, предположения или убеждённость в вероятности того, что будущие действия другого будут полезными, благоприятными или, как минимум, не приносящими ущерб.

Rousseau et al²⁰³: психологическое состояние принятия собственной уязвимости основанное на ожидании позитивных намерений другого.

Инвариантной характеристикой упомянутых определений доверия является идея того, что межличностное доверие формируется на условии осознанной взаимозависимости и характеризуется готовностью принять уязвимость или риск позитивных ожиданий относительно поведения другого человека в будущем.

Традиционный взгляд на изначально присущую доверию нейтральность называется «нулевой линией». Тезис следующий: в повседневных ситуациях, задействующих межличностное доверие, люди «обычно не убеждены в том, что другой не заслуживает доверия или ведёт себя так, как будто обладает схожими ценностями и ему можно доверять»²⁰⁴. Некоторые исследователи утверждают, что люди часто вступают в ситуацию находясь не на «нулевой линии», а выше (позитивное доверие) или ниже (негативное доверие).

Очевидно, степень полноты коммуникации зависит от степени полноты доверия. Здесь и далее, под степенью полноты доверия понимается показатель доверия между коммуникантами, включающий в себя индикаторы взаимности и

¹⁹⁹ Baier A. Trust and Antitrust, Ethics, Vol. 96, No. 2, Jan., 1986, pp. 235.

²⁰⁰ McAllister D. Affect- and cognitionbased trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations. Academy of Management Journal, 1995, Vol.38, №1, p. 235.

²⁰¹ Lewicki and Bunker. Trust in relationships: A model of development and decline, 1995, p. 139.

²⁰² Robinson S. Trust and Breach of the Psychological Contract. Administrative Science Quarterly Vol. 41, No. 4 (Dec., 1996), pp. 576.

²⁰³ Rousseau D. Not so Different After All: a Crossdiscipline View of Trust. Academy of Management Review 1998, Vol. 23, No. 3, 395.

²⁰⁴ Gareth R. Jones and Jennifer M. George. The Experience and Evolution of Trust: Implications for Cooperation and Teamwork. The Academy of Management Review. Vol. 23, No. 3 (Jul., 1998), pp. 535.

подвижности. Под взаимностью подразумевается направленность коммуникантов на обоюдное доверие, под подвижностью – непротивление, или даже стремление, к улучшению качества взаимности. К категории подвижности также относятся частота актов подкрепленного доверия и длительность периода, на протяжении которого доверие поддерживается. В совокупности эти два фактора укрепляют прочность доверия между коммуникантами. Развитость частоты и продолжительности подкрепления доверия способствует росту его прочности и полноты коммуникации. На формирование доверия также влияет и то, насколько непринужденно осуществляется коммуникантом его обретение – психологически предпочтительнее так называемое спонтанное доверие, когда доверительные взаимоотношения возникают естественно ввиду отсутствия намерения к их созданию²⁰⁵, склоняющего скорее к недоверию.

Степень полноты доверия обуславливается широким диапазоном факторов: от специфики генотипа индивида до степени полноты информации о коммуниканте, подверженной воздействию таких когнитивных искажений как, например, стереотипы. Доверие – некий компонент, входящий в социальные отношения, вследствие наличия возможности отклонения от социальных ролей. Доверие проникает в социальное взаимодействие сквозь щели системы или вдоль ее границ, когда в силу какой-либо причины предзаданные ролевые ожидания более не жизнеспособны²⁰⁶.

В число факторов, влияющих на степень полноты доверия, также входят и определенные личностные черты. Исследователями выделяются разные группы личностных качеств, способствующих возникновению доверия²⁰⁷. Компоненты trustworthiness:

✓ Peters²⁰⁸: знание; забота; открытость.

²⁰⁵ Hardy C, N Phillips, T Lawrence. Distinguishing trust and power in interorganizational relations: Forms and facades of Селигмен, A trust. Trust within and between organizations, 64–87.

²⁰⁶ . Проблема доверия / А. Селигмен. Перевод с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М.: Изд-во Идея-Пресс, 2002. С.21.

²⁰⁷ Там же. С. 13.

²⁰⁸ Peters R. The Determinants of Trust and Credibility in Environmental Risk Communication: An Empirical Study, 1997, Volume 17, Issue 1, February 1997, P. 43–54.

✓ McKnight and Chervany²⁰⁹: компетентность; доброжелательность; целостность (ценностная); предсказуемость.

✓ Kasperperson²¹⁰: выполнение возложенных обязательств; компетентность; забота; предсказуемость

Выше перечисленные качества обобщаются в три большие категории:

1. Категорию способностей, например, компетентность, предсказуемость или согласованность.

2. Категорию благожелательности, основанную на восприятии и демонстрации заботы, доброй воли, эмпатии и ответственности.

3. Категорию честности, корни которой в честной коммуникации.

При благоприятном наличии у коммуникативных субъектов большинства из выше перечисленных свойств, вероятность достижения максимального значения доверия, а, в дальнейшем, и полноты коммуникации, возрастает.

Данное многообразие благоприятствующих развитию доверия личностных факторов можно разделить на когнитивные и аффективные компоненты доверия. Когнитивные компоненты доверия: убеждения, оценки, ожидания, приписываемые следствия и суждения. Когнитивная компонента доверия базируется на обладании знанием о другом для того с целью прогнозирования его поведения. Это вид доверия, основанного на знании.

Аффективная компонента доверия основывается на разделении целей, убеждений, ценностей и идентичностей участников взаимодействия. То есть, человек не только понимает, но зачастую и разделяет мировоззрение другого человека. Они «на одной волне», и эта синхронизация формирует глубокую эмоциональную связь между ними. Это основанное на взаимной идентификации доверие.

Вернемся к критериям полноты доверия — взаимности и подвижности. Доверие между коммуникантами бывает в различной мере как взаимным, так и

²⁰⁹ McKnight and Chervany. The Meaning of Trust. URL: http://www.misrc.umn.edu/workingpapers/fullpapers/1996/9604_040100.pdf

²¹⁰ Kasperperson R, Golding D. Tuler S. 1992, Siting Hazardous Facilities and Communicating Risks under Conditions of High Social Distrust. Journal of Social Issues 48(4): 161–187.

невзаимным. В том случае, когда коммуниканты испытывают друг к другу доверие приблизительно одинакового уровня, содержащее в себе как когнитивную, так и аффективную компоненты, – допустим, оба могут положиться друг на друга, проявляют взаимную заботу и друг с другом честны, а также разделяют мировоззрение друг друга, – мы говорим о взаимном доверии высокой степени или максимально возможном доверии.

В ситуации, когда коммуниканты, например, честны друг с другом, но заботятся друг о друге только в тех случаях, когда это не сулит личного ущерба, а также не разделяют ценностей друг друга, – мы идентифицируем состояние доверия между ними как «достаточное», что указывает на наличие определенных лакун в сфере взаимного доверия, тем не менее, не оказывающих деструктивного влияния на взаимоотношения. В обоих случаях степень полноты доверия позволяет говорить о приближении к той степени, которая необходима для «диагностирования» коммуникативной полноты. Однако степени доверия коммуникантов друг другу могут и не совпадать. Приведем радикальный пример: один коммуникант доверяет другому, а второй ему – нет. Как такое экстремальное, так и менее выраженное, несовпадение в степени доверия, не способствует достижению коммуникативной полноты, также, как и взаимное недоверие. Подводя итоги, мы можем предполагать существование четырех параметров коммуникативной полноты: интенсивности, вовлеченности, коммуникативной компетентности и доверия.

3.2. Насыщенная и усеченная коммуникация

Поскольку существенные характеристики с необходимостью определяют процесс коммуникации, постольку последствия динамики их состояний также распространяются на всю коммуникативную структуру: и на предпосылки, и на условия в том числе, постольку принцип работает и в обратную сторону –

усечение не только атрибутов, но также предпосылок и условий, приводит к снижению показателей параметров полноты.

О предельной коммуникативной насыщенности можно говорить при условии наличия в коммуникативном процессе всех ранее рассмотренных элементов (предпосылок, условий, атрибутов), и их систематической работы на поддержание и воспроизводство коммуникации. В действительности такое случается очень редко – человек пребывает преимущественно в состоянии усеченной по какому-либо признаку коммуникации. Такая коммуникация характеризуется рядом произвольных по локализации в коммуникативном процессе, а также не привязанных ко времени и длительности своего появления признаков – так называемых переменных признаков.

Переменные признаки могут располагаться в любой из опорных концептуальных плоскостей: среди предпосылок и условий, в числе существенных характеристик. И в каждом случае непостоянный признак в одной из коммуникативных опор приводит к дисфункции целого ряда элементов, что завершается несоответствием какому-либо параметру коммуникативной полноты, а то и сразу нескольким.

Таким образом, дисфункции имеют место на всех уровнях устройства процесса коммуникации: как на уровне предпосылок и условий, так и на уровне существенных характеристик и взаимодействия диспозиционных параметров. Дисфункции могут быть единичными – затрагивающими только один уровень структуры коммуникации, и множественными – соответственно, дезорганизовывающими процесс сразу на нескольких уровнях.

В предыдущем подразделе было выяснено, что коммуникативный процесс характеризуется полнотой. Полнота коммуникации является одной из диспозиций коммуникативного процесса, проявляющейся при определенных условиях – соответствии процесса ряду параметров. В качестве основных параметров коммуникативной полноты установлено соблюдение следующих принципов: интенсивности, вовлеченности, коммуникативной компетентности и доверия.

Дисфункции случаются как на пути соответствия какому-то одному параметру, так и в интервале их взаимодействия.

Исследуем специфику дисфункции предпосылок. Дисфункция на уровне предпосылок представляется самой сложно преодолимой, поскольку она относится к базовой сфере психического устройства человека. Если признаки начинают «мерцать» на этом фундаментальном уровне, то, соответственно, его производные искажаются уже на этом начальном этапе. Если индивид не обладает «шпетовской» социальной мотивацией, то есть, в принципе не видит смысла выстраивать взаимодействие с другим или смысл видит, но почему-то онтологически не стремится к взаимодействию «по-гильдебрандтовски», если в его мышлении концепт другого отсутствует или присутствует, но в деформированном виде, а также если вдруг индивид не способен к адекватной манипуляции символами, то в таких случаях диагностируется психопатология. Коммуникация же психически девиантного индивида явно далека от обладания полнотой в силу сложных для преодоления препятствий уже на первом, предпосылочном этапе. В качестве примера такой коммуникации коротко рассмотрим особенности коммуникации психопатов.

Исследования показывают, что у психопатов недостаточно развиты те отделы мозга, которые обычно отвечают за регулирование эмоций и контроль импульсов²¹¹. Следовательно, психопатам сложно создавать устойчивую эмоциональную привязанность по отношению к людям. Вместо этого они выстраивают искусственные, поверхностные отношения, чтобы манипулировать людьми с наибольшей для себя выгодой. Психопат не мотивирован социально – он просто не воспринимает других в качестве себе подобных, он не расположен внутренне к какому-то экзистенциальному контакту с ними. Люди для него никоим образом не Другие, а просто инструменты, используемые для осуществления личных целей. И вне зависимости от степени вреда, причиняемого окружающим, психопаты крайне редко считают себя неправыми и чувствуют

²¹¹ Koenigs M. et al. «Reduced prefrontal connectivity in psychopathy». Journal of Neuroscience, 31, 2011; S. Gregory, N. Blackwood et al. «The Antisocial Brain: Psychopathy Matters – a structural MRI investigation of antisocial male offenders», Archives of General Psychiatry.

раскаяние по поводу собственных действий. В таких обстоятельствах кажется бессмысленным выискивать пути продвижения к коммуникативной полноте, потому что они перекрыты в самом начале – такая коммуникация априори усечена на онтологическом уровне предпосылок.

Следующим видом усечения коммуникации является дисфункция по признаку условий коммуникативного процесса. Усеченность этой категории развивается, когда предпосылки коммуникации в порядке – человек способен воспринимать другого человека, в принципе стремится к контакту, онтологически способен оперировать символами, – но происходят отклонения в плоскости условий осуществления коммуникативного процесса. Как ранее установлено, усеченным может оказаться любое из рассмотренных нами в предыдущем разделе условий, что неизбежно повлияет на значение параметра коммуникативной полноты.

Так, если коммуникант плохо распознает намерения другого и вследствие этого нарушает принцип релевантности и/или слабо ориентируется в концептуальном каркасе взаимодействия, это приводит к искажению коммуникативного замысла. Деформируется циркуляция намерений в данной коммуникации, что в итоге приводит к усечению коммуникативной полноты по параметрам коммуникативной компетентности (плохие навыки распознавания намерений и неразвитая система реагирования) и доверия (даже одна ошибка в функционировании системы «распознавание –реагирование» может оказаться фатальной).

Ещё один распространенный вид усеченности по признаку условий – это не сформировавшаяся (или слабо сформированная) общность кодов, приводящая к деградации системы обратной связи между коммуникантами. За нарушением обратной связи следует снижение интенсивности взаимодействия, поскольку становится незачем коммуницировать. Малое количество смысловых связей и их слабость способствуют снижению степени вовлеченности коммуникантов в процесс. Соответственно, понижается и уровень коммуникативной компетентности, поскольку она представляет собой абстрактное образование,

каждый раз наполняемое новым контекстом. Наряду с этим наблюдается ситуация снижения коммуникативной активности, следовательно, резкого уменьшения степени узнавания и приведения поведения в соответствие с узнанным. Помимо перечисленного, сложно доверять человеку, связь с которым осязаемо неоднородна. Таким образом, в качестве последствий неразвитой обратной связи мы имеем снижение интенсивности коммуникации, падение уровня доверия между коммуникантами, спад вовлеченности в процесс, а также деградацию в сфере коммуникативной компетентности. Все это приводит к в разной степени неполному соответствию всем четырем принципам полноты коммуникации.

Следующий вид усеченности по признаку условий связан с модусом коммуникативно значимых эмоций. Если ход коммуникативного процесса перманентно сопровождается неприятными эмоциями, то коммуникант преимущественно будет стремиться избегать такого взаимодействия. Соответственно, будет наблюдаться снижение показателей интенсивности, вовлеченности, доверия и компетентности, так как поддержание постоянного эмоционального дискомфорта – это уже само по себе является признаком некомпетентности.

Последним из выделяемых нами видом усеченности по признаку условий является усечение коммуникации в плоскости материальных средств коммуникации. К таковым относятся телесность и технические средства, обеспечивающие взаимодействие. Сегодня известно, что средства коммуникации не только пассивно обеспечивают коммуникативный процесс, но также способны вносить свои коррективы в ход коммуникации.

Рассмотрим особенности такого вида усечения на примере. В выборе материального средства для анализа остановимся на популярном сейчас в качестве объекта исследования явлении – на Интернете, сузив масштаб анализа до той его плоскости, в которой непосредственно происходит коммуникация – до социальных сетей. Сфокусируемся на относительно недавнем нововведении, которое сейчас уже сложно представить в качестве такового, настолько оно стало привычным – на системе «лайк-репост» (например, в рунете опция лайка в

ведущей социальной сети ВКонтакте появилась в октябре 2010 года, опция репоста годом позднее).

Осуществляется ли коммуникация в акте выражения одобрения некоторой информации посредством лайка? А в акте копирования материала к себе на страницу в публичный доступ другим пользователям? Несмотря на то, что «лайк» в обиходе квалифицируется как выражение одобрения, его социальный смысл распространился далеко за рамки этого значения. Сейчас, когда пользователь №1 в социальной сети «пролайкивает» какой-нибудь из материалов пользователя №2, этим самым он помещает пользователя 2 в ситуацию социального вычисления – попыток понять, каково намерение действия, привлекая дополнительные факторы вроде степени знакомства, личностной идентификации или актуальности обратившего на себя внимание материала. В зависимости от, к слову, не всегда вычислимых дополнительных условий, «лайк» может означать как одобрение, так и, согласно последним исследованиям в области психофизиологии поведения человека в сети, часто тесно связанную с одобрением публичную самоидентификацию²¹². Суть результатов описанного эксперимента заключается в том, что репост в социальной сети является, скорее, не столько следствием непосредственной личной заинтересованности пользователя в материале и желания им поделиться при помощи интернет-сети, сколько маркером желанного образа самого себя в глазах окружения. В данном исследовании речь ведется о репостах, но тот же принцип вполне применим и к «лайкам». Помимо этого, лайк и, как мы выяснили, репост (что-то вроде «усиленного лайка»), могут означать самый разнообразный и, что важно, публично декларируемый, интерес не только к отмеченному материалу, но и к тому, кто этот материал опубликовал, то есть, к пользователю. Особенность проявленного таким способом интереса заключается в том, что он располагает к общению – это не просто интерес к информации или даже к личности, информацию опубликовавшей. Лайк и репост оказываются индикаторами личностного сходства, публичное указание на которое неминуемо

²¹² Популярная механика: почему люди делают репосты? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.popmech.ru/science/335622-uchyenyie-razobralis-pochemu-lyudi-delayut-reposty/> (дата обращения: 29.03.2017)

обращается контактом, а поскольку пользователи через лайки и репосты получают друг о друге определенную социально значимую информацию, то мы можем в этом случае говорить и о коммуникации, как об осуществлении межличностного контакта. Именно по этой причине рассорившиеся пользователи преимущественно избегают лайков и репостов по отношению друг к другу, а некоторые особо радикальные пользователи «забирают свои лайки», стремясь подчеркнуть, что между ними не просто нет контакта, но также нет и ничего общего.

Следовательно, контакт – в наличии, обмен на всех уровнях, начиная от материального («лайк» выглядит как сердечко, появляющееся рядом с блоком информации), заканчивая экзистенциальным – на уровне самоидентификации и взаимной идентификации. Логично предположить, что в эти процессы человек обычно вовлекается интенсивно и искренне. Продолжительность, регулярность и частота в случае с «лайком» и репостом значение имеют как индикаторы продолжительности и интенсивности интереса. Подобные приспособления интенсифицируют процесс коммуникации, однако не всегда делают его насыщеннее (в смысле соответствия критериям коммуникативной полноты). В данном случае можно обеспокоиться, как минимум, соблюдением принципа доверия.

В предыдущем разделе мы раскрыли механизм установления связей атрибутивных концептов и понятийных узлов с параметрами коммуникативной полноты и проследили, как именно каждый из атрибутов может влиять на полноту коммуникации. Напомним, что коммуникативными атрибутами являются упорядоченность, изменчивость, информационная трансмиссия и взаимность, а параметрами коммуникативной полноты – интенсивность, вовлеченность, компетентность и доверительность процесса.

Теперь рассмотрим возможные типы усеченной коммуникации. В зависимости от того, какая комбинация элементов имеет в своем составе «мерцающее» звено, предварительно можно выделить минимум девять типов усеченной коммуникации.

1. Инфантильная коммуникация

Коммуникация такого типа усечена сразу по трем составляющим группы параметров: интенсивности, вовлеченности и компетентности. В случае такого взаимодействия хотя бы для одного из коммуникантов индивидуальность партнера не имеет значения. Вступая в коммуникацию, он «вбирает» все подряд, взаимодействуя со всеми подряд. Подобная не избирательность не может не отразиться на, во-первых, интенсивности коммуникации. Поскольку человеческие ресурсы ограничены, коммуникант не способен поддерживать коммуникацию на достаточном для достижения коммуникативной полноты уровне со всеми своими партнерами. Это сказывается, в первую очередь, на частоте и продолжительности контактов. Во-вторых, по причине ограниченности ресурсов, множественный коммуникант не способен вовлекаться «по полной» во все коммуникативные процессы, в которых он оказался задействован, а также своевременно между ними переключаться. Соответственно, в коммуникации рассеянного типа снижается показатель компетентности обоих коммуникантов, так как процесс выходит из-под контроля. Можно было бы заключить, что при «мерцании» трех параметров из четырех степень доверия такого коммуниканта к своему визави запредельна, однако этого нельзя утверждать наверняка, поскольку нет оснований отбросить версию безразличия.

2. Алчная коммуникация.

Коммуникация этого типа в полной мере не удовлетворяет всем четырём параметрам коммуникативной полноты. В случае алчной манеры коммуницировать, как минимум один из коммуникантов неспособен выбрать из множества контактов тех, с кем он будет стремиться достигать максимума насыщенности во взаимодействии. Такой коммуникант боится потерять «невыбранные» варианты взаимодействий, а потому мечется между ними из страха перед тем, что какой-то из них вдруг может начать доминировать. Непостоянство автоматически понижает количество и продолжительность контактов, вовлеченность в них, компетентность (из-за недостатка времени на

проработку коммуникативных навыков с опорой на контекст) и, очевидно, эти обстоятельства не способствуют формированию доверия.

Алчная коммуникация формально схожа с инфантильной. Однако эти два типа коммуникации различаются предпосылками – множественная коммуникация имеет основанием любопытство, в то время как алчная коммуникация – страх.

3. Химерическая коммуникация.

Полнота взаимодействия в рамках этой коммуникативной парадигмы «хромает» по параметрам интенсивности, вовлеченности и доверительности. В контексте дополняющего стиля, человек выстраивает коммуникацию таким образом, чтобы удовлетворять различные свои потребности с различными, подходящими опционально, коммуникантами. В этом случае, в первую очередь, под угрозой оказывается вовлеченность в процесс коммуникации – она становится фрагментарной, опциональной, эгоцентрической, от чего закономерно страдают и доверие с интенсивностью взаимодействия. Для такого коммуниканта люди – взаимозаменяемые элементы мозаики.

4. Манипулирующая коммуникация.

Коммуникация этого типа усечена по параметрам вовлеченности и доверительности, хотя может проходить по критерию интенсивности и блестяще отвечать критерию компетентности – ведь все манипуляторы обладают хорошими навыками управления процессом коммуникации, только не в целях обеспечения процесса, а в своих собственных интересах. Манипуляция подразумевает минимум вовлеченности в коммуникацию с другим, поскольку вовлеченность благоприятствует установлению настоящего экзистенциального контакта, что вовсе не входит в планы манипулятора – ему нужна, скорее, видимость вовлеченности, чтобы облегчить себе путь к цели. Разумеется, также манипулятору необходимо обеспечить доверительное к себе отношение другой стороны, однако сам он ей не доверяет, постоянно находясь в тревожном ожидании своего разоблачения.

5. Развенчивающая коммуникация.

Это парадоксальный вариант «чрезмерно экзистенциальной» коммуникации, не допускающей приватной интимности «для себя». Такая коммуникация хотя поначалу и максимально доверительна, со временем этот статус утеривает: «претерпевающий» коммуникант начинает изворачиваться, чтобы таким образом, по-партизански, отвоевать себе хотя бы кусочек личного пространства, что порождает ложь и недоверие со стороны «инициатора» поглощения. Мы понимаем, что также подтачивается и вовлеченность, если второй коммуникант не сторонник поглощения – он, скорее, займет позицию отстранения.

Поглощающая коммуникация – это пример того, как максимальная интенсивность оказывается деструктивной, не только не способствующей достижению коммуникативной полноты, но даже препятствующий этому событию. Чрезмерные частота и продолжительность увлеченного контакта развенчивают иллюзию похожего и понимающего Другого, склоняя другую сторону к отдалению.

6. Блиц-коммуникация.

Вариант разовой коммуникации, не имеющей истории. Она может быть насколько угодно доверительной, компетентной, однако ей никогда не стать интенсивной и вовлеченной. Интенсивность подразумевает частоту контактов, что возможно только при их количестве более одного. Вовлеченность же подразумевает не только одномоментную включенность в коммуникативный акт, но также и наличие у взаимодействия истории.

7. Ускользящая коммуникация.

Коммуникация с писателями, персонажами. Показательным примером коммуникации такого стиля является чтение. Возникает вопрос, происходит ли коммуникация в случае трансляции через время, пространство и культурные различия такого сгустка социокультурных смыслов как вербализированный текст? Читатель в силу стимулирующего к прочтению отношения к книге посредством контакта с ней же вступает в контакт с автором, возможно, даже более глубокий, нежели он мог бы быть при личной встрече. Однако на автора

ситуация прочтения его текста сама по себе никакого эффекта не оказывает. Читатель вступает во взаимодействие, но с текстом, а не с автором. Складывается парадоксальная ситуация: текст позволяет вступить в контакт с автором, минуя взаимодействие. Автор остаётся пассивным. Очевидно, в этом случае имеет место коммуникация, но усечённая по признаку условия взаимности.

8. Транс-онтическая коммуникация.

Тот вариант коммуникации, когда неочевидно, коммуникация ли перед нами вообще. Проще разобрать примеры для того, чтобы сделать ясные выводы. Рассмотрим две коммуникативных ситуации: взаимодействие человека с человекоподобным роботом и коммуникация человека с котом.

Под человекоподобным роботом в данном случае подразумевается робот, выглядящий как гуманоид, способный вести ограниченную коммуникацию, помогать человеку в выполнении определенных бытовых задач и распознающий какое-то количество человеческих эмоций. Такие роботы уже есть. Человек может отрицательно относиться к робототехнике, а тем более к человекоподобной и наотрез отказаться от всяческого взаимодействия с машиной. В таком случае мы станем свидетелями ситуации, когда отношение не перешло посредством контакта во взаимодействие. Но нас больше интересует другая ситуация, на которой мы и сосредоточимся: человек испытывает интерес к механическому гуманоиду и не против вступить с ним в контакт, дабы этот интерес удовлетворить. В этом случае мы будем наблюдать осуществление установки во взаимодействии посредством контакта. Но что дальше? Можем ли мы назвать разговор с человекоподобным роботом общением и, далее, рассуждать в этом случае о коммуникации? Тут мы фиксируем осуществление контакта и взаимодействия, но наряду с этим очевидно и отсутствие личностного элемента в одной из сторон. Складывается неоднозначная ситуация: человек, в случае, если он наделяет робота человеческими чертами и ожидает от него человеческого поведения, с роботом общается, вступает с ним в коммуникацию, робот же с человеком взаимодействует, но не социально.

Коммуникация есть, но опять же в усеченном формате – в первую очередь, по атрибутивному признаку взаимности. Робот не взаимен – он просто выполняет программу. Что касается вовлеченности, то в данной ситуации изначально вовлеченной в процесс может быть только человеческая сторона, поскольку на данном этапе технологического развития робот неспособен к проявлению личностного отношения. Такие характеристики как продолжительность процесса, его регулярность и частота в данном случае никакого влияния на коммуникативную динамику не оказывают, хотя, разумеется, происходящему присущи. Что касается коммуникативного обмена, то в этом случае робот состоит с человеком исключительно в информационном обмене, в то время как человек может вступить с роботом в обмен экзистенциальный – это зависит от его отношения к себе, роботу и возможности взаимодействия с ним. При этом робот, конечно же, оказывает влияние на человеческую восприимчивость, а человек, в технологически детерминированной степени, чисто механически может влиять на робота. Поэтому формально общение с роботом отличается от молитвы большей осязаемостью и гораздо меньшей экзистенциальностью, представляя собой еще один случай усеченной коммуникации, на этот раз, в основном, по признакам взаимности и вовлеченности в процесс.

На первый взгляд может показаться, что разговор с котом несильно отличается от разговора с человекоподобным роботом. И это будет правдой – в основе обеих ситуаций находится один и тот же принцип: антропоморфизация. Человек общается с котом, потому что приписывает ему человеческую способность общаться. И до тех пор, пока продолжается такого рода приписывание, продолжается и условно межличностная коммуникация. Уточнение «условно» появляется в силу того, что своим отношением к коту человек создает себе субъект для коммуникации.

Этот случай один из наиболее неоднозначных. По определенным параметрам кот похож на человека: он живой и осязаемый, он склонен испытывать привязанность, эмоционально реагировать на непосредственно касающиеся его события, общаться. Перечисленные свойства характерны для

коммуникативного субъекта в классическом его понимании (когнитивное Я, не объект), однако недостаточны для приписывания коту полной субъектности. Если угодно, кот – существо, обладающее усеченной субъектностью, в том смысле, что он обладает большинством субъектных характеристик, за исключением развитого рефлексивного сознания, обеспечивающего самосознание, самопозиционирование в качестве субъекта и идентификацию субъектного в других. Эти же характеристики присущи человеческим детям в возрасте 0-3 лет. Когда вы общаетесь с котом, вы оба вовлечены в процесс. Его продолжительность, регулярность и частота имеют значение, влияя на формирование взаимной привязанности и, как следствие, поддержания постоянной вовлеченности во взаимодействие во время его осуществления. Обмен происходит на всех трех уровнях: вы гладите кота (материальный и информационный – кот понимает, что он вам нравится), он мурчит (информационный – вы понимаете, что коту нравится то, что вы его гладите), экзистенциальный (вы оба получаете приятные эмоции и чувствуете это). Разумеется, кот влияет на вас (вы проникаетесь к животному всё большей симпатией и, скорее всего, захотите его гладить дольше/погладить когда-нибудь еще раз/покормить, а если это уличный кот – то, возможно, и забрать домой), а вы влияете на кота (он испытывает приятные эмоции в контексте единоразового общения, привязывается к вам эмоционально в контексте регулярных взаимодействий и готов идти на уступки, например, быть «хорошим котиком» и даже не сопротивляться, если вы гладите его тогда, когда ему это не нравится). То есть, в ситуации взаимодействия с котом формально мы участвуем в процессе коммуникации. Усечена субъектность кота – но все же она присутствует, и этого достаточно, чтобы обеспечивать минимальные условия осуществления коммуникации.

9. Десубъективирующая коммуникация.

Сделаем выводы после анализа показательного примера такого типа коммуникации – контакта типичного надзирателя концлагеря с заключенным. Контакт надзирателя с заключенным не предшествует решение первого рассматривать второго в качестве субъекта, которому онтологически присуща

характеристика коммуникативности. Заключение объективирован надзирателем и равноценен по своей сути стулу или молотку. Но даже в ситуации с условно антропоморфизированными стулом и молотком коммуникация более вероятна, нежели между двумя субъектами, один из которых не считает таковым второго. С позиции надзирателя это не общение. С позиции заключенного имеет место усеченная коммуникация

Для типичного надзирателя концлагеря заключенный и человеком-то не был – скорее, предметом, орудием труда, объектом. А типичный заключённый был таким изможденным, что вместо хотя бы негативных личностных чувств испытывал к надзирателю лишь тупое безразличие. По этой причине ни о какой субъектной вовлеченности в процесс и речи быть не может. Увеличение продолжительности процесса, его регулярности и частоты только усугубляет имеющееся коммуникативное положение. Обмен происходит только на материальном и информационном уровнях. Надзиратель многофакторно влияет на заключенного, заключенный если и влияет на надзирателя, то в основном только вызывает негативные эмоции вроде гнева, презрения, находящие выход в издевательствах. Коммуникация вроде и есть, но, как мы видим, по ряду свойств она усечена.

В качестве примера насыщенной коммуникации, удовлетворяющей критериям коммуникативной полноты, можно привести молитву христианскому богу. Во втором томе Новой философской энциклопедии молитва определяется как: «обращение человека к Богу, богам, святым, ангелам, духам, персонифицированным природным силам, вообще Высшему Существо или его посредникам»²¹³. Сразу можно отметить наличие отношения человека к Высшему Существо – человек, во-первых, полагает, что нечто является Высшим Существом, во-вторых, уверен в том, что Высшее Существо обладает неограниченными или предельно высокими возможностями, а в-третьих, убежден в том, что с ним можно общаться. Собственно, во время молитвы это и

²¹³ Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHb6fb2dd8032818c2096bb> (дата обращения: 06.08.2016)

происходит – человек общается с Высшим существом. Именно общается, поскольку даже если Существо не отвечает молящему привычными человеку способами, то оно всё же, предположительно, воспринимает человеческие чаяния, вникает в них, а после так или иначе, чаще в нетипичной для здравого смысла форме, на них реагирует. То есть, в этом случае мы наблюдаем, что посредством контакта-молитвы, отношение человека «проходит посвящение» в межсубъектное взаимодействие, а все вместе перечисленное не может не быть общением, поскольку общение, как мы выяснили, является обратной стороной межличностного контакта. Следовательно, в случае молитвы мы можем вести речь о коммуникации человека с Высшим Существом.

В ситуации молитвы вовлеченность молящегося в процесс коммуникации с Высшим Существом достигает максимального значения. Однако второй коммуникант, Высшее Существо, не представляется особенно заинтересованным в лояльности кого бы то ни было, а потому и вовлекаться в процесс коммуникации, испытывать к своему визави личностное отношение ему не пристало (если это только не христианские высшие существа). В случае с христианской молитвой можно предположить наличие обоюдной субъектной вовлеченности в процесс. Несмотря на то, что молитва может производиться относительно недолгое время, осуществляться нечасто и вообще носить нерегулярный характер, этому действию свойственен мощный двухчастный обмен – информационный и экзистенциальный. Сила доверия достигает в молитве своего максимума и молящийся априори коммуникативно компетентен – бог слышит его отовсюду, в любой форме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В попытках понятийно отобразить процесс коммуникации, исследователи оперируют приблизительно семидесятью концептами. Однако эти концепты не составляют единой исследовательской основы, позволяющей составить представление о реальной коммуникации.

В данной работе выполнены следующие исследовательские задачи:

1. Дискурс исследований коммуникации упорядочен в соответствии с подходами Д. Крейга. Выделены ключевые исследовательские концепты, отображающие структурные характеристики коммуникации. Таких концептов выделено около семидесяти (см. Приложение 1).

В результате анализа ландшафта коммуникативных исследований выявлено, что современный коммуникативный дискурс формируется специальными исследованиями предметом которых является непосредственно коммуникация и контекстуальными, фокусирующимися на всевозможных коммуникативных эффектах.

В специальных исследованиях коммуникации прослеживается четыре исследовательских интенции, отличающиеся друг от друга пониманием коммуникативного процесса: *информационно-функционалистская, семиотическая, поведенческая и феноменологическая* (см. Приложение 2). Коммуникация в контексте информационно-функционалистского направления (К. Шеннон, У. Уивер) трактуется как линейный процесс передачи, получения и обработки информации. Последователи семиотического подхода (У. Эко, П. Грайс, М. Бахтин, А. Пятигорский, Ю. Лотман, Т. Дейк, Ж. ЛаКофф,) под коммуникацией понимают циркуляцию кодов и смыслов в социальном пространстве, символический процесс, посредством которого воспроизводится социальная реальность. В рамках «поведенческих» исследований коммуникация – процесс взаимовлияния индивидов друг на друга (И. Гоффман, Т. Ньюкомб, Р. Гроотендорст). С феноменологической позиции (А. Шюц, Г. Шпет, М. Бубер, К.

Ясперс, С. Франк, Э. Гильдебрандт) коммуникация – это отношение друг к другу как к личностям в процессе непосредственного контакта.

2. Осуществлено сведение множества смысловых коннотаций концептов к единым понятийным образованиям: предпосылкам, условиям и базовым характеристикам динамического аспекта коммуникации.

Смысловые коннотации эксплицированных концептов складываются в характеризующие предпосылки понятия. В процессе экспликации исследовательских интуиций установлено, что к числу онтологических обстоятельств, без которых коммуникация не состоится, относятся такие концепты как: *мотивация* (Г. Шпет, феноменологическая традиция), *Другой* (представители феноменологической традиции), *внутренняя направленность на контакт* (Э. Гильдебрандт, феноменологическая традиция), *субъектность* (представители феноменологической традиции) и *язык*. Эти концепты объединяются в три понятийных единицы, критерием идентификации которых (и всех понятийных образований далее – прим. авт.) является сохранение инвариантных значений на фоне различных смыслов.

Первый понятийный блок включает в себя связку *Другого* и *субъектности*. *Субъектность* подразумевает наличие *Другого Я* и, соответственно, отсылает к неизбежному наличию тех, кто потенциально может вступить друг с другом в коммуникацию. Концепты «*субъектность*» и «*другой*» являют собой различные смыслы, однако сосредотачивающиеся в диапазоне одинакового инвариантного значения – наличия потенциальных коммуникантов.

Вторая понятийная секция состоит из концептов *мотивации* и *внутренней направленности на контакт*. Коммуниканты так и останутся потенциальными, если хотя бы одного из них не побудит к контакту с другим *внутреннее* к нему (контакту) *стремление* или, иными словами, если хотя бы один из потенциальных коммуникантов не будет *мотивирован* актуализировать свой пока потенциальный статус коммуниканта. В этом случае *внутренняя направленность* входит в состав инвариантного значения *мотивации*.

Третий узел – явления *языка*. Языковой аспект достаточно раскрыт в исследовательских работах, а потому инвариантное значение не дробится на интуиции. Язык – это знаковая система произвольной природы, посредством которой осуществляется человеческое общение на различных уровнях коммуникации и трансляции, включая операции мышления, приобретение, хранение, преобразование и передачу сообщений (сигналов, информации, знаний).

Следовательно, субъектность, мотивация и язык являются базовыми условиями коммуникации, необходимым, хотя и недостаточным минимумом, без которого коммуникация бы не состоялась – элементами первого структурного кластера коммуникативного процесса или *предпосылками*. Коммуникативный процесс, соответственно, и характеризуется наличием этих трёх предпосылок: субъектности, мотивации и языка.

Во-вторых, часть множества исследовательских концептов представляет собой отсылки к условиям осуществления коммуникации. Среди множества концептов есть и те, которые отсылают к способствующим или препятствующим коммуникации явлениям. Это *релевантность* (П. Грайс, семиотическая традиция), *целесообразность* (Ж. Ла Кофф, социокультурная традиция), *коммуникативный замысел* (М.Бахтин, семиотическая традиция), *код* (Р. Якобсон, трансмиссионная традиция; У. Эко, семиотическая традиция), *интерсубъективность* (А. Шюц, феноменологическая традиция), *концептуальность* (Ж. Ла Кофф, социокультурная традиция), *коммуникативная тема* (Т. ванн Дейк, социокультурная традиция), *впечатление* (И. Гоффман, социопсихологическая традиция), *расположенность* (М.Бубер, феноменологическая традиция), *личностное слияние* (С.Франк, феноменологическая традиция), *отношение* (П. Грайс, семиотическая традиция), *средства коммуникации* (М. Мак Люэн, трансмиссионная традиция).

Складывается ситуация, аналогичная ситуации с «предпосылочными» концептами: несколько концептов из различных исследований обозначают одно и то же, зачастую подчиняясь некому третьему концепту по объему, в свою очередь

отсылающего к одному из элементов структуры коммуникации. Такие смыслы как *релевантность* (соответствие коммуникативного действия цели), *целесообразность* (соответствие коммуникативного действия норме) и *концептуальность* (метафорическое рамкирование коммуникации) воедино связываются инвариантным значением *коммуникативного замысла*.

Об общности кодов как об одном из способствующих коммуникации явлений можно говорить исходя из образования концептуальными смыслами *обратная связь, интерсубъективность и коммуникативная тема* отдельного концептуального узла общности кодов как одного из условий коммуникации. Обратная связь возможна при условии хотя бы частичного совпадения кодов коммуникантов, которое, в свою очередь, более вероятно, если, в терминах Ла Коффа, коммуниканты находятся в контексте единой концептуальной схемы – то есть, пользуются максимально пересекающимися метафорическими языками. Интерсубъективность же представляет собой завершающий этап формирования общности кодов коммуникантов.

Концепты *впечатление* (И. Гоффман, социопсихологическая традиция), *расположенность* (М. Бубер, феноменологическая традиция), *личностное слияние* (С. Франк, феноменологическая традиция) суть концепты, отражающие эмоциональный аспект коммуникативного процесса. Их смыслы существуют в диапазоне инвариантной переменной коммуникативно значимых эмоций, то есть, таких эмоций, которые оказывают существенное влияние на ход коммуникативного процесса.

Следовательно, помимо такого структурного элемента коммуникативного процесса как его **предпосылки**, также следует выделить еще один структурный элемент – **условия** коммуникативного процесса, которыми являются: общность кодов, нормы, коммуникативно значимые эмоции и материальные средства (телесность и техника).

Остальные авторские концепты представляют собой фиксацию существенных характеристик коммуникативного процесса.

Коммуникативный процесс имеет *структуру* (К. Шеннон и У. Уивер, Р. Якобсон, трансмиссионная традиция; У. Эко, семиотическая традиция), основывающуюся на *различениях* (Н. Луман, критическая традиция). В зависимости от развитости структурных элементов коммуникация может быть *симметрична или асимметрична* (Т. Ньюкомб, социокультурная традиция).

Вне зависимости от контекста, если исследуется структура явления, с необходимостью ведется речь и о его **упорядоченности** как о сущностной характеристике структуры. Наличие структуры предполагает внутреннюю организацию составных частей, а также устойчивость этой организации, ее инвариантность на фоне изменений. Ни одно сложносоставное явление не будет жизнеспособным, если изменения в составе его элементов и их связей друг с другом выйдут за пределы допустимых погрешностей – таких, при наличии которых явление X все еще остается явлением X. Следовательно, мы можем говорить об упорядоченности как о фундаментальном свойстве коммуникативного процесса.

Несмотря на то, что **изменчивость** кажется противоположной упорядоченности характеристикой, два этих свойства тесно связаны: изменчивость существует в рамках, заданных ей определённым порядком, как разнообразие признаков в пределах одного вида явлений. Это тот самый диапазон «погрешностей», при наличии которых явление X все еще остается явлением X. Изменчивость обуславливает разнообразие форм коммуникации, обеспечивает ее вариативность в пределах, заданных инвариантой упорядоченности.

Как и об упорядоченности, об изменчивости также сказано немало. Именно на эту инвариантную характеристику указывают смыслы, сосредоточенные в таких концептах, как *динамика понимания* исследователя феноменологической традиции Г. Шпета, *уровневая градация* представителя трансмиссионной традиции К. Шеннона, *уровни коммуникативной подлинности* ещё одного феноменолога К. Ясперса, *уровни сложности* семиотика У. Эко, *коммуникативная градация* Э. Гильдебрандта (мыслителя феноменологической традиции), а также *коммуникативная подлинность* Ж. Бодрийяра.

Итак, изменчивость является таким же существенным признаком коммуникативного процесса, как и упорядоченность.

Среди значимых вариативных интуиций в исследованиях коммуникации также обнаруживаются такие концепты как *сообщение*, *отправитель*, *получатель* (К. Шеннон, М. МакЛюэн, М. Бахтин, У. Эко и другие), *предметно-смысловая исчерпанность* (М. Бахтин), *влияние* (Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст), *обмен* (Т. ванн Дейк), *симметрия* (Т. Ньюкомб) и *асимметрия* (Ю. Лотман), *коммуникативные подлинность и симуляция* (Ж. Бодрийяр), *целесообразность* (Ж. ла Кофф).

Очевидно, что такие элементы как «сообщение», «отправитель» и «получатель» – это реперные точки трансмиссионной структуры. Отправитель – тот, кто передает некую информацию, получатель – принимающий вольно либо невольно переданную отправителем информацию, сообщение – та самая «упакованная» в упорядочивающую обёртку информация. Под словом «информация» скрываются всевозможные виды воздействия объектов и субъектов друг на друга. А это означает, что информация транслируется не только в момент речи, вербально, но и, к примеру, взглядом, жестом, невербально. Более того, само даже человеческое присутствие уже запускает цепь нефиксируемых воздействий, ибо человек как-то выглядит, имеет какой-то запах, излучает тепло. Соответственно, информацией люди обмениваются непрерывно, и влияние информация оказывает на человека всегда, что по умолчанию обращает всех находящихся в зоне взаимного доступа людей в коммуникантов. Другой вопрос, насколько равноценны те информационные потоки, которыми обмениваются коммуниканты, насколько **взаимен** обмен. В случае, когда наблюдается информационное равновесие, можно говорить об обменной *симметрии* – ситуации, когда инвестиции в коммуникацию одного партнёра воспринимаются другим партнёром как достаточные и наоборот. В противном случае, коммуникативный процесс окажется *асимметричным* по обмену.

Очередной нюанс заключается в вопросе: а насколько транслируемая информация соответствует контексту? В связи с этим вспомним концепт

предметно-смысловой исчерпанности. Информационный обмен обладает высокой степенью предметно-смысловой исчерпанности, если посредством него достигнут максимум возможной целесообразности.

Понятие **информационной трансмиссии** охватывает всю процедуру передачи коммуникантами друг другу информации. Трансляция информации, информационный обмен делает возможным все остальные процессы, происходящие в коммуникации, от установления первого контакта до его поддержания и развития в полноте всех возможных нюансов.

Следовательно, коммуникативный процесс характеризуется наличием четырёх существенных признаков: упорядоченности, изменчивости, информационной трансмиссии и взаимности.

3. В результате анализа эксплицированных концептов изменчивости (*динамика понимания, уровневая градация, уровни коммуникативной подлинности, уровни сложности*) введено понятие «полноты коммуникации». Коммуникативная полнота либо есть, и тогда воплощается коммуникативная идея в значении эталонности, проявляющаяся в соответствующих значениях параметров, либо коммуникативной полноты нет, и тогда возможно большое количество вариантов степеней ее отсутствия – усечения, степень и тип которого выявляются по степени и конфигурации соответствия параметрам. Это позволяет заключить, что полнота является одной из коммуникативных диспозиций.

Полнота коммуникации характеризуется следующими параметрами: коммуникативной интенсивностью, вовлеченностью, коммуникативной компетентностью и доверием.

Коммуникативную интенсивность или значение частоты и продолжительности контактов характеризуют такие концепты как *направленность на контакт* и *мотивация*. Данные концепты отсылают к тому, что человек в определенной степени по какой-то причине, с какой-то целью устремлен к взаимодействию с другим человеком, от этих показателей зависит частота и продолжительность коммуникации, следовательно, ее интенсивность.

Во-вторых, ход коммуникативного процесса зависит от того, насколько успешно коммуникант распознает намерение другого коммуниканта, то есть, придерживается требований коммуникативной *релевантности*, а также соответствуют ли его действия коммуникативной цели, что передается концептом *целесообразность*. Выполнение этих требований означает способность к адекватному взаимодействию в определенном социокультурном контексте и свидетельствует о **коммуникативной компетентности**.

Высокая степень коммуникативной компетентности способствует интенсивной коммуникации: коммуникативно «подкованный» человек умеет склонить другого к взаимодействию и грамотно удержать контакт – вовлечь в него потенциального коммуниканта. В свою очередь, вовлеченность во взаимодействие способствует приобретению коммуникативных навыков и, соответственно, компетенции. То есть, коммуникативная компетентность коррелирует с **вовлеченностью** коммуниканта во взаимодействие. В случае, когда ожидание диалога (*расположенность*) через *отношение* к другому возрастает до *личностного слияния*, тогда мы можем зафиксировать состояние максимальной вовлеченности в коммуникацию.

Степень вовлеченности в коммуникацию зависит от её изменчивости. Вовлеченность хрупка, изменение любого элемента коммуникативной конструкции влечет за собой изменение степени вовлеченности. На нее влияют также качество информационного обмена и обещание взаимности. Высокий уровень коммуникативной выносливости, обусловленный коммуникативной компетентностью, способствует упрочнению коммуникации и повышению ее качества, тем самым увеличивая степень ее насыщенности.

И четвертым параметром полноты коммуникации является **доверие**. Без доверия коммуникация ущербна или несостоятельна. Коммуникативная компетентность без доверия превращается в источник подозрения или же средство откровенной манипуляции. Вовлеченность без доверия становится увлеченностью. Интенсивность без доверия придаёт коммуникации оттенок досадной и ненужной деятельности.

При сопоставлении сущностных свойств коммуникации с критериями ее полноты обнаруживается их амбивалентное взаимовлияние. Если упорядоченность влияет на коммуникативный процесс однозначно позитивно, то изменчивость, взаимность и информационная трансмиссия могут повлиять на параметры коммуникативной полноты в равной степени как негативно, так и позитивно. Любое изменение в коммуникативном процессе может как спровоцировать как доверие, так и недоверие. Транслируемая информация также в зависимости от своих свойств раскачивает маятник доверия. Отрицательная взаимность, например, взаимная ненависть, также не располагает к доверию, как и снижение интереса к коммуниканту (изменение) или дезинформация (информационная трансмиссия).

Формированию сферы доверия способствует *интерсубъективность*: в разных контекстах доверие достигается различными способами, а потому в ситуации общности миропонимания механизмы создания доверительной атмосферы между коммуникантами более ясны и доступны. Инструментом формирования доверия является *впечатление*. Мы склонны больше доверять человеку, который производит на нас более правильное (с нашей точки зрения) впечатление – впечатление импонирующего, и наоборот. Чем «лояльнее» впечатление, тем больше коммуникант раскрывается и, соответственно, тем более полна коммуникация как в отношении информативности, так и с позиции экзистенциального. То есть, весь ход коммуникативного процесса задаётся степенью доверия между коммуникантами.

Таким образом, коммуникативная полнота определяется четырьмя параметрами: интенсивностью коммуникации, вовлеченностью, коммуникативной компетентностью и доверием.

4. Посредством нетрудно различить **насыщенную** и **усеченную** коммуникацию. Коммуникация насыщена в тех случаях, когда в коммуникативном процессе выполняются эти критерии, когда они систематически работают на поддержание и воспроизводство коммуникации.

Следует отметить, что предельно насыщенная коммуникация редко встречается в действительности – это, скорее, коммуникативный эталон.

Когда элемент коммуникативной структуры становится дисфункциональным, тогда коммуникация перестает соответствовать как минимум одному параметру коммуникативной полноты. Дисфункция может возникнуть на любом уровне: предпосылок, условий, атрибутов.

Предварительный анализ вариантов усечённой коммуникации представлен следующей типологией: инфантильная, алчная, химеричная, манипулирующая, развенчивающая, блиц-коммуникация, ускользящая, транс-онтическая и десубъективирующая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аванесов, С. С.* Антропологический тупик //Человек.RU : альманах. — Новосибирск: НГУЭУ, 2015. — № 10. — С. 33–45.
2. *Аванесов С. С.* Личность как синергийная конституция // Философские науки. — 2008. — № 2. — С. 32–46.
3. *Агафонова, Н.В.* Густав Густавович Шпет: «Философия – строгая наука» / Н.В. Агафонова. Судьбы творцов российской науки / Отв. ред. А.В. Сурин, М.И. Панов. — М.: УРСС, 2002. — 325 с.
4. *Апель, К.О.* Дискурс і відповідальність: проблема переходу до пост конвенціональної моралі / Пер.з нім. В. Купліна / К.О. Апель. — К: Дух і Літера, 2009. — 430 с.
5. *Аверинцев, С.С.* К. Ясперс. Философский энциклопедический словарь / С.С. Аверинцев. — М., 1970. — Т.5 — 408 с.
6. *Ахутина, Т.В.* Теория речевого общения в трудах М.М. Бахтина и Л.С. Выготского / Т.В. Ахутина // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 1984. — №3. — С. 4—13.
7. *Бахтин, М.М.* План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского» / М.М. Бахтин // Контекст. 1976. Литературно-теоретические исследования. — М.: Наука, 1977. — С. 295—316.
8. *Бахтин, М.М.* Литературно-критические статьи. / М.М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1986. — 543 с.
9. *Багратион-Мухранели, И.Л.* Проблема коммуникации, диалога и творческое наследие Бахтина / И. Л. Багратион-Мухранели // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Сер. : Філологічні науки. — 2014. — № 1. — С. 12—15.
10. *Белозёров, А.Б.* Понятие коммуникации в экзистенциальной философии К. Ясперса / А. Б. Белозёров //Вестник КГУ им.Н.А. Некрасова. — 2011. — № 3. — С. 58—62.

11. Бубер, М. Два образа веры. — М.: Республика, 1995. — 464 с.
12. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. — М.: Вече : АСТ, 2003 . — 511 с.
13. Вахштайн, В.С. Памяти И. Гофмана / В.С. Вахштайн // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — июль — сентябрь 2007. — № 3(83). — С. 140—151.
14. Гайденко, П.П. Человек и история в свете "философии коммуникации" К.Ясперса. Человек и его бытие как проблема современной философии / П.П. Гайденко. — М: Наука, 1978. — 308 с.
15. Гайденко, П.П. Прорыв к Трансцендентному: новая онтология XX века / П. П. Гайденко. — М., 1997. — 495 с.
16. Гавра, Д. Основы теории коммуникации / Д. Гавра. Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. — СПб.: Питер, 2011. — 288 с.
17. Гильдебрандт, Д. Метафизика коммуникации. Исследование сущности и ценности общественных отношений / Д. Гильдебрандт, пер. с нем. А.И. Смирнова. — СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. — 384 с.
18. Гиренок, Ф.И. Смена перспектив в философии человека // Человек.RU : альманах. — Новосибирск: НГУЭУ, 2015. — № 10. — С. 83–92
19. Герасимов, С.В. Некоторые тренды человеческого развития // Философские науки. —2015. — № 3. — С. 133 – 137
20. Говорунов, А.В. Философская антропология – возвращение проекта/ А.В. Говорунов // Международный журнал исследований культуры, Антропологический поворот. — 2014. — № 2 (15) — С. 12—20.
21. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. — М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2000. — 299 с.
22. Гречко П.К. Диспозиции: онтологическая перспектива и коммуникативная аппликация // Вопросы философии. — 2012. — № 4. — С. 99—111.
23. Гриффин, М. Коммуникация: теории и практики / М. Гриффин, пер. с англ. — Х.: Гуманитарный центр, Науменко А.А., 2015. — 688 с.

24. *Гутнер, Г.Б.* Личность и коммуникативная рациональность // Личность. Культура. Общество. — 2008. — Т.Х. — Вып. 3-4 (42-43). — с. 226–232
25. *Дейк, Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Дейк — БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ: Корпус гуманитарных дисциплин, 2000. — 308 с.
26. *Демидов, А.С.* Феномены человеческого бытия. — Минск: ЗАО Издательский центр "Экономпресс", 1999. — 180 с.
27. Диалогическая теория М.Бахтина и ее методологическая действенность для современных методов обучения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw4/redkozubova_kudryashov.html (дата обращения: 08.01.2016)
28. *Демченко, Л.М., Карпеева, Е.В., Осипова, Ю.С.* Проблема единства экзистенциальной коммуникации и экзистенциального прояснения в философии К. Ясперса / Л. М. Демченко, Е.В. Карпеева, Ю.С. Осипова // Вестник ОГУ. — 2006. — №1. —Том 1. Гуманитарные науки. — С. 25—34.
29. *Иванова О.Э.* Проблема смысла в коммуникации: парадигмальный подход / О.Э. Иванова. — Челябинск: ЧГПУ, 2014. — 273 с.
30. *Иванова, Р.А.* Социокультурные детерминанты современной теории коммуникации // Идеи и Идеалы. —2017. — №3. — Т.2. — С. 81—93.
31. *Ивонин, Ю.П.* Институционализация философской антропологии. Историк-философский аспект //Человек.RU : альманах. — Новосибирск: НГУЭУ, 2006. — № 2. — С. 127–145
32. *Ионин, Л.Г.* Понимающая социология / Л.Г. Ионин. — М: Наука, 1979. — 207 с.
33. История появления компьютера. Цифровой вектор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://v3ctor.ru/blog-saita/ne-mnogo-istorii/96-istoriya-royavleniya-kompyutera> (дата обращения: 06.01.2017)
34. *Кассирер, Э.* Избранное. Опыт о человеке // Э. Кассирер. — М.: Гардарика, 1998. — 784 с.

35. *Клягин, С.В., Шипунова, О.Д.* Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты / С.В. Клягин, Шипунова О.Д. — СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. — 222 с.
36. *Коковин, И.С.* Генезис антропологических концептов в философии: поиска предмета // Человек.RU : альманах. — Новосибирск: НГУЭУ, 2015. — № 10. — С. 107–114
37. *Коковин, И.С.* Современная антропология в России: вызовы и ответы // Человек.RU : альманах. — : НГУЭУ, 2016. — № 11. — С. 133–145
38. Код — всему голова. Концепция пансемиотизма У. Эко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://concepture.club/post/semiotika-kino/kinokonceptsiya-umberto-eko> (дата обращения: 06.01.2017)
39. *Клюев, Е.В.* Риторика Инвенция. Диспозиция. Элокуция: Учебное пособие для вузов / Е.В. Клюев. — М.: ПРИОР, 2001. — 272 с.
40. *Клюканов, И.Э., Султанова М.А.* Коммуникативный универсум / И.Э. Клюканов, М.А. Султанова. — М.: РОСПЭН, 2010. — 256 с.
41. *Крейг, Р.Т.* Теория коммуникации как область знания / Р.Т. Крейг // Компаративистика III, СПб: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. — 2003. — С. 72—126.
42. *Кристева, Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Ю. Кристева, пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: ИГ Прогресс, 2000. — 560 с.
43. Компаративистика. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований /Под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. — СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. — 408 с.
44. *Лакофф, Д.* Метафоры, которыми мы живем (Metaphors We Live By) / Дж. Лакофф (George Lakoff), М. Джонсон (Mark Jonson). — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
45. *Лоренц, К.* Так называемое зло / К. Лоренц, пер. с нем. А. И. Федорова. — М. : Культурная революция, 2008. — 616 с.

46. *Лоренц, К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // *Вопр. философии.* — 1992. — № 3. — с. 39 — 53
47. *Лотман, Ю.М.* Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. / Ю.М. Лотман. М.: Научный совет по комплексной программе «Кибернетика». Предварительная публикация, 1977. — 550 с.
48. *Луман, Н.* Общество как социальная система. / Н. Луман. Пер. с нем. А. Антоновский. — М.: Логос, 2004. — 232 с.
49. *Луман, Н.* Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001. — 256 с.
50. *Лутеро, Т.* О концепции У. Эко и его вклад в семиологические исследования/ Т. Лутеро // *Семиотика, Язык и культура.* — 2015. — С. 129—133.
51. *Мазаева, О. Г.* Густав Густавович Шпет и его наследие / О.Г. Мазаева // *Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология.* — 2008 — № 1(2) — С.141—147.
52. *Маковеев, В.* От чёрно-белого телевидения к киберпространству. Музей телевидения и радио в интернете [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=4626&page=1 (дата обращения: 05.01.2017)
53. *Мертон, Р.* Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873 с.
54. *Назарчук, А.В.* Теория коммуникации в современной философии/ А.В. Назарчук. — М.: Прогресс — Традиция, 2009. — 320 с.
55. *Нанси, Ж.-Л.* Сегодня. Лекция, прочитанная в январе 1990 г. в Институте философии РАН в Москве // *Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН.* — М.: Ad Marginem, 1994. — С. 123—150
56. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/ASHbb6fb2dd8032818c2096bb> (дата обращения: 06.08.016)

57. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. — Мн.: Книжный Дом, 2003. — 1280 с.
58. *Ноэль-Нойманн, Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Нойманн-Ноэль, пер. с нем / Общ. ред. и предисловие Мансурова Н.С. — М.: Прогресс — Академия, Весь Мир, 1996. — 352 с.
59. *Орлова, Э.А.* История антропологических учений / Э.А. Орлова. — М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. — 621 с.
60. *Орлова, Э.А.* Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. — 2011. — № 5. — С. 170 — 192
61. *Остин, Дж.* Три способа пролить чернила: Философские работы. Перформативные высказывания / Дж. Остин, пер. с англ. В. Кирющенко; Вступ. статья В. Кирющенко, М. Колопотина. — СПб.: Алетея : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. — 335 с.
62. *Почепцов, Г.Г.* Теория коммуникации / Почепцов Г.Г. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2006. — 656 с.
63. *Пятигорский, А.М.* Избранные труды / А.М. Пятигорский. — М., 1996. — 592 с.
64. *Пятигорский, А.М.* Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа / А.М. Пятигорский. — М., 1996. — 280 с.
65. Популярная механика: почему люди делают репосты? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.popmech.ru/science/335622-uchyeniye-razobralis-pochemu-lyudi-delayut-reposty/> (дата обращения: 29.03.2016)
66. Психология. Словарь психологических терминов. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2000. — 494 с.
67. *Понти, М.* Феноменология восприятия / М. Понти. Пер. с французского под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. — СПб.: Ювента. 1999.— 597 с.
68. *Рикёр, П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. — М.: Медиум, 1995. — 405 с.

69. *Ренч, Т.* Конституція моральності. Трансцендентальна антропологія і практична філософія / Т. Ренч, пер. з нім. В. Приходька. — К.: Дух і літера, 2010. — 348 с.
70. *Рыскельдиева, Л.Т.* Текст и коммуникация (философские размышления): монография / Л.Т. Рыскельдиева, Ю.М. Коротченко, О.А. Шапиро, О.В. Зарапин. — М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2018. — 179 с.
71. *Рыскельдиева, Л. Т.* Очерки по философии культуры и общества / Науч. ред. Рыскельдиева Л. Т. — Симферополь : ДИАЙПИ, 2012. — 263 с.
72. *Сервера Эспиноза, А.* Кто есть человек? Философская антропология // Это человек: Антология/Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. — М.: Высш. шк., 1995. — 320 с.
73. *Смирнов, С.А.* Чертов мост. Введение в антропологию перехода // С.А. Смирнов. — Новосибирск: НГУЭУ, 2010. — 491 с.
74. *Стернин, И. А.* Практическая риторика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И.А. Стернин. — 5-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 272 с.
75. Современная буржуазная философия. Учеб. пособ. Под ред. А.С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. — М.: Высшая школа, 1978. — 582 с.
76. *Селигмен, А.* Проблема доверия / А. Селигмен. Перевод с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. — М.: Изд-во Идея-Пресс, 2002. — 200 с.
77. *Тюпа, В.И.* Коммуникативные стратегии теоретического дискурса / В.И. Тюпа // Критика и семиотика. — 2006. — №. 10.— С. 36—45.
78. *Фарре, Л.* Философская антропология // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. — М.: Высш. шк., 1995. — 320 с.
79. *Франк, С.Л.* Сочинения / С. Л. Франк. — М.: Правда, 1990. — 608 с.
80. *Франк, С.Л.* Духовные основы общества /С. Л. Франк. — М.: Республика, 1992. — 510 с.
81. *Франкл, В.* Сказать жизни: «Да»: психолог в концлагере / В. Франкл. — М.: Смысл, 2007. — 173 с.

82. *Фёдорова, Л.* Об определении функций речевых актов/Доклады международной конференции // Л. Фёдорова. — М.: Диалог, 2003. — С. 1—6.
83. *Фьоре, Н.* Психология личной эффективности. Как победить стресс, сохранять концентрацию и получать удовольствие от работы / Н. Фьоре. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 208 с.
84. *Хабермас, Ю.* Постметафізичне мислення / Ю. Хабермас. Пер. з нім. В. Купліна. — К: Дух і літера, 2011. — 280 с.
85. *Хабермас, Ю.* Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. Пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева. — Спб.: Наука, 2008. — 417 с.
86. *Хоружий, С.С.* Трансформативная антропология глазами синергийной антропологии (к проблеме постчеловека) // Фонарь Диогена. — М.: Прогресс-Традиция, 2010. — 928 с.
87. *Черникова, В.Е.* Антропологическое измерение коммуникации в условиях информатизации общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — № 3. — 2016. — с. 50–59
88. *Шарков, Ф.И.* Коммуникология: основы теории коммуникации: Учебник / Ф. И. Шарков. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. — 592 с.
89. *Шелер, М.* Положение человека в космосе / Шелер М. Избранные произведения. — М.: Гнозис, 1994. — 133 с.
90. *Шеннон, К.* Современные достижения теории связи // Информационное общество / К. Шеннон. Под ред. А. Лактионова. — М., 2004. — 509 с.
91. *Шпет, Г.Г.* Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта. Изд. 3-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2006. — 216 с.
92. *Шпет, Г.Г.* Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы / Г.Г. Шпет послесл. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1996. — 192 с.

93. *Шпет, Г.Г.* Сочинения / Г. Г. Шпет, предисл. Е.В. Пастернак. — М.: Правда, 1989. — 608 с.
94. *Шпет, Г. Г.* Герменевтика и её проблемы / Г. Г. Шпет. — М.: Контекст, 1989. — 816 с.
95. *Шютц, А.* Некоторые структуры жизненного мира // Личность. Культура. Общество. — 2007. — №. 2 (36). — С. 52–68
96. *Шютц, А.* Структура повседневного мышления / А. Шютц // Социологические исследования. — 1988. — № 2. — С.133— 134.
97. *Эко, У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. — СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. — 432 с
98. *Ядов, В.А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. — М.: ЦСПиМ, 2013. — 376 с.
99. *Яковлев, И.П.* Основы теории коммуникации. Учебное пособие / И.П. Яковлев. — СПб.: Институт управления и экономики, 2001. — 230 с.
100. *Якобсон, Р.* Язык в отношении к другим системам коммуникации / Якобсон Р. Избранные работы. — М., 1995. — 460 с.
101. *Якобсон, Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". — М., 1975. — 467 с.
102. *Якобсон Р.* Речевая коммуникация. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. — 460 с.
103. *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов.* — М.: МАКС Пресс, 2004. — 168 с.
104. *Язык. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2010–2016. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/concepts/7076> (дата обращения: 20.06.2017)*
105. *Arnold C. Rhetoric // E. Barnouw, G. Gerbner, W. Schramm, T. L. Worth and L. Gross, International Encyclopedia of Communications (vol.3). New York, Oxford University Press, 1989, 1960 p.*

106. Anderson, J.A. *Communication theory: Epistemological foundations*. New York: Guilford Press, 1996, 259 p.
107. Bitzer, The Rhetorical Situation”, 1968. URL: <http://www.bhsu.edu/Portals/201/Bitzer--Rhetorical%20Situation.pdf>
108. Baudrillard Jean. *Ecstasy of Communication. The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture*. Ed. H. Foster. Port Townsend: Bay Press, 1983. P. 126–133. (Tr. John Johnston).
109. Baier A. Trust and Antitrust, *Ethics*, Vol. 96, No. 2, Jan., 1986, pp. 231–260.
110. Borum R. *The Science of Interpersonal Trust*, 2010. URL: http://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1573&context=mhlp_fa_cpub
111. Boesh E.E. *Symbolic Action Theory and Cultural Psychology*, 1991, 387 p.
112. Bochner, Arthur P.; Kelly, Clifford W. *TITLE Interpersonal Competence: A Paradigm for Planned Change in Undergraduate Communication Instruction*, 1972, 35 p.
113. Castaldo S. *The Meaning(s) of Trust. A Content Analysis on the Diverse Conceptualizations of Trust in Scholarly Research on Business Relationships*, 2010, 668 p.
114. Carey J. *Communication as Culture*. 1989, 241 p.
115. Cegala D. Interaction involvement: A cognitive dimension of communicative competence// *Communication Education*. 1981. № 30. P. 110–121.
116. Deetz S. *Democracy in an Age of Corporate Colonization: Developments in Communication and the Politics of Everyday Life*, 1992, 399 p.
117. DeVito Joseph A. *The interpersonal Communication Book*. Longman, 2001, 424 p.
118. Eemeren F.H., Grootendorst R. *Speech acts in argumentative discussions*. Dordrecht etc., 1987, 574 p.
119. Gareth R. Jones and Jennifer M. George. *The Experience and Evolution of Trust: Implications for Cooperation and Teamwork*. *The Academy of Management Review*. Vol. 23, No. 3 (Jul., 1998), pp. 531–546.

120. Grice P. Studies in the way of words. Cambridge, Mass. etc., 1989.
121. Grice H. P. Logic and conversation. In: «Syntax and semantics», v. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y., Academic Press, 1975, p. 41–58
122. Goffman E. Interaction Ritual. N. Y.: Doubleday, 1967, 270 p.
123. Hardy C, N Phillips, T Lawrence. Distinguishing trust and power in interorganizational relations: Forms and facades of trust. Trust within and between organizations, 64–87.
124. Heims S. The Cybernetics Group, 348 p, 1991.
125. Holmes D. Communication theory: media, technology and society, 2008, 255 p.
126. Jensen A. Interpersonal Communication. Oxford University Press, 2011, 402 p
127. Katriel & Philipscn. What we Need is Communication: Communication as a Cultural Category in Some American Speech. Communication Monographs, 1981, p. 301–317
128. Kasperon R, Golding D. Tuler S, 1992, Siting Hazardous Facilities and Communicating Risks under Conditions of High Social Distrust. Journal of Social Issues 48(4): 161–187.
129. Koenigs M. et al. «Reduced prefrontal connectivity in psychopathy». Journal of Neuroscience, 31, 2011; S. Gregory, N. Blackwood et al. «The Antisocial Brain: Psychopathy Matters – a structural MRI investigation of antisocial male offenders», Archives of General Psychiatry.
130. Lewicki and Bunker. Trust in relationships: A model of development and decline, 1995, 176 p.
131. McLuhan M., Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964, 396 p.
132. MCallister D. Affect- and cognitionbased trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations. Academy of Management Journal, 1995, Vol.38, №1, 24–59

133. McGrawHill. *Communication Works!*, Student Edition, McGraw-Hill Education, 2001, 396 p.
134. McKnight and Chervany. *The Meaning of Trust*. URL: http://www.misrc.umn.edu/workingpapers/fullpapers/1996/9604_040100.pdf
135. McKeon R. *The Freedom to Read: Perspective and Programm*, 1957, p.88–107
136. Miller J. *An introduction to speech communication*. Bobbs-Merrill, 1972, 102 p
137. Peters R. *The Determinants of Trust and Credibility in Environmental Risk Communication: An Empirical Study*, 1997, Volume 17, Issue 1, February 1997, Pages 43–54.
138. Rosengren, K.E. *From Field to Frog Ponds*. *Journal of communication*. 1993. 43(3), p. 195–200
139. Rickheit G, Strohner H, Vorverg C. *The concept of communicative competence*. *Handbook of communication competence*, 2008, 418 p.
140. Robinson S. *Trust and Breach of the Psychological Contract*. *Administrative Science Quarterly* Vol. 41, No. 4 (Dec., 1996), pp. 574–599.
141. Rousseau D. *Not so Different After All: a Crossdiscipline View of Trust*. *Academy of Management Review* 1998, Vol. 23, No. 3, 393–404.
142. Shannon C., Weaver W. *The Mathematical Theory of Communication* // Urbana: University of Illinois Press, 1969, 131 p.
143. Simonson P, Peck J. *Handbook on Communication History*, 2013, 491 p.
144. Spitzberg, B. H., and Cupach, W. R. *Handbook of Interpersonal Competence Research*. New York Springer-Verlag, 1984, 235 p.
145. Spitzberg, B. H., and Hecht, M. L. *A component model of relational competence*. *Human Communication Research*, 10, 1989, 575–599
146. Wiemann, J. M. *Explication and test of a model of communicative competence*. *Human Communication Research*, 3, 1997, p. 195–213.

Таблица эксплицированных концептов

Автор	Работа	Год	Концепция	Концепты
Г. Шпет	«Герменевтика и её проблемы»	1918	Феноменологическая	Контекст, Другой, мотивация, коммуникант-автор, динамика понимания
М. Бубер	«Я и Ты»	1922	Диалогическая	Другой, открытость, расположенность, взаимность
С. Франк	«Духовные основы общества»	1930	Симбиотическая	Личностная субъектность, личностное слияние
К. Шеннон	«Современные достижения теории связи»	1948	Уровневая	Информационная трансмиссия, уровневая градация коммуникации, неоднородность коммуникативного процесса
К. Ясперс	«Смысл и назначение истории»	1949	Экзистенциалистская	Уровни коммуникативной подлинности
Т. Ньюкомб	«Подход к исследованию коммуникативных актов»	1953	Симметричная	Коммуникативная симметрия, коммуникативная связь
И. Гоффман	«Представление себя другим в	1959	Перформансная	Впечатление

	повседневной жизни»			
Р. Якобсон	«Язык по отношению к другим средствам связи»	1961	Корреспондентская	Структура коммуникативного акта, контекст, код, контакт
М. МакЛюэн	«Понимание медиа: расширение человека»	1964	Корреспондентская	Сообщение, средства коммуникации
У. Эко	«Отсутствующая структура. Введение в медиологию»	1968	Семиотическая	Сообщение, код, контекст, элементарная коммуникативная структура, уровни коммуникативной сложности
П. Рикёр	«Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике»	1969	Диалогическая	Экзистенциальная эмерджентность
Э. Гильдебрандт	«Метафизика коммуникации. Исследование сущности и ценности общественных отношений»	1971	Метафизическая	Взаимность, внутренняя направленность на контакт с другим, контакт, степень реализации контакта, экзистенциальная эмерджентность
А. Шюц	«Структура повседневного	1974	Интерсубъективная	Коммуникативный контакт, взаимодействие, интерсубъективность

	мышления»			
Т. ванн Дейк	«Язык. Познание. Коммуникация»	1978	Ситуативно-событийная	Обмен, коммуникативная тема
Ф. ванн Еемерен, Р. Гроотендорст	«Речевые акты в аргументирующих дискуссиях»	1980	Аргументативная	Влияние
Ю. Хабермас	«Моральное сознание и коммуникативное действие»	1983	Этическая	Нормы, Другой, ответственность, взаимопонимание, коммуникативный акт
Ж.П. Бодрийяр	«Экстаз коммуникации»	1987	Семиотическая	Взаимность, коммуникативная подлинность, коммуникативная симуляция
К. Апель	«Дискурс и ответственность: проблема перехода к постконвенциональной морали»	1988	Этическая	Нормы, Другой, ответственность, взаимопонимание
П. Грайс	«Studies in the way of words»	1989	Кооперативная	Количество, качество, отношение и способ осуществления коммуникации, релевантность
Ю. Лотман	«Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера – история»	1990	Протокорреспондентская	Претекст, взаимное влечение к контакту, коммуникативная асимметрия, аутокоммуникация

М. Бахтин	«Литературно-критические статьи»	1994	Структуралистско-диалогическая	Ограниченность коммуникативного акта; контекст; предметно-смысловая исчерпанность; коммуникативный замысел; диалог; отправитель; получатель
А. Пятигорский	«Избранные труды»	1996	Текстовая	Коммуникативная связь, Другой, текст
Н. Луман	«Общество как социальная система»	1997	Игнористическая	Предпосылки, условия, атрибуты коммуникации
Ж. Ла Кофф	«Метафоры, которыми мы живем»	2003	Метафорическая	Процессуальность коммуникации, диалогичность, субъектность (человек и человек только), целесообразность и концептуальность

Лингво-хронологическая матрица коммуникативных исследований

Год	Автор, Программная работа	Язык публи кации	Концепция	Концепты
1918	Г. Шпет <i>«Герменевтика и её проблемы»</i>	Rus	Феноменологическая	<i>Контекст, Другой, мотивация, коммуникант- автор, динамика понимания</i>
1922	М. Бубер <i>«Я и Ты»</i>	De	Диалогическая	<i>Другой, открытость, расположенность, взаимность</i>
1930	С. Франк <i>«Духовные основы общества»</i>	Rus	Симбиотическая	<i>Личностная субъектность, личностное слияние</i>
1948	К. Шеннон <i>«Современные достижения теории связи»</i>	Eng	Уровневая	<i>Информационная трансмиссия, уровневая градация коммуникации</i>
1949	К. Ясперс <i>«Смысл и назначение</i>	De	Экзистенциалистская	<i>Уровни коммуникативной подлинности</i>

	<i>истории»</i>			
1953	Т. Ньюкомб <i>«Подход к исследованию коммуникативных актов»</i>	Eng	Симметричная	<i>Коммуникативная симметрия, коммуникативная связь</i>
1959	И. Гоффман <i>«Представление себя другим в повседневной жизни»</i>	Eng	Перформансная	<i>Впечатление</i>
1961	Р. Якобсон <i>«Язык по отношению к другим средствам связи»</i>	Eng	Корреспондентская	<i>Контакт, контекст, код</i>
1964	М. МакЛюэн <i>«Понимание медиа: расширение человека»</i>	Eng	Корреспондентская	<i>Средства коммуникации, сообщение</i>
1968	У. Эко <i>«Отсутствующая структура. Введение в медиологию»</i>	It	Семиотическая	<i>Сообщение, код, контекст, элементарная коммуникативная структура, уровни коммуникативной сложности</i>
1969	П. Рикёр <i>«Конфликт</i>	Fr	Диалогическая	<i>Другой, экзистенциальная эмерджентность</i>

	<i>интерпретаций. Очерки о герменевтике»</i>			
1971	Э. Гильдебрандт «Метафизика коммуникации. Исследование сущности и ценности общественных отношений»	De	Метафизическая	<i>Взаимность, контакт, степень реализации контакта</i>
1974	А. Шюц «Структура повседневного мышления»	De	Интерсубъективная	<i>Коммуникативны й контакт, интерсубъективно сть</i>
1978	Т. ван Дейк «Язык. Познание. Коммуникация»	Eng	Ситуативно-событийная	<i>Коммуникативная тема, обмен</i>
1980	Ф. ванн Еемерен, Р. Гроотендорст «Речевые акты в аргументирующих дискусиях»	Eng	Аргументативная	<i>Влияние</i>
1983	Ю. Хабермас «Моральное сознание и коммуникативное	De	Этическая	<i>Нормы, Другой, ответственность , коммуникативный</i>

	<i>действие»</i>			<i>акт, взаимопонимание</i>
1987	Ж.П. Бодрийяр <i>«Экстаз коммуникации»</i>	Fr	Семиотическая	<i>Взаимность, коммуникативная подлинность, коммуникативная симуляция</i>
1988	К. Апель <i>«Дискурс и ответственность: проблема перехода к постконвенциональной морали»</i>	De	Этическая	<i>Нормы, Другой, ответственность , взаимопонимание</i>
1989	П. Грайс <i>«Studies in the way of words»</i>	Eng	Кооперативная	<i>Количество, качество, способ осуществления коммуникации, релевантность</i>
1990	Ю. Лотман <i>«Внутри мыслящих миров. Человек-текст- семиосфера – история»</i>	Ru	Протокорреспондентская	<i>Претекст, коммуникативный код, взаимное влечение, аутокоммуникаци я</i>
1994	М. Бахтин <i>«Литературно- критические статьи»</i>	Ru	Структуралистско- диалогическая	<i>Ограниченность коммуникативног о акта, контекст, коммуникативный</i>

				<i>замысел, диалог, отправитель, получатель</i>
1996	А. Пятигорский <i>«Избранные труды»</i>	Ru	Текстовая	<i>Текст, Другой, коммуникативная связь</i>
1997	Н. Луман <i>«Общество как социальная система»</i>	De	Игнористическая	<i>Предпосылки, условия, атрибуты коммуникации</i>
2003	Ж. Ла Кофф <i>«Метафоры, которыми мы живем»</i>	Eng	Метафорическая	<i>Процессуальность коммуникации, диалогичность, субъектность, концептуальность</i>